

Гиржи Грошек

Файф-о-клок

Амфора

Annotation

В этой книге всего понемногу: и бывших жизней, и грехов, и самоиронии, и литературных фокусов с разоблачением. А главное, «Файф-о-клок» – это действительно смешной сборник, состоящий из романа «Файф», пяти интервью с Иржи Грошеком и повести «Пять фацевий „а-ля русс“».

- [Иржи Грошек](#)
 - [Файф](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 - [О](#)
 - [Интервью первое](#)
 - [Интервью второе](#)
 - [Интервью третье](#)
 - [Интервью четвертое](#)
 - [Интервью пятое](#)
 - [Клок](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [Фуга о неизвестном авторе](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Иржи Грошек
Файф-о-клок

Файф

**Пять анекдотов из жизни неизвестного
автора**

*Кто бы ты ни был – проваливай к черту,
прохожий!*

*Взгляд отведи и о нашей судьбе не пытайся
разведать.*

*Ибо лежать и тебе с постной рожей,
Вместо того чтобы завтракать или обедать...*

Эпитафия на придорожной могиле

С начала лета погоду бросало то в жар, то в холод. Предугадать температуру воздуха на завтрашний день брались метеорологи, проходимцы и домашние животные. Охотнее всего верили последним, а метеорологов отказывались обслуживать даже в «Макдоналдсе». Одна невеста сбежала из-под венца, когда открылось, что ее жених не серийный убийца, а делает прогноз погоды для местного телевидения. Словом, от перепада температур народ потихоньку сходил с ума. И если утром термометр показывал ноль градусов, то во второй половине дня – плюс двадцать пять. Академики, выйдя из дома в демисезонном пальто, к вечеру становились идиотами. Зато сочинительница бульварных романов получила премию «Федеративный бестселлер»...

Двадцатого июля, во второй половине дня, если разрубить его надвое, как арбуз, я находился в баре «Папа Рома». Ничего общего с Древним Римом, кроме безобразий. Ибо голые девки плясали здесь круглосуточно, а хозяин заведения был мадьяром. Я вовсе не намекаю, что все мадьяры отчаянные безобразники, но этого звали Рома. Отсюда – водка, икра, Станиславский и балалайка с мордобоем ближе к трем часам ночи.

В общем, я не сторонник подобных развлечений, и слава богу, что Рома не приходился мне рóдным папой. То есть генетически я не расположен жрать икру и думать о смысле жизни. Поэтому назначал здесь встречи без опасений расслабиться и треснуть собеседника по башке балалайкой. Поддавшись национальному настроению. Тем более что в этот день я встречался у «Папы Ромы» со своим редактором, а бить редактора – самое последнее дело. Вначале надо написать роман...

– Я слушаю, – сказал Редактор, устраиваясь на стуле поудобнее. И, поскольку я заездил уже трех представителей этой древнейшей профессии – отгородился от меня портфелем...

Вы знаете, чем писатель отличается от литератора? Первый сидит и пишет, зато второй свободно шляется по округе и наводит тоску своими рассуждениями о литературе. Пьет кавечку на каждом углу и многозначительно улыбается, как будто видит мужчин насквозь, а

женщин – без верхней одежды. Вот поэтому, когда литератор выходит на улицу, надо вовремя информировать население. Бить в барабан, перекрывать движение, зажигать сигнальные огни. Чтобы не травмировать рядового читателя обликом современной литературы...

– Только не надо мне рассказывать про муки творчества, – предупредил Редактор. – У меня на муки творчества идиосинкразия. Иначе говоря – сыпь по всему телу.

Он взял со стола салфетку и стал от меня отмахиваться. Всячески подчеркивая, что в когорте известных ему уродов я – самый душный урод.

Должно быть, в его издательстве исправно работали кондиционеры. Что благотворно сказывалось на однородности авторов. Книжные серии подбирались по формату, где длинный писатель не стоял рядом с толстым, а худого пузырили до трехсот двадцати страниц. Любовные романы гремели кастрюлями, от количества триллеров хотелось повеситься, сентиментальные образы поражали стервозностью, интеллектуальная проза – извращениями...

– Хорошо... – согласился я. – Противостояние Трагедии и Комедии еще полностью не оформилось в моих произведениях.

– Иначе говоря-а, и на сегодняшний де-ень... – затянул Редактор.

– Двадцатое июля, – охотно подхватил я.

– Романа у вас нет! – закончил псалом Редактор и откинулся на спинку стула в образе Понтия Пилата, который умывает руки.

Я сделал то же самое, и посетители бара могли бы наблюдать двух Понтиев Пилатов. Явление крайне редкое и символическое. Однако ни один паразит с криками «Знамение! Знамение!» не выскочил из бара, и явление прошло незамеченным.

– А в чем проблема? – поинтересовался Редактор, когда мы вдоволь друг на друга натаращились. – Кризис жанра?..

Ближе всего мне постмодернизм. Или винная лавка на улице Фучика. Неплохо выходят эпические поэмы. Для обыкновенной эпической поэмы требуется бутылка текилы на каждую героическую песню. Желательно марки «Olmeca». Хуже обстоят дела со сценарием для телесериала. Мне попросту столько не выпить. А чтобы писать иронические детективы, да по штуке за месяц, мне надо сделать операцию по пересадке пола и биться головой о стену до полной

шишкообразности. Только тогда получают добротные иронические детективы.

Так что кризиса у меня не было. Как и жанра.

Вдобавок я умудрился получить аванс за новый исторический роман, но радости от этого не испытывал. Потому что деньги закончились – сразу же после эпиграфа: «Тебе, дорогой издатель, я посвящаю этот труд!» А дальше мои исторические римляне увязли в сибирских болотах, заблудились в тевтобургских лесах, и оставалось надеяться только на случай. А именно – стырить у кого-нибудь рукопись и выдать за свою. Дабы рассчитаться с «дорогим издателем», который теперь ежемесячно подсылал мне Редактора с целью получить все, что ему посвящалось.

И если это называется «кризисом жанра», то на мой взгляд – просто невезуха. Когда на книжных полках писателей больше, чем у мартышки блох. А в остальное время, да с рукописью в кармане – мне эти самые писатели никак не попадаются. Иначе бы я давно сдал роман...

Тут я принялся размышлять о свинской жизни писателя, из которой не выдавишь порядочного сюжета. Но меня прервали...

Машá служила у Папы Ромы вышибалой. Не в смысле, что – тресь по морде, а – деликатнее. Вначале она объясняла клиенту, как работает система Станиславского. Что если на стене висит бейсбольная бита, то Константин Сергеевич где-то рядом. А если разбушевавшийся клиент не понимал художественного замысла – Машá звонила в колокольчик. Тут же появлялся Константин Сергеевич, ростом с Большой театр, в красной рубахе. Не знаю, где Папа Рома его откопал, наверное вывез спецрейсом из Мадьярии, но Франкенштейн был младенцем по сравнению с этим мужиком. Поэтому хватало демонстрации – как Константин Сергеевич гнет железные прутья и рвет телефонные книги. После чего всякий разбушевавшийся клиент обещал вести себя чинно и благородно. И не то чтобы жрал землю в знак своих обещаний, но особо трепетные дамочки рыдали от этой мизансцены, как на спектакле «Ромео и Джульетта». А дальше все ждали, что скажет Константин Сергеевич... Если он говорил: «Верю!», то клиента снова усаживали за столик, а если говорил: «Не верю!» – то сразу же несли в гардероб. Подальше от Константина Сергеевича. Который терпеть не мог фальши. И больше Константин

Сергеевич ничего не говорил. Вот за эту лаконичность его и прозвали Станиславским.

– Немного стриптиза? – спросила Маша, заглядывая к нам на огонек.

На самом деле это была проверка, так называемый фейс-контроль, когда по выражению «фейса» судят о положении всего остального. И не думаю, чтобы Маша притащилась поглазеть на меня, но в общем-то наша компания ее заинтересовала. Сами понимаете: два человека отсвечивают в приват-кабине, девок не вызывают, водки не пьют и пучатся друг на друга. Тут либо замышляется убийство, либо педерастический акт. Что – по отдельности – на меня непохоже. И поэтому Маша сконцентрировалась на Редакторе и даже потрогала его за портфель. Мол, впервые вижу мужчину с такими аксессуарами. Но Редактор был начисто лишен романтизма или балдел только под абзацы. Во всяком случае, он прижимался к своему портфелю с большим энтузиазмом, чем к Памеле Андерсон.

– Нам надо поговорить, – пробурчал странный Редактор, искоса поглядывая на Машу.

Понятно, что Редактор хотел поговорить со мной, однако Маша истолковала его слова иначе.

– Ах вот что тебя заводит, милый! – обрадовалась она и попыталась пристроиться к Редактору на колени. – Ну давай поговорим!

И тут меня осенило! Отчего Редактор так цепляется за свой портфель...

Кажется, у Метерлинка есть пьеса о семи слепцах, но вполне возможно, что слепцов было больше. Однажды немощный поводырь завел их в лес и скончался от старости. Но, по естественным причинам, среди незрячих была беременная женщина, и в ту же ночь она родила совершенно здорового ребенка. И вот сидят слепцы среди сосен и бедствуют, поскольку старый поводырь умер, а младенец хоть и видит, но – не ведает... И только писателю с первых страниц романа удастся узреть истину...

– У вас там рукописи?! – поинтересовался я и выразительно поморгал на портфель.

– А что же еще, идиот безмозглый?! – моментально отозвался Редактор.

Отсюда – многочисленные выводы. Не верьте писателю, который утверждает, что в его романах исключительный реализм с топографической картой местности. Писатель сам отирается под соседней елкой. Ибо он не Мессия, а зрячее подобие и никуда не ведет, а только лишь – гугукает...

– Да уберите от меня эту бабу! – вдруг завопил Редактор, в то время как обстоятельная Маша принялась фукать ему в ухо.

Однажды страстный эпиграфист Поджо Браччолини попытался скопировать древнюю надпись, высеченную на камне. Лето стояло жаркое, год на дворе – тысяча четыреста четырнадцатый, дело происходило на окраине Рима... Поджо очищал придорожный камень от вековых наслоений и не думал проявлять свою страсть к другому предмету. Как вдруг он услышал смех и вынужден был обернуться. На дороге стояли дамы и живенько интересовались – чем занимается Поджо Браччолини? Им показалось смешным, что прилично одетый господин роется в сточной канаве. Любой другой средневековый ученый плюнул бы на глупых дам и продолжил свои научные изыскания. Но Поджо Браччолини был выдающимся просветителем. Он тут же бросил копаться в дерьме и отправился с дамами в более уединенное место, чтобы спокойно рассказать о своих эпиграфических интересах. А древняя надпись так и осталась – на камне... Да и куда она, на хрен, денется?! А вот дамы – продукт скоропортящийся. И лучше ответить им взаимностью, чем потом страдать от диареи...

– Ты знаешь, как работает система Станиславского?! – спросила Маша у Редактора.

В пылу дискуссии она моментально переходила на «ты». Ибо нет ничего страшнее женщины, когда ей не дают заработать на хлеб с маслом. Да вдобавок обзываются «бабой» в процессе соблазнения.

– Ты хочешь об этом поговорить?! – не унималась Маша, накручивая редакторский галстук себе на кулак. – Ты хочешь об этом поговорить?!

В сорок лет я понадеялся, что это – меньшая часть поганой жизни, отпущенной мне при распродаже. И для чего-то поперся к психоаналитику. Разлегся у него на диване и мирно заснул... То есть все выглядело несколько по-другому, иначе чем у Маша с Редактором...

– Сейчас я тебе покажу бабу! – угрожающе верещала она.

- Не надо! – сопротивлялся Редактор.
- Сейчас я тебе покажу стриптиз! – настаивала Машá.
- Не надо! – сопротивлялся Редактор...

Вскоре на визги и вопли, которые доносились из нашей приват-кабины, приперся и сам Папа Рома. И когда мне делать будет нечего – я опишу его внешность. А пока...

– Чем вы тут занимаетесь? – спросил Папа Рома. – Поясните!^[1]

– Душим редактора, – пояснил я.

– По прейскуранту? – осведомился Папа Рома.

– Из любви к искусству, – честно признался я.

– Садомазохизм! – важно определил Папа Рома. – Это по прейскуранту!

И снова исчез в недрах своего заведения.

– Дьявол! – выругалась Машá. – Невозможно сосредоточиться на работе!

Она отпустила редакторский галстук и даже убрала колено с редакторской груди.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – деловито осведомился я. – Надеюсь, не о сроках предоставления рукописи?

– Отвечай, сволочь! – ласково предложила Машá.

Не знаю, где конкретно она стажировалась, но думаю, что в застенках Мадьярии.

– Да что вы такое себе позволяете?! – возмутился Редактор.

– Долго перечислять, – конкретизировала Машá. – Ну, например, я могу позволить себе курить в постели, если никто из присутствующих в постели не возражает... Еще я могу позволить себе подтянуть чулок в общественном транспорте, если я в общественном транспорте, а не в постели...

– Достаточно! – сказал Редактор.

А ведь мы только-только начали веселиться. Потому что нет ничего смешнее человека с портфелем в стриптиз-баре. Вот с балалайкой еще туда-сюда... Или – с мандолиной...

Здесь кроется непостижимая тайна: для чего изображать в романах все, что встретится? Женщин, собак, деревья. словно эти второстепенные предметы больше никто в глаза не видел! На самом же деле достоин внимания только автор, и для него не жалко ни времени, ни места. А все остальные – женщины, собаки, редакторы – должны

атрофироваться, как только расскажут об авторе с положительной стороны. Например, женщина... Быстренько раздевается и запузывает монолог страниц на сорок о том, что сексуальная жизнь без автора – отвратительна! И с ним – тоже... После чего выбегает собака и преданно смотрит на автора – страниц сорок пять. И наконец, появляется редактор и начинает все это зачеркивать, зачеркивать, зачеркивать... Так что поделом тебе, сволочь! Ибо не ценишь ты писательского труда!

– Спасибо, Маша! – искренне поблагодарил я.

– Не за что! – сказала Маша и безмятежно ушла...

– Вы не подскажете, – спросил Редактор, – что делала посторонняя нам женщина в этом романе?

Однажды Поджо Браччолини застукали с посторонней дамой... Видя, что никакие рассуждения о первой декаде Тита Ливия здесь не помогут, Поджо Браччолини оправдался – литературными забавами... Ибо!.. Большому художнику требуется дама для переосмысления, а маленький может легко удовлетвориться сам... Вот поэтому я и оставил редакторский вопрос без ответа.

А только устроился на стуле поудобнее, чтобы выслушать Редактора, не напрягая седалищные нервы... Потому что седалищные нервы не восстанавливаются... Как в русской народной песне: «Мы писали, мы писали – наши пальчики устали! Пописали бы ещё, да болит седалищó!»

– Родился я, извините за тавтологию, в небольшом провинциальном незначительном городке на юге России, – соврал Редактор. – Так что детство мое было сказочным и оживленным. Вы можете удивленно воскликнуть: «Эк тебя угораздило! Родиться в стране, где каждый третий считает себя писателем, а каждый четвертый – критик и публицист!» Но, к сожалению, нам не приходится выбирать, в какой части света появиться на свет, простите за грубейшую стилистическую ошибку. Мои родители были приспособленцами, поэтому изрекали все, что дозволено, и перечитывали одну газету за первое мая тысяча девятьсот шестидесятого года. Где говорилось, что общество развивается, как ему положено, а человек – на соответствие обществу. Если не хочет загреметь в каталажку на полный абонемент. А посему родители драли меня до полной адаптации с обществом и ежемесячно сопровождали

в Ясную Поляну, где ставили на горох перед памятником Льву Николаевичу Толстому. Там, согнувшись в три погибели и проклиная семейство бобовых, я должен был трижды прочесть «Отче наш» и трижды «Анну Каренину». *«Слушая разговор брата с профессором, он замечал, что они связывали научные вопросы с задушевными, несколько раз почти подходили к этим вопросам, но каждый раз, как только они подходили близко к самому главному, как ему казалось, они тотчас же поспешно отдалялись и опять углублялись в область тонких подразделений, оговорок, цитат, намеков, ссылок на авторитеты, и он с трудом понимал, о чем речь...»* – бормотал я. «Истина! Истина!» – визжали окружающие меня кликуши и время от времени в истерически-литературном припадке бились о постамент головой. И хотя вслед за классиком мировой литературы я тоже не понимал, «о чем тут речь», но поглядывал снизу вверх на Льва Николаевича Толстого и ощущал свое полное ничтожество, простите за длинную и неуместную цитату. Сухой горох вонзался в мои колени, а я должен был читать и полагаться, читать и полагаться на гениальность каждого отрывка. «Устал я ждать и верить устаю! Когда ж взойдет, Толстой, что ты посеял?! Нам не постигнуть истину твою! Нас в срамоте застанет смерти час! И отвернутся критики от нас!» – разрази меня гром и за этот парафраз. Ну разве не мог он писать хоть чуточку покороче или не строить предложения столь замысловатым образом, что истина была понятна только ему?! И, настаиваясь на горохе с раннего утра до позднего вечера, я не видел в литературных трудах ни счастья, ни смысла. Мне только хотелось всех почикать, чтобы подняться с колен. Иначе говоря, сократить художественное издевательство до разумных пределов. Так я зачервивился как редактор. И здесь бы сделал абзац, ко взаимному удовольствию...

– Извольте, – согласился я.

– Вполне возможно, – продолжил Редактор, – что по причине нынешней производственной травмы мой рассказ изобилует ошибками, как стилистическими, так и территориальными, но в остальном это чистая правда.

– Верю! – заявил я в духе Московского художественного академического театра.

– Итак, – снова принялся излагать Редактор, – детские годы мы опустим, словно дерьмо в прорубь, и нехай оно там болтается...

Извините за русскую народную поговорку! И сразу же перенесемся в юность... К этому времени мои родители до того приспособились к обществу, что я перестал их различать. Иной раз увижу на улице тварь мерзкую и размышляю: «Мама, не мама?!» А как выйдет отец на природу да как сольется с окружающим ландшафтом – нипочем не догадаешься, что это не жучки-червячки на дереве, а мой папенька исподлобья зыркает. Однако годы камуфляжа не прошли для них бесследно – хватка ослабла. И если некогда маменька кочевряжилась от души, то теперь отяжелела и не могла кочевряжиться надо мной с полной силой. А папенька так и вовсе пошел работать лесничим... В школе меня обучали механически разбирать и собирать литературные произведения, как автомат Калашникова. За сорок пять минут было необходимо разложить на рабочем столе «Войну и мир», смазать все составные части и снова состыковать по главам. У некоторых получалась «Крейцера соната». У единиц – «Как закалялась сталь». И с этим произведением нас понукали ходить в штыковую атаку на Голсуорси и Драйзера. Но больше всего доставалось чучелу Мопассана, на котором отрабатывались удары саперной лопатой. За буржуазную распущенность в изображении чувств. «Помните, дети, что подробное описание адюльтера ведет в психиатрическую больницу! Как в случае Ги де Мопассана!» И мы склоняли головы над «Анной Карениной», где такое же описание не выходило за рамки интрижки с паровозом. Простите, Анна! Простите, многоуважаемый Паровоз! Если кого обидел своими ремарками... Вдобавок с пятого по десятый класс мы развивали нюх и голос, чтобы к выпускным экзаменам гавкать на современных авторов. И кто раздерет штаны Пастернаку – заканчивал школу с золотой медалью... Так я дослужился до Литературного института имени Алексея Максимовича Горького, где вынужден отчебучить второй абзац...

– И в чем же состоит дело, приведшее вас ко мне? – осторожно поинтересовался я.

– Мы к этому вопросу еще не приблизились, – успокоил меня Редактор.

– Заплутали? – обеспокоился я.

– Нет, – Редактор отрицательно покачал головой. – Стараемся не нарушать традиций великой отечественной литературы.

Я обреченно вздохнул и приготовился слушать дальше.

– В Литературном институте имени Алексея Максимовича Горького я пробыл недолго. – Здесь Редактор посмотрел на меня со значением, мол, он делает все возможное, чтобы поскорее приступить к делу. – Пробыл недолго... Ибо с первого курса я эмигрировал в зарубежную прозу. Но быстро только дела подшиваются, а процесс эмиграции требует художественного смакования, извините за местечковый диалектизм... Начнем с того, что крепкие спиртные напитки не пробуждают во мне потока сознания, как полагается русскому писателю, и вместо внутреннего монолога меня развозит на диалог. Иначе говоря, после водки я склонен потрепаться, а не поразмыслить. И следовательно, из меня не прет литературы. А вдобавок я не верил в священную Балалайку, где три струны едины по своей сущности. Трень, брень и хрень! И если «трень» я воспринимал как причину, «брень» – как следствие, то «хрень» – как состояние современного литературного процесса. Что в целом считается неэтичным, а надо размазывать по персоналиям... Короче говоря, после первого семестра я выказал неуспеваемость по трем основным предметам. Трень, брень и хрень! И нет ничего удивительного, что меня отчислили из русских прозаиков как личность неспособную сеять разумное, доброе и вечное... Однако Литературный институт имени Алексея Максимовича Горького нуждался в дворнике – подметать за писателями опавшие листья, и я поспешил эту должность занять. Потому что других претендентов не было. Как не было в русской литературе более жалкого образа, чем дворник... Целыми днями я подбирал за художественными натурами все, что они нагадили и набредили, сгребал опавшие листья и разводил костры... Так я стал профессиональным редактором, что особо подчеркну, сделав третий абзац...

– Здесь я обязан что-нибудь вякнуть? – осведомился я.

– Непременно! – подтвердил Редактор. – И поскольку вы совершили этот антигуманный поступок, я тоже продолжу без зазрения совести... Мысль об эмиграции посетила меня в букинистическом магазине, когда под обложкой Лукиана я обнаружил штамп «Разрешено к вывозу из Рима». Ниже стояла факсимильная подпись: «Двенадцатый уполномоченный». И за всю свою бытность дворником я ни разу не встречал подобного сертификата, что на книге, что на лбу человека... Как вы помните, дело происходило в России, где

медведи катаются на скейтбордах по Красной площади, казаки в шароварах пляшут у храма Василия Блаженного, падает бесконечный снег, а румяные девки торгуют матрешками. То есть все поголовно заняты своими проблемами, кроме Голливуда, который распространяет эти образы по всему свету, пуская слезу от умиления... Но по понятным причинам в России нет Рима ни с какой стороны Сибири. А только бескрайние литературные дали да три агломерата: Москва, Бологое и Санкт-Петербург... [2] Букинистический магазин находился в последнем из перечисленных поселений, а я к тому времени переехал туда из Москвы, не выходя на промежуточной станции... Санкт-Петербург встретил меня дождем, потому что на просторах России происходят вечные метеорологические катаклизмы. Одновременно в Москве идет снег, в Санкт-Петербурге – дождь, зато в Бологом – постоянная жопа. Простите за эпитеты. Но отзывчивые русские люди на это не жалуются и проживают повсеместно. Румянят девок, мастерят матрешек и пляшут в красных шароварах...

– Да что за хрень вы рассказываете?! – не выдержал я.

– А что за хрень вы пишете?! – мгновенно отозвался Редактор и принялся вытряхивать несметные рукописи из своего портфеля...

Если честно, в России я пробыл четыре с половиной дня. Где – бóльшую часть провалялся в отеле. И мог бы подробнее рассказать о даме, с которой валялся, чем о русских медведях, с которыми – не лежал. Из русских развлечений мне предложили рекламный буклет «Ночь в цыганском таборе и многое другое всего за сто пятьдесят рублей», но я подумал и отказался. Потому что мертворожденные матрешки вызвали у меня сомнения в интеллигентности этого мероприятия. Я живенько представлял, как цыгане делают «Шпок!» и разбирают меня на части. «Шпок!» Покуда из метра семьдесят шесть от меня не останется сантиметров двадцать. А я видел эту уродину, то есть самую маленькую из матрешек. Размышлял о вырождении и не хотел бы освежить всю логическую цепочку...

Иначе говоря, то, что я знал о России, умещалось на двух страницах путеводителя. Но я не стеснялся рассказывать об этой загадочной стране в своем предыдущем романе – «Фриштык в потемках». И даже считался крупным специалистом по методике спаривания медведей. Бурого с белым. Вдобавок – русские женщины... О, эти русские женщины, которые служили все поголовно в отрядах

быстрого реагирования. Останавливали на скаку лошадей Пржевальского и заходили в горящие избы ради спортивного интереса. Они вызывали во мне священный трепет. Такой трепет, что я забывал о методике спаривания...

Помню, как ехидная журналистка, словно сошедшая с полотна «Едоки картофеля», сверкая очками, осведомилась: «Где вы берете таких красоток для своего романа?» Явно намекая, что «такие красотишки» не гадят с такими писателями, как я, в рамках одного гектара. И стало быть, мои романы просто вызов мастурбирующего сочинителя – обществу... Ну разумеется, я могу изобразить одноногую, кривую, горбатую даму своего сердца, но тогда получится – интеллектуальная проза, а это, извините, не мой формат. Другое дело – русские женщины! Проживающие где-то за уральскими хребтами. Их можно черпать экскаваторами для моих романов без опасения столкнуться с этими образами в темном переулке. Легко приписать им неведомые страсти и черты характера, свойственные только ангелам-рецидивистам. Тем более что я не знаю ни одной русской женщины, наступившей мне на мозоль. И если изуродую, то изуродую – беспристрастно, что только подчеркивает мой профессионализм в области литературного права. Как говорил Дон Корлеоне, «ничего личного». Ибо на это художественное поприще не распространяется мораль, что можно мочить всех подряд за исключением детей и женщин.

Местом, где орудовали мои красотишки, я выбрал город Санкт-Петербург, потому что на канале «Европьюс» регулярно рассказывали о погоде. И в этом населенном пункте было теплее, чем, скажем, на Чукотке. А мои красотишки под шубой не признавали ничего, кроме естественных прелестей, и эти прелести могли бы померзнуть ближе к Ямало-Ненецкому автономному округу. То есть я наполнял роман реализмом в меру своих возможностей, не отползая далеко от телевизора и прочих средств массовой информации. Как, например, стриптиз-бар «Папа Рома», где девки на одну половину были голыми, зато на другую – мадьярками. Что способствовало изучению народов Крайнего Севера...

Поэтому, когда развонялся Редактор, со своими географическими и психологическими подковырками, я был несколько разобижен. Ибо! Общество знает правду только наполовину. Без государственных

секретов о себестоимости черной икры. Наполовину! Иначе бы в полном составе отъехало в Сибирь... А писатель – это слуга общества. И задействует только треть головного мозга, поскольку две запасные части остаются у него незасеянными. Мягко говоря, под парами. Там растет бурьян, гуляют бабы и распиваются спиртные напитки... И если общество знает наполовину, а писатель думает на одну треть, то в целом получается – национальный бестселлер. Что бьет рублем всякую ревизионно настроенную сволочь!

Короче говоря, по моему глубокому убеждению, в недрах России могли происходить нереальные события, которые возникали вследствие одного обстоятельства – что «дело было в России». И никаких психологических обоснований больше не требовалось. Поэтому... Все, что американцы привыкли трактовать по дедушке Фрейду, я объяснял – по России. А если римлянин или древний грек начинал вести себя неподобающим образом, я органично перемещал его на просторы Сибири, где он моментально приходил в чувство...

Не считая красоток, город Санкт-Петербург обладал дополнительным рядом преимуществ как место действия. Во-первых, там находился отель, где я весело проводил время с Маша́. Во-вторых, у меня остались фотографии с этого места действия. Правда, все крупные планы загораживала собой Маша́, но зато по краям была видна Россия. Что могло освежить детали нашего путешествия. Во всяком случае, для мужа Маша́. Я не знакомился с ним из библейских соображений – «не возжелай чужую жену в радиусе пятидесяти метров от ближнего своего». Поэтому мы отправились в Россию, ибо дальше уж было некуда. То есть все дистанционно-этические правила мы соблюдали, и только фотографии Маша́ никому не решались показывать. Особенно мужу. Теперь они валялись у меня на столе в виде репортажа из «Нэшнл джеографик». И время от времени я брал увеличительное стекло – с целью реконструировать Россию должным образом. Ибо Царская площадьпуталась в юбках Маша́, Эрмитаж прятался за плечом, а Дворцовый мост – за брестом. Отсюда Россия представлялась мне весьма эротичной страной...

Где совершенно белые ночи, как простыни в рекламе порошка «Тайд». Где маленький вонючий медвежонок выжрал у меня из пакета все чипсы. Где реки преимущественно заканчиваются на «вах» – «Невах!», «Москвах!». Где царь в металле – выше, чем поэт. Где

военный крейсер «Аврора» – без одной трубы «Титаник». И если вспомнить про инцидент в Атлантическом океане – то не айсберг был, то «Аврора» плыл...

– Интересно, а где русские купают своих медведей?.. – лениво поинтересовался я.

– В Мойке, – отвечал дотошный Редактор.

– Что, прямо берут и засовывают в раковину? – удивился я. – На кухне или в ванной?

– Река так называется – Мойка, – пояснил Редактор. – И надо изучать карту местности, прежде чем...

Но тут пробило пять часов, и Редактор был вынужден прекратить свои речи...

* * *

Когда Поджо Браччолини скончался, благородные дамы Флоренции скинулись ему на статую, которая была установлена возле собора Санта-Мария-дель-Фьоре. Где женский кумир мозолил глаза набожным горожанам. А вдобавок нервировал рогоносцев своими фривольными позами. Ибо знатные мужи утверждали, что Поджо Браччолини день ото дня становится все нахальнее и нахальнее, выдвигая различные части тела. Особенно вечером, когда зловещая тень от члена Браччолини падала на спальни членов магистрата. Многие считали это чудом, потому что отдельная тень во много раз превосходила фигуру самого Поджо Браччолини. И статую убрали в собор – подальше от света. Дабы прекратить ненужные пересуды в обществе относительно титанов Возрождения...

Много лет спустя, когда эта история уже подзабылась, а Поджо Браччолини из гнусного современника превратился в классика, очередная католическая комиссия стала пересчитывать в соборе Санта-Мария-дель-Фьоре изображения апостолов. Слева – направо и справа – налево. Но как ни крутили святые отцы, получалась странная картина, что апостолов ровно тринадцать в виде изваяний. То есть по реестру католической церкви значилось на одного меньше, а в наличии было – на одного больше...

Так Поджо Браччолини оказался причислен к лику святых. И только служители собора напоминали прихожанам: мол, в данном случае молиться не надо, это не апостол, а наглый пиар...

– Поэтому: собираясь в дальний путь – про рекламу не забудь! – важно добавил я.

Машá давно привыкла к моим аллюзиям, если не сказать хуже. Но Редактор был несколько ошарашен. Ведь я не разглагольствовал о Поджо Браччолини вслух. Потому что у «Папы Ромы» можно схлопотать по морде за такие реминисценции...

Примечание Редактора. Оставьте этот кусок для мемуаров! А в романе про Россию, как вы справедливо заметили, «такие реминисценции» абсолютно неуместны.....При чем здесь Поджо Браччолини?! Я его убираю!

II

В сорок пять мужчину развозит на философию. Он поднимается рано утром и начинает переосмысливать собственную жизнь. Рассматривает критическую массу в области живота и ощущает под ребром беса. «Этта!.. Сколько женщин у меня было?! – думает мужчина и составляет приходно-расходную ведомость. – Раз-два-три-четыре-пять!.. Жены не считаются!.. Шесть-семь-восемь-девять-десять!.. И так далее!..» Он представляет себя на линии фронта, когда Ленинградский мюзик-холл идет в психическую атаку. То есть под барабанную дробь и пренебрегая Женевской конвенцией. «Пленных не брать!» – кричит прима-балерина. «Ура-а-а-а!!!» – отзывается кордебалет... «Страшное дело!» – думает мужчина... Бывшие женщины теснятся у него в памяти, и получается не голова, а банка с кильками. «Не надо отчаиваться! – говорит мужчина. – Ведь если у тебя мозги набекрень, то можно представить, что это беретик!» После чего он старается философствовать только на позитивные темы...

«Этта!.. Сколько я за свою жизнь пива выпил?!» – думает мужчина. И если он аккуратно дегустировал не менее четырех кружечек в день, то к сорока пяти годам любой среднестатистический мужчина уничтожает восемнадцать тысяч литров пива. Что на порядок больше верблюда и меньше Хемингуэя... А если мужчина за это время недобрал пинту-другую – он чувствует себя неуютно и становится неуравновешенным. «Жизнь проходит, а геморрой остается!» – возникает мужчина и принимает решение: изменить свою жизнь к лучшему. То есть внести определенную лепту в мировую культуру. Начиная с понедельника...

«Джойс скончался в возрасте сорока девяти лет, – думает мужчина. – И стало быть, у меня осталось четыре года, чтобы написать „Улисса“». Он понимает, как быстро бежит время, и поднимается этажом выше. «Не топайте, сволочи! – предупреждает мужчина соседей. – Я буду сосредотачиваться над романом! Чтобы оставить после себя „Илиаду“ или „Одиссею“». Он возвращается обратно и сочиняет скромный текст для мемориальной доски. Мол, такой-то такой-то, родился в шестидесятом году и жил в этом доме. А мог бы

написать «Алису в Стране чудес», «Алису в Зазеркалье», «Войну или Мир», «Хитроумного идадьго Дон-Кихота Ламанчского», «Имя розы», «Остров сокровищ» и «Похождения бравого солдата Швейка». Если бы соседи этажом выше – не топали...

«Отчего, – размышляет мужчина, – нижние соседи всегда ненавидят верхних?! И так – до последнего этажа!»

«Решено! – размышляет мужчина. – После сорока пяти – бабы побоку! В понедельник проведу дополнительную инвентаризацию и всех блондинок отправлю в резерв! Сяду за роман и отпечатаюсь в памяти поколений! Пиво стану пить через день из мелкой посуды! Похабные мысли сокращу наполовину! Например, с понедельника по четверг буду думать о том, как Ромео познакомился с Джульеттой, а с пятницы по воскресенье, как Папа Рома оприходовал – всех! Или наоборот! Ведь нельзя же целую неделю размышлять о животноводстве?! А вдобавок перечитаю что-нибудь вечное и жизнеутверждающее, вроде „Писем Плиния Младшего“. А „Сексуальную жизнь Древней Греции“ подарю блондинкам. Там есть интересная глава о сапфической любви и трибадизме!»

«К рассказу приступаю, чтобы сплести тебе на милетский манер разные басни...» – прикидывает мужчина первую строчку для своего романа...

«Интересно, какая муха укусила Апулея?! – думает мужчина. – Откуда снизошло на Петрарку божественное вдохновение?!» Здесь мужчина делает вывод, что все добротные романы продиктованы свыше. Он с неприязнью смотрит в потолок и слышит, как топают соседи. То есть между небом и мужчиной еще десять этажей полудурков. Которые глушат интересные мысли, словно КГБ – «Голос Америки». «О боги! – заклинает мужчина. – Говорите громче! Я почти ничего не понимаю!» Однако из атмосферы продолжает поступать что-то нечленораздельное. «Вот почему хитроумный Ван Гог оттяпал себе ухо! – восклицает мужчина. – Чтобы подбрасывать ухо к небу и слышать богов лучше!» И действительно, никто не видел «Автопортрета с двумя ушами». «Чего бы себе такое оттяпать?!» – размышляет мужчина...

То есть он думает измениться к лучшему и если не прожить свою жизнь заново, то хотя бы – поле перейти. Иначе говоря, провести остаток дней в трудах и благопристойностях. Мужчина садится за стол

и заносит руку над клавиатурой, чтобы напечатать первое предложение...

«К рассказу приступаю...»

Но тут «Папа Рома» закрывается на санитарный час, и всякие литературные планы летят к чертовой матери. В жизни наступает период проветривания, словно в психиатрической больнице. Балалаечники пересчитывают свои струны, девки подтягивают чулки, бармен протирает бокалы... Я пробовал пару раз отсидеться за столиком от пяти до шести, но ничего поучительного из этого не вышло... А что моя жизнь? «Завтрак, обед и ужин» – как говорила Сфинга... И в сорок пять писатель уходит на фэйф-о-клок. Чтобы артистично размочить сухарики в чайной кружке. Это время авторских ремарок и редактуры, а все литературное творчество сводится к расставлению запятых и многоточий...

– Однако пора возвращаться в издательство, – сказал Редактор, когда в нашей приват-кабине возник Папа Рома и стал демонстративно разглядывать свои наручные часы.

– Тикают? – поинтересовался я.

– Проваливайте! – пояснил Папа Рома. – И чтобы до шести часов вечера не появлялись!

Так мы и сделали. Вышли с Редактором через парадную дверь и распрощались на пороге. Он остановил такси и поехал в свое издательство, а я решил прогуляться... А как прохаживаются видные литературные деятели?

Раком. То есть с многочисленными остановками и отступлениями, поскольку обычный роман умещается в трех предложениях: «писатель садится за стол...»; «...писатель встает из-за стола»; а в середине – «ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля!». И не важно, что действие длится всего один час. Это «ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля!» писатель может развести до посинения. Тут главная хитрость – найти подходящие персонажи, которые заговорят любого. И глупо думать, что художник ищет обнаженную натуру, а писатель смотрит на авторучку и представляет себе Жанну д'Арк. Ибо! У разного вида творчества – одинаковые прибаамбасы. Недаром же Зигмунд Фрейд разгуливал по спальным вагонам, потихоньку заглядывал в купе и классифицировал шизофреников. Как они едут в одном направлении, спят и пускают слюни в подушку. Покуда дядюшку Фрейда не застукали за этим

Например, «Улисса». Как говорят продвинутые художники, «Улисс» на компьютерной клавиатуре – это перформанс. А то, что отпечаталось, – поток сознания... И всё!

Здесь я с авторскими ремарками допятился до книжной ярмарки. Люблю, знаете ли, прогуляться по книжным развалам и закупить всяческой дребедени, которую не будешь читать ни под каким соусом. Ни в белых тапочках, ни в метро. Эту макулатуру зарюют вместе со мной – на малой родине героя. Огородят колючей проволокой и повесят табличку: «Ахтунг! Ахтунг! Литературный могильник! Не пахать, не сеять в течение пятисот лет!» Вот поэтому я и скупаю белиберду, чтобы нация не отравилась. Ну, например, книги собственного сочинения. Я подкрадываюсь к прилавку, и не дай тебе боже держать в руках подобную литературу. «Как вам не стыдно, девушка! – восклицаю я. – В вашем возрасте надо читать „Ромео и Джульетту“! А ну-ка положите эту дрянь на место! И продезинфицируйтесь!» После чего я расплачиваюсь с продавцом и уношу свой роман куда подальше... Вы можете называть меня как угодно, но бóльшую часть литературного гонорара я жертвую на здоровье нации. «В прошлом месяце ваши книги не совсем хорошо покупались!» – выговаривает мне издатель. «В сентябре будут покупаться лучше!» – обещаю я...

Но сегодня этот номер у меня не прошел... Потому что девушка повисла на моем романе, как ротвейлер. Я протащил ее метров пять в одну сторону. Затем десять метров в другую. И – безрезультатно. Девушка цепко держалась за книгу и не хотела ее отпускать. Тогда я решил сесть за стол переговоров и обсудить – какого черта она привязалась ко мне. Когда полным-полно другой литературы...

– Рассказывайте! – предложил я.

Мы устроились в кафе неподалеку от книжной ярмарки. А яблоко раздора положили на середину стола, в виде контрибуции. Потому что я не враг девушкам! И если моя книга для чего-то им понадобилась – пусть себе травятся на здоровье! Но для начала – пусть объяснят... Как они докатились до такой жизни?

– Родилась я в европейской стране, которой теперь нет на карте, – соврала девушка. – А если точнее, в городе Росток, на побережье Балтийского моря, где пронзительно кричат чайки... Так что детство мое было ветреным и соленым... Вы можете удивленно воскликнуть:

«Эк тебя угораздило! Появиться на свет в Германской Демократической Республике и очутиться неизвестно где!» Но к сожалению, мы только следуем по дороге, не зная, куда она приведет. А жизнь измеряется не продолжительностью, а количеством порванных по пути чулочков. Потому что невозможно прожить женщиной и ни за что не зацепиться. То замуж спозаранку выскочишь, то какой-нибудь паразит выставит на проходе свой портфель, и – прощай колготки. Можно сказать, что доля неприятностей нам отвешена от природы. Завернута в бумагу и дарится ко дню рождения. Мол, на тебе, Маша, запасные колготки на первый случай и пакетик с тумаками. Гуляй с богом!

– Маша?! – удивленно воскликнул я.

– На пятьдесят процентов! – созналась девушка и продолжала: – Когда мне исполнилось восемнадцать лет, исчезла наша страна, а вместе с советской армией пропали вредные привычки. Например, разглядывать исподтишка русских военных. Они иногда заходили в гаштет и разговаривали по-немецки. Как им казалось. «Фройляйн! – говорили они. – Айн шнапс унд маленькая килька!» Я служила там официанткой и никогда не признавалась, что знаю русский язык, ну, если не в совершенстве, то получше некоторых. «Вас-вас?!» – переспрашивала я... Моя мамаша тоже не афишировала своих отношений с русским офицером. Возможно, потому, что имела о нем самые смутные представления. Его звали Вася. Эта связь была стремительной и продолжалась четыре с половиной часа. Вплоть до утреннего построения в военной части, расквартированной по соседству. Куда природный носитель русского языка убыл в шесть сорок пять для дальнейшего прохождения службы. А ровно через девять месяцев на свет появилась я. И невзирая на обстоятельства, что Васю больше никто в глаза не видел, мне дали русское имя Маша и заставляли учить язык, на котором разговаривают в Сибири. «Вас-вас?!» – переспрашивала я... Русские офицеры недолго совещались и приходили к выводу, что лучше заказать «шнапс унд шнапс», чем объяснять бестолковой официантке, что такое немецкая килька...

– Анна?! – удивленно воскликнул я.

– На пятьдесят процентов! – подтвердила девушка и продолжала: – После воссоединения Германии я продолжала служить в гаштете, где совершенно ничего не изменилось. Меня пробовали

ущипнуть за попку с той же немецкой педантичностью, как при коммунистах. Потому что гаштет стоял у дороги из Ростка в Шверин испокон века и независимо от войны или мира. «Вот здесь сидел Гитлер, а здесь генерал Жуков...» – рассказывал хозяин. За «столиком фюрера» пить пиво не возбранялось, однако никто не хотел подобного соседства. «Вы знаете, как Германия избавилась от безбилетников? В тридцать девятом году... Всех безбилетников вывели из вагонов и расстреляли. Теперь вся Германия покупает билеты! Это у нас в крови...» И если рассеянный путешественник занимал «столик фюрера», то достаточно было к нему подойти и выкрикнуть: «Хитла!!!», чтобы тот подпрыгнул как ужаленный. «Вы знаете, почему в Ваймаре нет трамваев? Однажды они помешали спать Еве Браун. Она позвонила Гитлеру, и на следующий день убрали все рельсы. Вот почему в Ваймаре нет трамваев!» Завсегдатаи рассказывали эти истории про «доброе дедушку Гитлера» и опасно косились на пустой столик. Они с осторожностью попивали свой «Доппель-бок» или «Раухбир» и больше не пытались меня ущипнуть...

– Ну хватит! – разозлился я. – С меня довольно ваших рассказов! Да что же за день такой неудачный?! То Редактор начинает бредить, то первая встречная девушка безбожно врет!

– А в чем проблема? – поинтересовалась тогда девушка и заграбастала мою книгу, как будто мы обо всем договорились.

– Во-первых, – ухмыльнулся я, – мне доводилось бывать в Германии! И никто там за попку не щиплется!

– Очень жаль! – вставила девушка, перелистывая мой роман. – А во-вторых?..

– А во-вторых, – ухмыльнулся я гаже некуда, – вы не девушка!

От неожиданности она едва не свалилась со стула. Но все-таки сумела придержать эмоции и не хлопнула мне по физиономии.

– Вот как?! – осведомилась она. – Не девушка... А кто же в подобном случае?

– Вы женщина, двадцати пяти лет, – с удовольствием сообщил я. – Шатенка, но не замужем... С красивыми ногами... Сегодня во второй половине дня вы ощутили смутное беспокойство – назойливое и беспричинное... Вы дважды пересмотрели содержимое своей сумочки и не обнаружили ничего подозрительного. Косметичка, портмоне, носовой платок, пачка сигарет, штрафная квитанция за неправильную

парковку, авторучка, ключи от квартиры, записная книжка... Все как будто было на месте, но смутное беспокойство вас не покидало. И тогда вы подумали, что за вами следят, и принялись перетряхивать свою сумочку в третий раз... Записная книжка, ключи от квартиры, штрафная квитанция за неправильную парковку, пачка сигарет, носовой платок, портмоне, косметичка... «Откуда в моей сумочке столько дряни?» – подумали вы. И выбросили штрафную квитанцию за неправильную парковку, потому что у вас никогда не было автомобиля. Смутное беспокойство слегка отступило... И тогда вы отправились на книжную ярмарку, расшвыривая по дороге личные вещи. Косметички, портмоне, носовые платки, ключи от квартиры... Словом – все, что могло бы вас идентифицировать. И с каждым шагом вам становилось все легче и легче, легче и легче, легче и легче...

– Вам плохо? – поинтересовалась девушка.

– Очень хорошо! – честно признался я.

– А что это было? – спросила она. – Ну, в смысле – «косметичка, портмоне, носовой платок, штрафная квитанция за неправильную парковку»?..

– Наш ответ Чемберлену! – пояснил я. – Чтобы другим неповадно было! Врать и глумиться над писателями.

Девушка тяжело вздохнула.

– Скорее, мне двадцать семь, – призналась она, – чем двадцать пять. И зовут меня Анной. Или – Машей...

– И вы еще называете меня сумасшедшим?! – возмутился я. – Да я самый нормальный из всех присутствующих! Потому что меня вообще не зовут... Никак! А ведь именно я ослепил Полифема!

Девушка быстренько положила книгу обратно – на середину стола.

– Извольте объясниться, – попросила она. – Иначе мне становится страшно...

Всякий идиотизм требует обоснований. А вполне нормальные люди живут вдали от Достоевского и не заслуживают внимания. Но если литература будет и дальше практиковаться в области психологического романа, то от нормальных людей ничего не останется.

– Я много лет пишу под псевдонимом, – рассмеялся я. – И получается парадоксальная ситуация... Романы – есть, а писателя –

нет... Как такое может случиться – я тоже не понимаю...

– А-а-а... – произнесла девушка. – А при чем здесь Полифем?

Я фыркнул на девушку и принялся излагать свою концепцию:

– Хитроумный Улисс ослепил одноглазого Полифема. «Кто это сделал?! – спросили у Полифема братья-циклопы. – Автора! Автора! Назови автора!» – «Не знаю!» – отвечал Полифем... Однако я думаю, что он потерял зрение, покуда читал художественную литературу... «Ну и как тебе это произведение?!» – спрашивали у Полифема братья-циклопы. «Никак!» – отвечал Полифем и тупо пялился на следующий роман. И его единственный глаз не выдержал смысловой нагрузки...

– А-а-а... – снова произнесла девушка.

– Вот видите, как все просто разъяснилось, – заметил я.

– Как в книжке, – подтвердила она. – А в действительности?..

– В действительности?! – грозно переспросил я...

* * *

Однажды Поджо Браччолини, страстный почитатель Цицерона, обнаружил в Вероне некоторые сочинения знаменитого римлянина и принялся их переписывать. В результате долгих и усердных трудов у Поджо Браччолини получился объемистый фолиант из писем Цицерона, который не помещался ни на одной книжной полке. Не зная, куда его можно пристроить, Поджо Браччолини положил сей фолиант на пол, как теперь говорят, в прихожей. Вскоре, возвращаясь с прогулки, Поджо Браччолини споткнулся об этот «кирпич» и повредил себе ногу. На следующий день повторилось то же самое, и на третий день – аналогичное. Несчастный Поджо Браччолини все время бился о Цицерона, покуда не слег от полученных травм... Я к тому, что Редактор не был педерастом, а просто ему не везло с женщинами...

Замечание Редактора. А-а-а вот это я убираю как совершенно лишнее...

III

Температура воздуха: Афины 33,7 градуса; Берлин 20 градусов; Москва 18,5 градуса; Прага 22,6 градуса; Стокгольм 16 градусов; Вена 21 градус...

Рано утром у меня в квартире раздался телефонный звонок... Конечно, все относительно, но по-моему «рано» – до двенадцати часов дня. А после пятнадцати – поздно что-нибудь предпринимать, и лучше отложить накопившиеся дела на завтра...

– Алло-о-о?! – в ужасе протянул я, потому что до первых петухов не мог успокоиться и пил, извините, пиво. А как только забрезжил рассвет – пиво кончилось, и с чувством перевыполненного долга я завалился спать. «Это в нечеловеческих силах! – убежден главный редактор. – Никто не в состоянии выжрать столько, как ваши персонажи!» Вот мне и захотелось перепроверить...

– Алло?! – повторился я с надеждой услышать что-нибудь радостное. Вроде: «Доброе утро! Вас беспокоит телефонная компания! Вы не внесли абонентскую плату за прошлый месяц!» И тогда я отвечу не менее оптимистично: «Да пошли вы к такой-то матери со своими телефонными аппаратами!»

Но, к сожалению, мне не удалось высказать все, что я думаю о компании, которая названивает своим абонентам с утра пораньше. Ибо со мною не стали разговаривать, а подышали-подышали и повесили телефонную трубку... Замаскировались под бегемота... И что же я – женское, трепетное дыхание с чем-нибудь перепутаю?!

Меня раздражают такие звонки, когда не мычат и не улюлюкают. Ну ошиблась дама телефонным номером, сказала «э-ге-гей!» и прослушала, как матерятся настоящие мастера художественного слова. Никто ведь за это денег не требует! Она же вешает трубку, словно не понимает, что прерванный акт отрицательно сказывается на всей литературе... Потому что – слово за слово, каким-то предметом по столу – вот и получается новый, современный роман. Сага о порносайтах! А здесь как будто автору наступили на песню и не дали самовыразиться... По собственному опыту знаю, насколько виртуозно

ругаются в Доме писателя. От постоянного общения с художественным словом у беллетриста набирается масса левых выражений – «Беллиссимо! Беллиссимо!», – которую надо куда-то девать. И лучше всего – обрушить эту массу на другого писателя. И заслуженно, и по существу! Но дама – тоже сгодится...

Итак, я сидел на кровати и злобствовал, перебирая в памяти всех знакомых и незнакомых дам, женщин, девушек и карликовых бегемотов. Как вдруг раздался новый телефонный звонок.

– Идиотка! – сообщил я, прежде чем дама повесит трубку.

– Ах! Вы уже прочитали... – прозвучало в ответ.

Это звонила одна журналистка, которая делала со мной интервью.

– В смысле? – попробовал я загладить возникшее недоразумение.

Но журналистка так и осталась при мнении, что «идиотка» была адресована ей – в виде рецензии на интервью...

– Я только хотела сообщить, – сказала она, – что интервью напечатали наше...

– Моё, – уточнил я.

– Ё-ё! – согласилась со мною журналистка. – На полосе предпоследней...

И бросила трубку...

Тут я проснулся окончательно и принялся размышлять на голодный желудок о тяжелой судьбе журналиста, которого – ноги кормят. Представил, как он зажимает между пальцами правой ноги большую ложку и пытается таким образом кушать. Хуже японца с палочками для риса. Ей-богу! Тот хоть кормится руками, а журналисты все время норовят – через жопу... Ну кто их просит расставлять слова в предложении особо извращенным образом?.. «Что интервью напечатали наше...»; «Не очень красиво здесь было...»; «На полосе предпоследней...». Так разговаривают спазматические идиоты – только... А кто же еще?! Недавно известный еженедельник написал обо мне следующее: «Издатели божатся, что N. N. – чешский писатель и кинорежиссер. По слухам, однако, N. N. – литератор хоть и талантливый, но вымышленный...» Вот это написано – не через жопу?!

Иначе говоря – меня не существует. А значит, и я могу брехать все что вздумается. Особенно про журналистов. Но это еще не повод помирать с голода, если моя жизнь превратилась в абсурд... Во всяком

случае, я прозевался и побрел на кухню – завтракать. А много ли надо, чтобы насытить фикцию? Пары йогуртов – вполне достаточно. Куда сложнее фикцию напоить!

Кстати, в рабочее время я потребляю до двух литров кофе, что никого не удивляет. Иногда переворачиваюсь вниз головой – с целью освежить композицию романа. Время от времени забираюсь в пустую ванну и кричу: «Эврика! Эврика!» Покуда соседи не вызовут полицию. Раз в неделю наполняю ванну водой и пускаю кораблики. Но это тоже – неинтересно... Общество возбуждается от подозрений – сколько я выпиваю за день пива. «Писатель N. N. – алкоголик!» И надо ли объяснять, что бóльшую часть спиртосодержащих продуктов уничтожают мои прототипы? А сочинитель N. N., можно сказать, абстинент. Выпьет двести пятьдесят граммов клюквенного сока – и пишет, пишет, пишет...

С этими рассуждениями я запихнул в себя пару йогуртов и стал подумывать – выйти в город Санкт-Петербург для утренней прогулки или не выйти? И может быть, лучше побродить по Праге, к пущему удовольствию знатоков чешской литературы, которые любят поговорить о моей национальной принадлежности... «Это мистификация, господа, мистификация! В Карловом университете никто не знает писателя N. N...» Еще бы! Я вообще нигде не учился! А если установлено, что я фикция, – за каким, извините, дьяволом бегать по Праге и будоражить общественность? Литературные привидения этого не заслуживают...

Моя карьера в качестве папы Гамлета начиналась в далеком две тысячи первом году, когда известное Петербургское издательство выпустило «популярный роман видного чешского писателя, критика и кинематографиста». Для чего мы с Редактором насочиняли такую фигню – вопрос позиционирования. Ибо мой первый роман под кодовым названием «Фриштык на кладбище» не лез ни в какие литературные серии. Его попытались пристроить в «Зимнюю вишню», но безуспешно. Из-за своей сволочной концепции книга все время выпадала из группы «добрых романов о любви». Тем более что речь там велась о временах Нерона, а единственные отношения, похожие на любовь, были у римского императора с собственной матушкой. Для чего я насочинял такую фигню – тоже вопрос. Но я не верил, что у Нерона могли быть подобные отношения.

Дело об инцесте заключалось в работах Корнелия Тацита. Этот «выдающийся римский деятель, критик и беллетрист» написал исторический роман под названием «Анналы», который расценивается до сих пор как свидетельство очевидца – интимных подробностей императорских развлечений. И невзирая на то обстоятельство, что Корнелию едва исполнился годик, когда Нерон ушел из жизни, его исторические труды считаются на редкость достоверными, словно вездесущий Корнелий прятался за шторками по всем будуарам Римской империи. «Мама! Мама! Мы сегодня будем заниматься сексом?» – «Нет, сыночек! Сегодня у нас заседание Сената!» То есть на Нерона и без того навешали тысячу ярлыков, от «Антихриста» до «поджигателя Рима», и с инцестом «историки» явно перестарались. А кто бы покупал их романы без душераздирающих подробностей?! Народу подавай «дристлер»! Была такая книжная серия во втором веке нашей эры...

Вот эти сомнительные человеческие обстоятельства я и постарался высмеять в своем романе, что было немедленно расценено как порнография. К моему глубочайшему удивлению. Ну, разумеется, не всеми критиками, а только настоящими ценителями мировой литературы. Которые в течение года мурыжили мой роман и на разные лады проклинали писателей всех стран, и в частности – стран бывшего Варшавского договора. Потому что я имел неосторожность взять псевдоним с чешским окончанием, поддавшись внезапному патриотическому порыву. Мол, такую хреновину русские написать не могут. Вдобавок авторство Корнелия Тацита тоже весьма сомнительно. Поскольку его рукописи с «Анналами» открыл не кто иной, как Поджо Браччолини – действительно выдающийся стилист и знаток античности. И вполне мог эти рукописи подделать, хихикая от удовольствия. Мол, нате вам, дорогие читатели, римскую историю Корнелия Тацита! Давно искали!

Конечно, я не собирался тягаться с Поджо в мистификациях, но псевдоним себе взял. Хороший, чешский. Поскольку он замечательно вписывался в общую концепцию: «Люди! Не верьте писателю! Все равно он вас обманет!». О чем, собственно, и говорилось в первом романе – «Фриштык в потемках»... «Чех?! – переспросил директор издательства, разглядывая меня исподлобья. – А по какой причине такие упаднические настроения? Может быть – итальянец?!» Но мы

с Редактором категорически отвергли это предложение. Тем более что корректор, дама почтенного возраста, когда прогулялась по моему опусу с красным карандашом, в сердцах приписала: «Пунктуация как у всех сбрендивших авторов стран бывшего Варшавского договора!!!» Ну вылитая «Corriera della Sera», а не дама-корректор!

Поэтому, имея на руках рукопись «видного чешского гуманиста», мы принялись сочинять ему родословную, нисколько не думая о последствиях, однако – от души развлекаясь... «В последующие годы N. N. сочетает учебу на высших сценарных курсах с успешным ведением рекламного бизнеса...» Я был готов присобачить этому N. N. любые выдающиеся заслуги, поскольку, на мой непросвещенный взгляд, как только читатель откроет роман – ему станет ясно, что автор исторической ахинеи все равно русский, что бы ни значилось на обложке... «N. N. участвует в ряде международных культурных проектов; в частности, его компания выступала спонсором европейского и российского турне мужского балета „Трокадеро де Монте-Карло“...» Потому что русский читатель – самый читающий читатель в мире. Он моментально распознает мистификацию и весело посмеется вместе с нами... «Как правильно пишется – ТРАкодеро или ТРОкадеро?!» Мы преднамеренно не убрали из романа такие откровенно русские выражения, как «не всякая птица долетит до середины могучего потока...» Или – «смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой...» Потому что Гоголя и Лермонтова изучают в каждой школе... А вот этот пассаж: «Достаточно какому-нибудь придурку выскочить на людное место в подходящий момент и прокартавить пару слов из Карла Маркса, как толпе уже кажется, что этот картавый черт – их национальный лидер...» – это про Яна Жижку, что ли?

«Широкую литературную известность N. N. приобрел в 1998 году, его книга стала бестселлером, переведена на двенадцать европейских языков...»

Английский, немецкий, французский, еврейский, новозеландский... «А сколько в Европе вообще языков?» – «Ну, давай напишем – переведена на восемь!» Иначе книга не становилась в серию, что для оптовых покупателей – неблагонадежно. «Вроде чего этот роман?» – «Вроде – хрен его знает!» Ибо отдельностоящий автор вызывает подозрения. «При чем здесь мужской балет?» – удивился

директор, когда прочитал нашу «автобиографию». Мужской балет?.. А чем же мы еще занимались?!!

«Там! Тра-та, та-та! Там-там! Тра-та, та-та! Там-там! Тра-та-та-та-та!» Мы с Редактором составляли литературный кроссворд. Взяли и присобачили замечание дамы-корректора на обложку... «Пунктуация как у всех сбрендивших авторов...» – сказал «Der Spiegel». Никто ведь не рассчитывал на переиздание, а семь тысяч экземпляров для нашей огромной страны – суцая ерунда. «Россия! Слышишь этот звук?! Пук...» То есть никто не думал о более громких перспективах, чем подпустить шипунка в литературное сообщество. «Перевод с чешского – А. Владимировой».

Но возникает вопрос: почему директор известного и уважаемого издательства смотрел сквозь пальцы на наши телодвижения?! Не знаю, не знаю... От постоянного общения с художественной литературой кто хочешь сбрендит. «Вам хочется серий?! Их есть у меня!» Зато мы с Редактором резвились аки дети. «Автором разыграна историческая шизофрения!» – сообщила «Corriera della Sera».

А месяца через три после выхода романа русский сектор Интернета наводнили всевозможные статьи, посвященные этому «явлению мировой литературы». Кое-кто обиделся на «Der Spiegel», который нелестно отозвался о бывшем социалистическом содружестве. «Сбрендивший, да не типично!» – возражали они... Поборники нравственности находили мой роман слишком откровенным – «Историография с порнографией!» Однако никто не сомневался, что автор – «чешский», а перевод – «хороший»... А. Владимировой... Я в недоумении чесал репу и наблюдал за развитием событий. С утра пораньше заходил в Интернет – «Ну, чё тут можно про нашего дурачка почитать?» – и обнаруживал каждый раз «чё»-нибудь новенькое и неожиданное...

«Чешский мальчик, оказывается, тоже спал с собственной матерью, а современная Валерия похотлива даже больше, чем римская Валерия Мессалина!» Я снова чесал репу, тщательно перепроверяя – о каком романе ведется речь?! Откуда берутся такие выводы и междометия?! «Ах! Ба! Фи! Ого! Эх! Нах!» И название книги, и пунктуация, и псевдоним – были на месте, но смысл романа искажался в рецензиях до неузнаваемости. Ибо, по моему глубокому убеждению, никакой порнографии в тексте не было, не говоря уже об эротике.

Нечто подобное случилось со мною при поступлении в Литературный институт имени Алексея Максимовича Горького. Собственно говоря – или Максима Горького, или Алексея Максимовича Пешкова, но дело сейчас не в этом... На собеседовании мне задали вопрос:

– Как вы относитесь к великому русскому сатирику Салтыкову-Щедрину?

– Никак! – отвечал я.

– Да как же так?! – не унимался источник вопроса – дама, а по замашкам бывший секретарь партийной организации. – Вы же пишете сатиру?!

Я с искренним удивлением уставился на даму и заявил, что сатирическими опытами не занимаюсь.

– А что же это у вас?! – взревела дама, бывший секретарь, потрясая моими рукописями.

– Юмор! – смиренно отвечал я.

– Вот это?! Юмор?! – переспросила она, посмотрела в окно и больше вопросов не задавала...

Потому что на дворе шатался девяносто первый год, в августе своем... Мимо, по Цветочному бульвару, проезжали танки, а им что юмор, что сатира – одна малина... Экипаж три-четыре человека, скорость до семидесяти километров в час, основное оружие – пушка...

Конечно, статейки «про нашего дурачка» появлялись и в журналах, и в газетах, но я предпочитал следить за рецензиями по Интернету. И нехлопотно, и отстраненно. N. N. представлялся мне как некий виртуальный персонаж, без физического воплощения в моем лице. «Загадки чешской литературы!» Но через год то ли просочились в печать сведения, то ли отдельные «критики» догадались самостоятельно, однако стали появляться статьи – мол, что же это делается, братцы?! Нет на свете такого писателя, как N. N. Теперь журналисты особо не углублялись в текст романа, поскольку обнаружилась новая тема... «Единственный N. N., проживающий на территории Чешской Республики, водитель грузовика!» – выеживались публицисты и знатоки зарубежной литературы. Целый год они пережевывали сугубо производственную проблему «порнография – не порнография», с такими нюансами и деталями, что сам роман теперь выглядел аки детская сказка о Красной Шапочке, зато

публицистические подробности журналистов – откровенной порнографией. И невзирая на то обстоятельство, что к этому времени вышел второй мой роман под названием «Реставрация фриштыка», где, собственно говоря, разоблачалась почти что вся мистификация, «критики и знатоки» продолжали обсасывать проблему – пан я или не пан! Хуже того, они сделали вывод, что я непременно – пани. Потому что «переводчица с чешского», а именно А. Владимирова, давила им на амбиции. Ибо, по доброй советской традиции, кто председатель похоронной комиссии – тот и будущий Генеральный секретарь; а если N. N. литературная мистификация, то А. Владимирова и есть автор романа... Ну не может человек в силу обостренного самолюбия не оставить свой след в книге! Иначе этот бред с «переводчицами» ничем не объяснить...

Я, в свою очередь, подкреплял все догадки находчивых журналистов, раздавая литературные интервью по Интернету и телефону, без риска показать свое подлинное обличье. Говорил и писал только правду, какую хотели услышать знатоки. И в зависимости от настроения представлялся как пресс-атташе или пресс-папье неуловимого сочинителя... Вася Пупкин! Если вам необходима такая конкретика...

– Алло! Может быть, встретимся?!

Телефонный звонок застал меня на пороге квартиры, когда я собрался выйти – в Санкт-Петербург все-таки... И передумал.

Это была давешняя репортерша, которую я неудачно обозвал идиоткой...

– А разве есть необходимость? – отозвался я на предложение встретиться.

– Я бы могла показать интервью наше...

– Моё! – снова уточнил я.

– Ё-ё! – снова согласилась со мной журналистка, поскольку в данном случае я выступал как лучший друг писателя N. N.

Однако сойтись с представителями разноцветной прессы я категорически отказался, потому что на обложке «Фриштыка» была напечатана моя фотография. Подлинная и сдуру! Правда, за отчетный период я слегка видоизменился, заматерел и зарос, но все-таки легко идентифицировался. Особенно настырными дамочками...

– Сам дурак! – сообщила мне журналистка и бросила трубку...

Я искренне не понимаю, для чего читателям нужен автор – во плоти и с авторучкой. За каким, извините, дьяволом изучать его внутренний мир без презерватива. То есть интересоваться личной жизнью писателя, что не имеет никакого отношения к тексту романа. Знать, в какое время автор просыпается и пользуется душевой кабиной. «Сейчас он скажет что-нибудь историческое! Вот-вот – скажет!» Ведь автор вам не Шаляпин, чтобы его послушать. «Э-э-й! Дуби-и-и-нуш-ка – ухнем!» О чем писатель картавит – одному богу известно и без опытного логопеда не разберешь!

Конечно, некие представители этой профессии пучатся на телевидении – раздуваются, набухают и пузыряются... Когда деликатнее сидеть дома и портить воздух в собственных коммунальных условиях... Вот недавно известного тряпчного урода годиков сорока пяти, по фамилии то ли Пербер, то ли Парбар, пригласили выступить перед студентами филологического факультета. После чего коллоквиум со стриптизом показали по местному телевидению – как великовозрастный детина придушивается за всю мировую литературу. Он стаскивал с себя свитер, предлагал десяти студенткам вступить с ним в интимную связь и ни словом не обмолвился ни о поэзии, ни о прозе. Вам нужен такой, извините, автор – во плоти?! Перберо-великомученик!

Однако читатели – тоже хороши! Смотрят в телевизор, причмокивают и внимают, когда уместнее взять в руки книжку и оценить писателя с естественной стороны. «Кто не сеет и не пашет, тот по клавишам шарашит!» Иначе говоря, литератор не балерина, чтобы заглядывать ему под пачку. И должен «шарашить» по клавишам в ускоренном режиме. А как легко оценить, в процентном соотношении, сколько на территории идиотов? По рейтингам популярности отдельных авторов! Так что, читатели, читайте романы, делайте свое дело, пополняйте статистику... И прочая, прочая, прочая...

Я аккуратно закрыл за собой двери, вышел из дома на улицу Праги и был таков...

* * *

Бедный матрос из Гаэты отправился на заработки и пять лет скитался по Средиземному морю, как Одиссей. А дома у него оставались молодая симпатичная жена и нищенская обстановка. Иначе говоря, предметы, которые вместе не уживаются. Вот бородатая старуха и разбитое корыто – еще туда-сюда; а чтобы интересная женщина да надолго оскудела – уму не постижимо! Проходит месяц, второй, третий... «Да что же я – Пенелопа?!» – риторически спрашивает молодая жена и начинает подкрашивать глазки с серьезными намерениями – улучшить свое благосостояние. А еще через пару месяцев встречает заинтересованного мецената, как говорят, отчаявшись дожидаться бедного моряка. То есть мысленно скормила моряка рыбам и поставила в церкви свечку на этот счет. И надо сказать, материально не прогадала, потому что благосостояние стало постепенно улучшаться и к пятому году дом превратился в полную чашу. И с морально-этической точки зрения все приличия были соблюдены. Почитай пять свечек стояло в церкви за упокой души нашего моряка...

И вот однажды утром причаливает корабль и с ним прибывает вышеобозначенный матрос. Как говорится, «к нашему берегу – то говно, то щепка!» Ничего особенного, бедолага, не заработал, однако поспешил к жене, чтобы обняться после долгих странствий, расцеловаться и прочее... Подходит, значит, матрос к дому и не узнает собственного жилища.

– Откуда, – спрашивает у жены, – такое великолепие?!

Даже расцеловаться забыл и прочее... А жена, по-прежнему соблюдая морально-этические соображения, не спешит раскрывать источник иппокрены.

– Бог помог! – смиренно отвечает женщина. Тогда матрос преклоняет колени и благодарит Бога, который не оставил его жену без внимания. После чего поднимается и проходит в дом. А там шкафы от благосостояния ломятся и по углам имущество – утрамбовано, да с таким превеликим усердием, что пальца между отдельными частями имущества не засунешь.

– Силы небесные! – поражается бедный матрос. – Откуда добра привалило?!

А жена из тех же морально-этических соображений отвечает, что Бог и здесь постарался.

– Возблагодарим Бога! – говорит матрос и снова преклоняет колени...

Вот помолились матрос и женщина в очередной раз, воскурили, можно сказать, фимиам Богу, и только встали с колен, как прибегает хорошенький мальчонка трехлетнего возраста и ласкается к матери, как будто ему на дворе не гуляется, паразиту.

– Все по милости Божьей! – тотчас же сообщает жена, мало-помалу соображая, что какие-то морально-этические варианты еще остаются, но в ограниченном количестве. И, собственно говоря, не надо быть Пифагором, дабы подсчитать – откуда появляются дети за время твоего отсутствия...

– Ну что же... – вздыхает матрос. – Делать нечего! Давай возблагодарим Бога!

И стало быть, обратно – женщина и матрос падают на колени... И, помолившись, снова поднимаются... Тут мореман открывает двери в спальную комнату и видит, что на семейной, можно сказать, кровати расположился здоровенный детина и храпит, аки архангел Гавриил – во все трубы. А жена между тем сохраняет молчание, потому что морально-этические соображения у нее закончились. И как поступает наш матрос, завидя этого сексуального разбойника в собственной спальне?! Он как подкошенный падает на колени и говорит следующее:

– Хвала Всевышнему! Теперь я лично могу поблагодарить Бога за все его милости! Спи-спи, дорогой Создатель! Отдыхай спокойно после трудов праведных!

Вот и вся история, слава богу...

IV

Двадцать третьего июля я редактировал эту рукопись – от «Папы Ромы» до половины шестого. Итого: семьдесят две тысячи знаков, не считая пробелов. «Жили-были четыре персонажа – Писатель, Читатель, Редактор и Поджо Браччолини. Каждый со своими прибабасами. И ничего их не объединяло, кроме одного романа...» То есть абсолютно самодостаточное произведение, где главный герой – текст, по которому ползают фантастические твари, словно суматранские вараны. Это к вопросу о прототипах... Вдобавок автор периодически западал на литературу: какое, мол, это странное занятие – брать из алфавита буквы и приписывать людям собственные мысли.

«А вам не кажется, что „папа“ – это Роман в виде литературного жанра? – издевался автор над читателями. – Отсюда каждый писатель – это сукин сын Романа... И когда мне делать будет нечего – я опишу Папу Рому со всеми его столкновениями. Нравственными и человеческими, личностными и социальными...»

– Скорее бы! – пробурчал я.

Потому что почитай три главы автор переливал из пустого в порожнее, добросовестно выполняя договор с издательством: «Произведение должно удовлетворять следующим условиям: объем не менее десяти авторских листов, иначе – в морду!» Попросту говоря – надо нашлепать четыреста тысяч закорючек. Иначе ваш бред не может считаться произведением.

«А что такое правда жизни? – продолжал разглагольствовать автор. – Это самое примитивное мнение об окружающем мире. А я воссоздам Папу Рому без подтяжек в виде пресловутого реализма!»

– И без штанов, – охотно поддакнул я.

Это к вопросу о выпирающих достоинствах современной литературы... Недавно я обнаружил в одной аннотации, что «автору удалась утонченная стилизация под готический роман с выведенным на первый план эротическим подтекстом...» Плачь, Вальтер Скотт! Рыдай, Чарли Диккенс! Вам не вывести никакого подтекста на первый план!

«Что может сказать Полифем о романе? – явно потешался автор. – Что „черненькая овечка – это пролог, а беленькая – эпилог!“ Однако слепой гигант – массовый читатель – шарит в поисках Улисса и, разумеется, попадает в навоз. „Ну и как тебе это произведение?!“ – спрашивают у Полифема братья-циклопы. „Лучше и не спрашивайте! – отвечает Полифем. – Это произведение нельзя читать по методу Брайля!“ Он открывает выход из пещеры и снова щупает овечек. Потому что, по его представлению, роман состоит из шерсти и жалобно блеет, и тридцать четыре барана – это большая литература, а две козы – малая проза. Тогда зачем Полифем ищет хитроумного Улисса?! Мол, где же смысл этого литературного произведения? Откуда у Полифема такая настырная уверенность, что Улисс еще в пещере?! И тем не менее Полифем важно поплевывает на пальцы и переворачивает очередную страничку. Где Улисс?! Нет Улисса! Один козлий навоз!»

Этот пассаж мне напомнил телевизионную передачу, когда столичный корреспондент заехал в далекий кишлак и между прочим спросил у аксакала: «А как зовут вашего ослика?» «Ишак!» – гордо отвечал аксакал...

«А что такое литература? – не унимался автор. – Мне кажется, это древняя игра „Поди поймай автора“...»

На этом текст обрывался, и мне стоило побеспокоиться о продолжении. То есть пойти поймать автора и выбить из него недостающие закорючки... В одной главе он корчил из себя чеха, во второй – представлялся русским. После чего переписывал первую из фаций^[3] Поджо Браччолини с целью поквитаться за Корнелия Тацита... И вот она, настоящая тайна творчества! Разговаривает автор с Богом или лепит все что взбредет в голову?!

– Сейчас я выведу тебя на чистую воду, – пробормотал я, взял записную книжку и отыскал между «Анной» и «Машей» номер домашнего телефона автора.

– Это Карловы Вары? – на всякий случай уточнил я. – Здесь булькает чешская литература?

Не знаю, что делали на другом конце провода, да только со мною не разговаривали.

– Алло-алло! – представился я. – Вас беспокоит телефонная компания! Вы не внесли абонентскую плату за прошлый месяц!

– В каком переносном смысле? – отозвался Автор.

– Он еще спрашивает! – возмутился я. – Где очередная глава, борзописец?!

– Нету! – признался Автор.

И с места в карьер – стал разводить Алексеевские рavelины, мол, современный роман это могучее фортификационное сооружение! С пушечками. И за два дня – нипочем не отольешь...

– Вдобавок, может, я сумасшедший! – заявил Автор. – Представь себе болезненное состояние, когда человек думает, что он чешский писатель. Идет себе на книжную ярмарку и говорит, что приехал из Праги, а на самом деле – с набережной реки Пряжки... «Как часто появляются ваши произведения на книжных прилавках?» – «Дважды за год: во время весеннего и осеннего обострения!»

– А что там на Пряжке? – заинтересовался я.

– Психиатрическая больница имени Николая Чудотворца! – гордо сообщил Автор. – И надо изучать карту местности, прежде чем...

В первой главе шел разговор о Мойке, а теперь показалась Пряжка... «От Мойки до Пряжки за один час!»^[4] – ну чем не путешествие Улисса по рекам и каналам Санкт-Петербурга?!

– Повторяемся! – предупредил я.

– Злонамеренно! – подчеркнул Автор. – Потому что линейный сюжет как дышло! Что проглотил – то и вышло! Без переваривания! А мы работаем на паритетных началах с читателем... И сориентироваться в литературном произведении – такое же искусство, как и сочинить роман. Вот, например, Иван Осипович Сусанин! Простой древнерусский сюрреалист, не понятый поляками! Они-то шли на Москву, как по Глинке, то есть – с песнями. «Ой-ти лю-ли, лю-ли, лю-ли! Ой-ти лю-ли, разлюли!» Типа: «Здравствуйте!» – «Здравствуйте!» – «Меня зовут Ваня!» – «А меня поляки!» – «Вы не подскажите, какая сегодня погода на Среднерусской возвышенности?» – «Переменная облачность, местами осадки!» – «Спасибо!» – «Пожалуйста!» От этого диалога читатель теряет бдительность и постепенно засыпает, а поляки тем временем крадутся к Москве... Глядь-поглядь, и все книжные магазины оккупированы! Что ни роман – то дристлер, что ни книга – то вражеская литература! А Иван же Осипович Сусанин показал им возможности русского языка! Можно

сказать, разорвал логическую цепочку и заменил линейный сюжет – свободными ассоциациями...

Тут я почувствовал, как погружаюсь в лесное болото за триста верст от Москвы, и попытался оттуда выбраться. Покуда меня не растерзали поляки в образах директора издательства и главного редактора...

– Будь проклят твой сюрреализм с импрессионизмом! – взбунтовался я. – Скажи мне, дружище, в пятой главе сюжет какой-нибудь будет?!

– А чем тебе этот не нравится?! – удивился Автор. – Вначале мы сидим у Папы Ромы и разговариваем о литературе...

– Мол, какое это странное занятие – брать из алфавита буквы, сыпать в кастрюлю и помешивать на медленном огне...

– Нет! – воспротивился Автор. – Неправильно!

– А ты головой качаешь? – осведомился я. – Когда говоришь «нет». А то мне не видно по телефону!

– Качаю! – засвидетельствовал Автор.

– Тогда я сейчас отредактирую! – предупредил я...

– Нет! – воспротивился Автор и покачал головой.

– В первой главе мы гугукаем о семи слепцах, которых Иван Осипович Сусанин завел в темный лес своих рассуждений и скончался под елочкой! – пояснил Автор.

– Надо же! – удивился я.

– А вот! – подтвердил Автор. – После чего персонаж по имени Редактор принимается врать с видом классического реалиста. «Я выведу вас, поляки! – утверждает Редактор. – Я покажу тебе, Полифем, где прячутся Улиссы!» А в результате этого междусобойчика мы продвигаемся только на три страницы и снова усаживаемся под елку. Чтобы послушать другого персонажа по имени Писатель, который восемь абзацев притворяется чешским экскурсоводом и водит всех за нос... «Посмотрите налево, посмотрите направо! Вы видите бурых медведей на Красной площади!» Потому что у писателя, как у кошки, девять жизней, и можно израсходовать одну с целью поиздеваться над поляками. Не все же супостатам топтать Папу Рому, муслякать страницы и приговаривать: «Это ни-ча-го!» Надо и полякам показать, где раки зимуют в Москва-реке! А то возьмут языка и ну его пытаться: «Где ваш гражданский позиция?!», «Где ваш краеугольные

вопросы?!». Или: «Что вы хотели скажите своим произведением?!» А ничего!

– Да-а-а... – оценил я. – С таким сюжетом нас ждет грандиозный успех...

– Что-нибудь не устраивает? – поинтересовался Автор. – Могу написать аннотацию... «Если тебе нравится секс, дорогой читатель, а также извращения, издевательства и мазохизм – эта книга должна быть в твоей библиотеке!»

– Извращения, – машинально отредактировал я.

– С извращениями не раскупят! – возразил Автор. – Потому что – поляки! Вдобавок «извращения» – это долго и назидательно! А «извращения» – быстро и охренительно!

И с этим типчиком я учился в одном институте. Литературном. Можно сказать, делился с ним самым сокровенным и подвешивал между оконными рамами копченую колбасу, чтобы в комнате она не испортилась. «Ой, какие у вас странные жалюзи!» Однако в литературном общежитии на улице Руставели всякая колбаса заканчивалась очень быстро. И что не смогли сожрать прозаики, дожевывали поэты. На третий творческий вечер между оконными рамами висели только хвостики. А страстный драматург Роман Поплиашвили читал свою пьесу в лицах, особенно напирая на реплики «Кушать подано!». Дородная прозаичка томно закатывала глаза и говорила, что этот Роман ее удовлетворяет. «Поплиашвили?! – уточняли мы и восхищались: – Ну Рома! Ну сексуальный гигант!» «Да какой, к чертовой матери, Поплиашвили?!» – возмущалась прозаичка и приносила большой чемодан, который был доверху набит рукописями. «Что это?!» – спрашивали мы. «Мой роман!» – с придыханием сообщала прозаичка. «Ну, стало быть – Рома не гигант! – приходили мы к заключению и гнали Поплиашвили вместе с его драматическими репликами. – Нечего тут людям голову морочить!»

– Вот именно! – подчеркнул я. – Давай покончим с прологами-эпилогами и перейдем к основной части!

– Как говорили древние греки еще на латыни: «Покончить мы всегда успеем!» – заметил Автор. – Кстати, об основной части... У меня нет героини...

– Вас познакомить? – поинтересовался я.

- Желательно, – признался мне этот нахальный Автор. – И лучше с двумя! А вдруг какая-нибудь не согласится...
- Не согласится на что? – попробовал уточнить я.
- На героиню, – невозмутимо отвечал Автор.
- А как же Владимирова? Анна-Мария... – напомнил я.
- Вот с этого и начнем! – подытожил Автор...

N. N.

ФАЙФ

«Кто это – прыгает на одной ножке в неподходящее время?» – спрашивает сфинкс.

Морской паром от афинского причала отошел ранним вечером 24 июля... С марта по октябрь греки великие мореплаватели. Представьте себе: большие утюги разглаживают синий мундир, как теплоходы Эгейское море; утюги старательно обходят пуговки-острова; а на плечах мундира пыжаты эполеты – это чайки. Ни ветра, ни качки, ни волнения... [5]

Я прохаживался по верхней палубе с видом англо-американского туриста. То есть беспричинно улыбался, говорил каждому баклану «велкам» и «плиз», хотя по морде было понятно, что я человек русский. И без этих идиотских фокусов: «Я достаю из широких штанин!...» Собственно, за границей нас выдают глаза, зеркало, так сказать, национальной принадлежности. Там бегают чертики с ружьями наперевес, штурмуют, можно заметить, Зимний: в левом Стенька Разин; в правом – его татарская княжна; и красные блики проявляются на всех моментальных фотографиях. Так что русскому человеку лучше всего за границей напяливать солнцезащитные очки – в крайнем случае будут принимать за советского шпиона. А что? Вон японские солдаты до сих пор охраняют военные склады на затерянных островах Тихого океана. Потому что им не было приказа сдать пост и смотреть голливудский блокбастер про Перл-Харбор. А разве до каждого советского шпиона дошло, что холодная война закончилась и можно разговаривать с женой, а не пялиться на нее, как Штирлиц в ресторане?! Мол, я на задании, а сколько выпил – не твое собачье дело!

Еще ранним утром я топтал русскую землю в районе аэропорта Пулково, а теперь – плыл на морском пароме и потихоньку поплеывал на бакланов. Вот в нашу ворону – попробуй попади, а тут – каждый «выстрел» в десятку... Греческая компания, которая распихивала

русских туристов по островам, угостила меня метаксой, и, может быть, поэтому я до сих пор плевался. Слава богу, что потомки Архимеда не стали настаивать и отвязались – когда я выпил пятьдесят граммов. Ограничились малой презентацией. А ведь могли бы взять за горло и запихнуть каравай с солью... «Русский?!» – «Русский!» – «Православный?!» – «Православный!» – «Несите граненый стакан имени Веры Мухиной! Будем чествовать русского человека!» Честно сказать, я предпочитаю текилу, но здесь же не Мексика! Вдобавок откуда греки могут об этом знать: Мексика – не Мексика? Они всех поят метаксой. А страдают бакланы...

Через десять часов я должен был десантироваться на Крите, словно морской котик. Туристическая операция была разработана мною еще в России: молниеносный бросок по маршруту Санкт-Петербург—Афины; после чего – на перекладных до места постоянной дислокации. Пузом кверху на побережье Эгейского моря. И главное – как можно меньше русских отдыхающих на расстоянии вытянутой руки, потому что они дома мне надоели. Как пристанут – пойдем выпьем водки, а потом сыграем на бильярде в карамболь, – так и прощай разум. Карамболь – это развлечение, когда одним шаром все остальные со стола на хрен! Вместе с разумом! И пошло-поехало! Поскольку без шариков играть в бильярд уже бессмысленно, а бабы – вот они! Интересное психологическое наблюдение: как выпьешь водки – сразу же появляются бабы! В самом непредсказуемом смысле. Потому что бабы – тоже русские! Так что отдыхать лучше всего, обложившись иностранцами... Турками и скандинавами. И возможно, они такие же придурки, но я их не понимаю. Ни по глазам, ни по другим национальным интересам...

Однако я помахал ручкой Афинам и стал разыскивать какой-нибудь камбуз по той простой причине, что размышления о спиртных напитках действуют на меня как аперитив. Прогулялся по левому борту, заглянул на правый, спустился по трапу вниз и очутился в объятиях кока. Ибо – шел на запах. Не кока, разумеется, а его стряпни. И попал, можно сказать, в пустую кастрюлю из-под соуса. «Русский?!» – прищурился на меня кок. «А як же ж!» – признался я. «Православный?!» – не унимался кок. «Пить больше не буду! – в свою очередь предупредил я. – Только ужинать!» И тогда добрый греческий кулинар вынул меня из кастрюли и показал, где ресторан, а где он из

боцмана делает воблу. То есть, спрашивая о моем вероисповедании, он попросту уточнял – по какому обряду меня хоронить, если я немедленно не покину расположение кухни.

Так я оказался в ресторане и отметил для себя, что это – весьма кстати...

По правде говоря, это заведение больше напоминало кафе-столовую, где с одной стороны шла раздача макарон по-флотски, а с другой – варили кофе по-турецки. Я не расщедрился на круизный лайнер и попал в Ноев ковчег, приспособленный для бедных туристов и местных цыган. Что больше меня устраивало, чем путаться с вилками в роскошном ресторане. Тоже придумали – одна тарелка и десять столовых приборов, как будто я осьминог или каракатица. Да вдобавок меню – на четырех языках, где по-русски написано только «Добро пожаловать!» и нарисован якорь от крейсера «Варяг». Мол, врагу не сдастся наш гордый кабак, и цены пощады не зна-а-ют! А тут хочешь – накладывай себе макарон, хочешь – хлебай кофе, все равно – в шесть утра выгонят! Как только причалят к острову Крит... И дешево, и сердито!

Вот поэтому я не стал церемониться, а взял столовую ложку, накидал на тарелку всяческой снеди, расплатился у кассы греческими драхмами и зарезервировал для себя столик. То есть накрыл как бы для четверых – с русским купеческим остроумием. С одного края поставил тарелку, на другой положил столовую ложку, на третий – хлеб, а во главе, как полагается, пустой стакан. И отправился за баночным пивом, поминутно оглядываясь – не пожрут ли мой хлеб греческие цыгане. Но все закончилось благополучно, и через некоторое время я по-хозяйски сидел за столом – лопаю и запивая. «Йая-йая!» – подтвердили бы немцы, которые ужинали по соседству, а русских, слава богу, на расстоянии вытянутого стакана не было...

После пива с макаронами я пришел в идиллическое настроение. За иллюминатором проплывали греческие острова, проплывали-проплывали, проплывали и проплывали, покуда их не заслонила собой какая-то зараза! Семьсот семьдесят семь греческих островов, как пишется в путеводителе! И то ли иллюминатор был маленький, то ли спина широкая, но острова исчезли. Тогда, не желая расставаться с идиллическим коллапсом, я сыто рыгнул, ради чего, собственно, и резервировал отдельный столик, и отправился на палубу, чтобы видеть

эти самые острова. Потому что я запросто мог прилететь из Петербурга прямо на Крит и жрал макароны только ради морской экскурсии и географических наблюдений...

Смеркалось. Греки спустили свой флаг, как будто мы находились в нейтральных водах, а спина, загородившая мне иллюминатор, оказалась женской. Я все обстоятельно рассмотрел с другой стороны и подумал, что женщинам и девушкам лучше загораживать иллюминаторы грудью. Тогда, возможно, я наплевал бы на острова и остался в кафе-столовой. Но что сделано, то сделано...

– У вас не найдется сигаретки? – спросила эта женщина и улыбнулась. – Мои остались в каюте...

Итак, она была русской... Потому что женщины только этой национальности бросают сигареты в каюте, отправляясь на палубу покурить. Вдобавок улыбка...

«Наверное, так ухмылялся Иосиф Виссарионович Джугашвили, целясь в депутатов съезда из винтовки с оптическим прицелом. А Мона Лиза тут ни при чем, – подумал я. – Мона Лиза была другой национальности!»

Такие рудиментарные составляющие, как родная русская речь, я пропустил мимо. Из-за того, что главное в женщине – переливы. То есть плавные переходы из одной интонации в другую. Ну, например: «Да-нет-да-нет-да-нет-да-нет!» Или: «Гадина-сволочь-гадина-сволочь-гадина-сволочь!» Только надо обладать хорошим музыкальным слухом, чтобы разобраться – когда у женщины модуляция, а когда ты попросту наступил ей на ногу.

– А вам исполнилось восемнадцать? – строго спросил я, поскольку речь зашла о табачных изделиях.

– Полтора раза, – отвечала женщина, нарываясь на комплимент.

– Стало быть, восемнадцать плюс девять – вам двадцать семь лет! – быстренько сосчитал я.

Она снова по-сталински ухмыльнулась и заявила:

– Приятно встретить грамотного человека с математическими способностями. Да еще и соотечественника.

– Угу, – подтвердил я. – Особенно хорошо, что мы разного пола.

– Вы думаете? – уточнила женщина.

– Время от времени, – признался я. – А в промежутках играю на бильярде. До полной потери шариков.

Здесь я намекал на русский карамболь.

– Кстати, о половой принадлежности... – добавила женщина. – Вы знаете, чем иностранный мужчина отличается от русского?

– Только теоретически, – отвечал я. – Потому что у меня правильная сексуальная ориентация.

– Любой иностранный дипломат, – пояснила она, – вначале предлагает женщине закурить, а после разводит демагогию. А русские – как обычно. Сперва разводят демагогию, а через час говорят, что сигареты у них закончились...

Я молча достал из кармана пачку «Парламента» и хоть с опозданием, но присоединился к иностранному легиону.

– Вы путешествуете в составе туристической группы? – поинтересовался я.

– В составе? – переспросила она. – Нет, паровозиком.

Конечно, нормальные люди так не беседуют. У нормальных людей не хватает терпения на подобные разговоры. Нормальные люди приобнимают даму за попу и спрашивают: «А ты откуда приехала, ненормальная?!» А дальше по обстоятельствам... Если дама прибыла из Перми – ей предлагают выпить за необъятные просторы нашей родины, а если из Пензы, то сразу же – водки...

– И где же машинист вашей локомотивной бригады? – осведомился я.

– Остался дома, – пояснила женщина. – И теперь мы безумные вагончики...

– Кто это – «мы»? – все-таки уточнил я.

Потому что бывают разные вагончики... Даже цистерны.

– Мы с подругой, – ответила женщина.

– Вон как! – неизвестно чему обрадовался я. – А вы какие вагончики – спальные или сидячие?

– Плацкартные, – определилась женщина, чтобы я больше не размышлял на эту тему. – Хотите, познакомлю с подругой...

– По принципу «на тебе боже, что мне негоже»? – спросил я.

– Да какие на курорте могут быть принципы?! – рассмеялась женщина. – Кроме загара, – пояснила она.

Порою нам нравятся беспринципные женщины, на которых, кроме загара, ничего нет. Порассуждать о моральных составляющих можно и дома. Ну, например, с женой в лыжном костюме. Мол, что ты

валяешься тут, как зондер-командер?! Где твои моральные составляющие?! А в море, когда мимо проплывают романтические острова, и на каждом сидит папуаска, загорелая, аки сковородка... «Тефаль! Ты всегда думаешь о нас!» Какие могут быть принципы, кроме ламбады и «на абордаж»!

– Давайте подругу, – разрешил я. – Мне здесь подождать или в каюте?

Слава богу, что она понимала шутки. А то некоторые требуют сто бабосов. Мол, давай-ка посмотрим на смешных американских президентов, иначе я вашего юмора не догоняю... Стыдно сказать, но при всем уважении к женщинам я по большому счету всегда попадаю впросак. Девушка отдыхает или подрабатывает? Нет, когда она прет по улице с двумя авоськами, я отлично разбираюсь в ее добропорядочности. Даже могу приблизительно определить грузоподъемность... Но когда она в баре, с накрашенными глазками, сидит за стойкой по правую руку от бармена – у меня возникает чувство, что я со своими шуточками и разговорами только отвлекаю медицинскую сестру от сложной хирургической операции... Она отвечает мне «да-да», или «ой, как это интересно», а сама поглядывает куда-то в сторону, как будто ее ожидает больная. А я что – здоровый?! «Вы не хотите посмотреть на смешных американских президентов?» – тактично интересуюсь я и – получаю по морде. Да мне совершенно не хочется с этой девушкой спать! Я просто нуждаюсь в определенности! Поэтому держу наготове сто бабосов и левую щеку...

– Моя подруга отсвечивает в баре, – сообщила женщина.

«Какая удача! – подумал я. – Сегодня мне пригодится и то, и другое!»

– А ваша подруга сестра милосердия? – осведомился я.

– Нет, – женщина отрицательно покачала головой, – она единственный ребенок в семье. Насколько я знаю. И с милосердием, ну, как бы это сказать... – женщина на секунду задумалась, – не состоит в близко-родственных отношениях... А вам требуется скорая медицинская помощь?

– Пока нет, – я тоже покачал головой. – Просто хотел кое-что выяснить...

– Еще успеете, – заверила она. – Как только вызволим подругу из плена, я отвечу на все ваши вопросы.

– А кто ее захватил? – полюбопытствовал я. – В смысле подругу.

– Обстоятельства, – тут же отвечала женщина. – Дело в том, что моя подруга педант. Сидит сейчас в баре и методично уничтожает спиртные напитки. Ей, видите ли, не с кем поговорить! Вот я и отправилась на поиски – соотечественника... Кстати, «ви знали Зарокова?!»

– Чего-чего? – растерялся я.

– Я спрашиваю, – усмехнулась она, – вы согласны поговорить с моей подругой?

– О чем? – на всякий случай уточнил я.

– Он еще спрашивает?! – удивилась женщина. – О чем разговаривают с пьяной дамой?! О жизни, разумеется!

– У меня «о жизни» не совсем хорошо получается, – признался я. – Это общепhilosophическое направление, а я привык разговаривать с женщинами на узкоспециальную тему!

Тут она рассмеялась, впервые за время нашего диалога.

– Можно и на узкоспециальную, – разрешила она. – Главное, не увлекайтесь!

И мы отправились в бар. Паровозиком. Женщина в виде локомотива, а я – как распоследний товарняк со скотиной. А по дороге выяснилось, что зовут ее Анной и мы прилетели на одном самолете из Санкт-Петербурга. Удивительное совпадение!

– Анна Владимировна, – представилась она. – Двадцать семь лет, шатенка, а все еще не замужем...

– Какие ваши годы! – отмахнулся я...

И скорее всего – от потенциальной возможности жениться на Анне Владимировне. Потому как несколько раз участвовал в подобном мероприятии и теперь побаивался, что со мною случится нервный припадок от первых же тактов свадебного марша товарища Мендельсона. И вот вам – кухонный антисемитизм! Я хорошо отношусь к евреям и русским, шведам и англичанам, кубинцам и китайцам, монголам и американцам, чукчам и эскимосам, испанкам и бразильянкам, но лично товарища Мендельсона – ненавижу. «Трам-там-тарам-та! Там-там-там! Там! Та-там!» За что он так обошелся со мной?! Что я плохого ему сделал?! Две квартиры – как в воду канули! Одна на проспекте Большевииков, другая в самом центре Санкт-Петербурга! Теперь там проживает товарищ Мендельсон, трам-там-

тарам-там, если можно так выразиться. Впрочем, я ему не завидую... Свадебные марши отгремят, медные трубы – потускнеют, огонь – погаснет, вода – испарится, а товарищу Мендельсону – не поздоровится. Потому что нервные клетки не восстанавливаются – в отличие от девичьей фамилии... Например, Владимирова... Так что нечего на евреев пенять, коли сам кучеряво поразвлекался!

– А вот этого соотечественника я хорошо знаю! – с места в галоп заявила подруга Анны Владимировой, как только мы оказались в баре. – Ты помнишь раннюю весну одна тысяча девятьсот девяносто девятого года, проходимец?!

По всей вероятности, она обращалась ко мне. Только смотрела куда-то в сторону...

– У вас типичные признаки для мужчины, – предположила Анна Владимирова, – усы и брюки...

– Штаны! – уточнила подруга.

– Поэтому вас легко перепутать, – продолжала Анна Владимирова. – При первом знакомстве все мужчины одинаковы...

– А при втором – сволочи! – заявила подруга.

Бармен, вероятно, услышал кодовое слово – «сволочи» – и быстро сделал очередной мартини. Он, разумеется, ни слова не понимал по-русски и реагировал только на звуковой сигнал. «Ту-ту!» И надо заметить, что к нашему приходу подруга Анны Владимировой уже изрядно «насволочилась»!

– Еще два мартини, и с одинаковыми оливками, – заказала Анна.

– Сволочи-сволочи! – подтвердила подруга.

И только тогда невозмутимый бармен приготовил все что требовалось. В нужном количестве, разумеется.

– Надо отделить ее от бармена, – сказала Анна. – А то не расплатимся...

Мы аккуратно отклеили подругу от стойки бара и проводили за дальний столик.

– Очень скудный ассортимент на этой шаланде, – жаловалась подруга. – Я говорю, покажи мне, сволочь, карту вин! А он опять наливает мартини!

– А что произошло ранней весной одна тысяча девятьсот девяносто девятого года? – спросила Анна, чтобы отвлечь подругу от спиртосодержащей темы.

– А я почему знаю?! – удивилась она. – Наверное, распустились первые подснежники!

То есть заявленный по программе разговор обещал быть содержательным и непринужденным. Ранней весны подруга не помнила, а поздняя осень ее не интересовала.

– Маша! – представилась она. – Как в сказке про трех медведей! Типа... Кто хлебал мой мартини и все выхлебал?!

– Это цитата, – пояснила Анна Владимировна.

– А давайте о чем-нибудь споем! В лицах! – предложила неугомонная Маша. – Чур, я буду исполнять партию трех медведей!

Она хлебнула мартини и тоненьким голосом затянула:

– Са-а-ла-вей мой! Са-а-ла-вей! Га-а-ла-систый са-а-ла-вей!

– И где же партия трех медведей? – поинтересовалась Анна.

– Подожди! – отмахнулась Маша. – Сейчас будет... – И продолжала – двумя октавами ниже: – АААА! А! А-А! АААА! А! А! А-А-А-А-А!!!

Подтверждаю... Это была вышеобозначенная партия. Однако все подумали, что паром напоролся на рифы. Бармен, дабы не потерять равновесия, моментально ухватился за стойку, а Маша – за бокал.

– Я думаю, – подытожила Анна, – что пора освежиться. Пойдемте скорее на палубу...

– А что я там буду делать?! – удивилась Маша.

– Изображать корабельный гудок! – пояснила Анна Владимировна.

Мы расплатились с барменом и отправились на свежий воздух. Впереди с двумя бокалами мартини выступала Маша и спрашивала у каждого встречного: «Вы не подскажете, как пройти на верхнюю палубу?» По какой-то причине ей импонировала именно эта палуба, да только руки были заняты. Поэтому, прежде чем задать свой вопрос, Маша попридерживала бедром каждого встречного, независимо от его половой принадлежности и табели о рангах.

– АААА! А! А-А! АААА! А! А! А-А-А-А-А!!! – продолжала напевать Маша басом, ну, может быть, – баритоном.

– Летом лучше всего выезжать за границу, – между тем излагала Анна Владимировна, пытаясь перекричать Машу. – Ну разве дома так отдохнешь?!

Здесь Маша вышибла бедром какую-то водонепроницаемую переборку, и мы оказались на палубе. Ночная прохлада разогнала по

каютам добропорядочных пассажиров, и поэтому нам не пришлось особенно напрягаться. Так... По мелочи... Пару-тройку греческих цыган как ветром сдуло при нашем появлении.

– А чем вы дома занимаетесь? – осведомился я у Анны Владимировой.

– Работаем, – отвечала она, пожимая плечами и поражаясь несусветной глупости моего вопроса. – А вы?

Мы устроились на скамейке в следующем порядке: Анна, Маша и я. С определенной целью – чтобы Маша не выпадала из нашей компании ни в одну, ни в другую сторону.

– До недавнего времени я занимался телевизионной рекламой, – нехотя признался я. – Ну а теперь, не знаю...

Конечно, я слегка лукавил, поскольку поехал в Грецию тоже с определенными целями. Но распространяться о них было бы откровенной наглостью... По той простой причине, что я задумал написать роман, не имея на это никаких оснований. А также опыта и печатных трудов. Мое кратковременное пребывание в Литературном институте основанием не считалось. Потому что невозможно обучить писательскому мастерству даже самую способную обезьяну. Иначе литераторов штамповали бы как на конвейере. Брала бы формочку Льва Николаевича Толстого или Антона Павловича Чехова, и – сколько надо сдать на-гора классиков и современников?! А так, слава богу, настоящих писателей – раз, два и Бунин...

– И что же вы рекламировали? – спросила Анна Владимировна. – Надеюсь, не себя?

– Ах вот кто мешает смотреть телевизор! – грозно воскликнула Маша. – Каждые пятнадцать минут!

– Было бы на что посмотреть! – возразила ей Анна. – Сплошная братоубийственная война, а не программа телепередач!

– А «Секс в большом городе»?! – не унималась Маша.

– Туда же! – подчеркнула Анна Владимировна и образно показала – куда.

Однако все посмотрели в разные стороны.

– Я рекламировал откровенную белиберду, – пояснил я, дабы прекратить этот диспут.

– Пей! – приказала Маша. – Покаялся и теперь пей! Сразу легче станет! – И опрокинула на меня мартины... – Как-то неудачно

получилось, – посетовала она. – В этом бокале теперь ничего не осталось... А подгузники вы тоже рекламировали?

Скорее всего, мой подмоченный вид породил в ней глубокие ассоциации.

– До Крита все высохнет! – обнадежила меня Анна. – Не переживайте.

Я был спокоен, как памятник Дзержинскому. Ну какие у русского человека могут быть волнения за границей?! Это пусть за граница беспокоится.

– Светает... – заметила Маша.

– Это хмель из тебя выходит, – предположила Анна Владимировна. – Здесь не может светать в три часа ночи.

– Да не здесь! – оскорбилась Маша. – А на родине! У меня биологические часы еще не передвинулись... Наверное, от недостатка мартини.

День и ночь – сутки прочь... Маша была блондинкой, Анна была шатенкой... И жаль, что каюта нам не понадобилась... До самого Крита мы обретались на палубе, дважды бегали в бар за мартини – «сволочи-сволочи», – чтобы к Маше пришло биологическое равновесие. А как только показался Ираклион, собрали вещи и вскоре высадились на берег.

– Можно сказать, Пенелопа вернулась на Итаку! – определилась Маша. – Как ты думаешь, Анна, надо поцеловать землю?

– Если ты рухнешь сейчас на асфальт, – предупредила Анна, – я скормлю тебя местным собакам.

То есть не предвиделось ничего душераздирающего для первых страниц романа... Греческие цыгане покидали паром на личных автомобилях. Анна обещала пустить Машу на фарш. Отдыхающих развозили по отелям на таксомоторах. Местные собаки ушли по своим делам. Только я диковато озирался вокруг, чтобы все хорошенько запомнить, а затем – художественно извратить. Иначе что за роман с такими предпосылками?

– Диоген! Афродита! Диоген! Афродита! – командовал таксомоторами представитель критской туристической компании.

– Вы Афродита или Диоген? – спросила у меня Анна.

– Афродита, – честно признался я.

Потому что еще в Петербурге выбрал этот отель для проживания: душ, кондиционер, шведский стол и вид из окна на море. Главное в подобном комплекте было – вид из окна, как мне казалось. Я рассчитывал потаращиться на ключевой персонаж – море – и подумать об огромных возможностях русского языка. Какая масса воды для переливания! Однако в туристическом агентстве, где я приобретал себе вид сроком на две недели, искренне полагали, что главное – это кондиционер, а там хоть трава не расти. И я не стал с ними спорить, что еду в Грецию пошептаться с морем. Не стал рассказывать, как дома гаденько подтекает вода из краника, а когда собираешься наполнить роман – нет напора...

– А мы тем более Афродиты! – сообщила Маша. – И предлагаю поехать в отель на одном такси...

– Одно и осталось! – заметила Анна.

И действительно... Покуда я озирался, а Маша намеревалась где-нибудь прилечь, практически все путешественники разъехались по отелям. «Велкам! Велкам! Велкам!» – выкрикивал представитель критской компании, уже отчаявшись обратить на себя наше внимание.

– Вот разорался, сволочь! – посетовала Маша, но бармен остался на пароме, и больше ей ничего не отколосось. – Придется ехать.

Мы сели в такси и отправились в долбаную «Афродиту».

С марта по октябрь греки отчаянные водители. И демонстрируют природное мастерство фигурной езды раскисшим туристам. Чтобы они как следует взбодрились. Через пять минут автомобильных выкрутасов Маша окончательно протрезвела и заявила, что дальше она доберется своим, извините, ходом.

– Ты понимаешь, когда говорят «изи»? – обратилась она к таксисту. – В смысле гони, сволочь, потише... А то сейчас будет пельмень!

– Ну разумеется, – отвечал таксист. – И сволочь, и прочее... Я все прекрасно понимаю.

– Значит, замаскировался, гад? – воскликнула Маша. – Прикинулся греком, а сам из Урюпинска?!

Самое странное, что никто не обижался на ее «сволочей». Попробовал бы я пообщаться подобным образом... Пы-бы-пы-бы-пы!

– Я не прикидывался, – улыбнулся таксист. – Я чистокровный грек. Просто учился в России.

– Вот этому? – заинтересовалась Маша и показала, как чистокровный грек лихо крутит баранку автомобиля. – Тогда понятно...

– Что? – уточнил таксист.

– Все! – пояснила Маша.

– Мне неудобно прерывать вашу содержательную беседу, – вставила Анна. – Но мы уже десять минут стоим перед отелем... А ты все никак не можешь успокоиться, – добавила она и выразительно посмотрела на Машу.

– А зачем он говорит без акцента?! – продолжала возмущаться Маша. – Вводит женщин в заблуждение!

– У меня и жена русская, – зачем-то сказал таксист.

– Во-во! – подтвердила Маша. – Одну уже ввел!..

А в целом «Афродита» выглядела как на рекламной картинке, только более умудренная опытом. Шведский стол накрывался силами обслуживающего персонала, а не словно скатерть-самобранка. Пресловутый кондиционер занимал четверть комнаты, и море просматривалось только с лоджии, а не так, чтобы отдернул шторы и – весь в соплях от счастья. Вдобавок длинноногие дамочки куда-то попрятались и вместо них восседали две шведские каракатицы.

«Наверное, другая смена!» – подумал я.

Однажды мне довелось участвовать в рекламной кампании на самый посещаемый универмаг в мире. Так получилось... Это был обыкновенный лабаз, и даже не районного масштаба, а некий ориентир для вездесущих бобиков, которые помечают свою территорию. Я бы самостоятельно никогда и не подумал, что подобное заведение нуждается в дополнительной рекламе. Однако в лабазе хозяйствовал джигит и естественным образом конкурировал с другим джигитом по этой же улице. Так распорядилась судьба – свести двух джигитов на узкой тропе капиталистического бизнеса. «Слушай, дорогой! – поведал мой наниматель, когда на семи машинописных листах я изложил ему план рекламной кампании. – Мне этой хурды-бурды не надо! Просто скажи, что у меня покупателей больше, чем в магазине у Попляшвили!» Так я и сделал... А именно: приятным дикторским голосом запузрылил, что «наш универсам пользуется заслуженным авторитетом. Его посещает до тысячи покупателей в день, и никто не уходит с пустыми руками!». На следующей неделе

конкурирующая фирма господина Поплиашвили выступила с опровержением, что «его заведение пользуется авторитетом у десяти тысяч!». И особо подчеркивалось, что покупатели вообще не уходят! Тогда мой клиент потребовал изменить план рекламной кампании сразу до ста двадцати тысяч. «Не будет же Поплиашвили нагло врать?! – предположил мой клиент. – Больше ста двадцати тысяч в этом районе не проживает!» Однако зарвавшийся Поплиашвили стал утверждать, что к нему заходят посетители из всех районов Санкт-Петербурга. «А ко мне из всех районов и ближайших пригородов!» – не унимался мой рекламодатель... Словом, когда дело о самом посещаемом универмаге дошло до пяти миллионов, я перебросил этого клиента в более крупную рекламную фирму, дабы не попасть вместе с ним в Книгу рекордов Гиннеса...

Так что рекламные трюки меня давно не удивляют. На туристических буклетах всегда и море ближе, и отдых красочней. Поэтому я открыл чемодан, вытащил оттуда все вещи и разбросал их по номеру как можно живописнее. После чего взял фотоаппарат и отправился завтракать.

Две недели – это маленький срок, чтобы набраться впечатлений. Я собирался затеять интрижку с Анной или Машей, или с обеими, если получится. Неплохое начало: море, Греция и девушки в бикини, с завязками для романа. Можно было представиться кинорежиссером и поработать над этой мизансценой. Ну, например – мотор, свет, текила, танцы, шманцы... Отчего-то женщин всегда интересуют кинорежиссеры, как будто у них особенные мужские достоинства или дополнительные... А в писателях нет ничего перспективного – ни хлопушки, ни мотора, ни кабриолета. Одна голая обсосанная авторучка, да и то – в лучшем случае. И женщины не стремятся попасть в переплет из-за того, что их фотографии там не печатаются. Зато сняться в кино – пожалуйста. «Ой, да ну что вы... Для этой сцены я слишком молода... Нет, нет, нет, и не настаивайте... У меня нет никакого опыта... Ну ладно, давайте попробуем... „Ррромео! Приди ко мне, Ррромео!“ Как не из этой роли?.. А что же я буду играть?.. Ах, бедного Йорика...» Я видел, как работают режиссеры на телевидении, и поэтому мои интрижки могли увенчаться успехом.

С этими целями я и взял из номера «поляроид» – обожаю, знаете ли, поэкспериментировать с женщинами...

Насвистывая сиртаки, я спустился на первый этаж и вскоре отыскал ресторан. Утро было раннее, стол, как обещано, шведский, однако ни одного посетителя с нордической внешностью не наблюдалось. Только редкие итальянцы и разрозненные англичане. Первых я определил по макаронам, а вторых – по идиоматическим выражениям. После чего взял пустую тарелку и тяжело вздохнул. Потому что шведский стол – это вроде игры в русскую рулетку. Заряжается один подпорченный грибочек в барабан из тридцати блюд, и – продолжительный отдых вам обеспечен. Так что шведская семья еще туда-сюда, а стол у них – подлинное безобразие. Особенно с греческими ингредиентами, когда из картошки на вас кто-то смотрит и шевелит лапами... Это салат оливье или можно погладить? На всякий случай я всех сфотографировал, кого собирался съесть, и подумал: что за отчаянные извращенцы эти шведы!

Минут через пятнадцать, прислушиваясь к собственному желудку, я вышел из ресторана и стал разглядывать море – никто там не шевелится? Насчитал: два морских парома и одного надувного крокодила. Полусонные туристы не торопились прыгать в соленую воду и отдыхали возле бассейна. Даже дети вяло повизгивали. Небо было безоблачным, погода – хорошей, но женщины подразделялись только на два вида: топлес и бикини, и – практически не идентифицировались. То есть Анна и Маша безнадежно затерялись среди купальников и полукупальников. И попробуй найди их в такой униформе!

– Вы знаете, чем бывший муж отличается от будущего? – прошептали мне на ухо.

– И чем же?! – воскликнул я и обернулся.

Оказывается, Анна и Маша играли за команду в бикини.

– Энтузиазмом, – пояснила Анна. – Мы тут за вами давно наблюдаем...

– И что думаете? – поинтересовался я.

– Вы очень активно разглядываете женщин, – сообщила мне Анна о своих наблюдениях.

– Маньяк! – вставила Маша и быстро сделала из бикини топлес. – До десяти часов утра можно спокойно позагорать без этой штуки, – сказала она, а лиф засунула в пляжную сумочку.

«Раз...» – почему-то подумал я.

– Кстати, – заметила Анна, – тут вряд ли подают мартини женщинам в полуразобранном состоянии...

– Ты думаешь? – обеспокоилась Маша. – Вот сволочи!

– А вы знаете, чем античная литература отличается от средневековой? – осведомился я, стараясь показать, что женщина и чайник – одно и то же и совсем неинтересно ниже носика.

– Нет, – подло отреклась Анна и так же беззастенчиво сотворила топлес.

И если они рассчитывали на определенный эффект, кстати весьма оправданный, весьма оправданный, то этот эффект – оправдался. Я, собственно говоря, не имею ничего против топлеса... Однако носик у мужчины тоже есть... И не надо подвергать его лишним психологическим нагрузкам...

– Итак, – принялся излагать я, – античная литература...

– Ладно-ладно! – рассмеялась Анна. – Мы пошутили!

Я, в общем-то, не чураюсь доброй солдатской шутки или анекдота. Ну, например, про боцмана и торпеду. Но время от времени женского юмора не понимаю. Глумятся они или соглашаются?

– Тогда давайте я вас сфотографирую и будем квиты! – предложил я.

– Давайте! – моментально согласилась Анна и привела бикини в исходное положение.

А Маша прижала к груди пляжную сумку и разрешила:

– Пли-и-из!

Пришлось фотографировать Анну с Машей в более приличном виде, нежели Венеру Милосскую. А когда все квадратные карточки вышли из «поляроида» – мы отправились к морю, презирая бассейн и полусонных туристов.

– Тейк амбрелла? – спросил босоногий мальчик, который расставлял на побережье шезлонги, раскрывал и закрывал зонтики.

Не скажешь «тейк» – и жариться тебе под солнцем...

– Вы как хотите, а я собираюсь поспать, – сообщила Маша.

Гадкий и босоногий мальчик по коммерческим соображениям расставлял шезлонги попарно и слышать ничего не хотел о шведской семье под одним пляжным зонтиком. Поэтому Маша расположилась чуть поодаль от меня и Анны. Чтобы я мог спокойно оценить ее топлес, наверное.

– А ты чем будешь заниматься? – спросила у меня Анна.

Как только люди расходятся парами – они моментально переходят на «ты». Закон природы... Я собирался подумать над романом, покуда все ингредиенты были под рукой: море, Анна, Маша... А загорание решил оставить на совести южного солнца, которое поджаривает людей с эстетическими целями... Вот зачем ему надо, чтобы люди были одинаковыми и коричневыми?

– Мистер?.. – обратился ко мне гадкий мальчик.

Он возник неожиданно и принялся тараторить по-гречески, указывая на соседний шезлонг.

– Как ты думаешь, Анна, чего он хочет? – лениво поинтересовался я.

– По-моему, он спрашивает, – сказала Анна, – для чего нам понадобился этот шезлонг...

– И зонтик...

– Зонтик и шезлонг, – подтвердила Анна. – Если там никого нет...

Я не знал, что ответить босоному мальчику, и поэтому взял «поляроидовскую» фотокарточку, приподнялся и положил на соседний шезлонг.

– Ты сумасшедший, – усмехнулась Анна.

А мальчик взглянул на солнце, покачал головой и, вероятно, подумал, что такому придурку, как я, и трех зонтиков мало.

– Надо возвращать долги, – сказал я мальчику.

Но он ничего не понял, махнул рукой и пошел от меня – куда подальше. Потому что на соседнем шезлонге не было Маши, а только сделанная четыре года назад фотография...

Здесь похоронена Глава о том, как в 1425 году блистательный авантюрист Поджо Браччолини, уроженец Флоренции, подделал рукописи античного писателя Корнелия Тацита...

«Легкий завтрак в тени некрополя»

Тринадцатый апостол

Поздней осенью тысяча четыреста двадцать пятого года от Рождества Господа нашего Иисуса Христа... я, Поджо ди Гуччо Браччолини, переждал непогоду в одной захудалой таверне близ монастыря Святого Галла. В тот день Божественные милости обрушились на нас в виде дождя вперемешку со снегом, как будто Господь никак не мог определиться – чем конкретно нас одарить. Манна небесная сыпалась словно из рога изобилия, и покуда я добрел до таверны, ряса моя изрядно промокла. Но вместо того чтобы подсесть поближе к огню, я притулился неподалеку от входной двери, дабы не вызывать к себе повышенного интереса. Хозяин принес мне горячей похлебки, хлеба и кувшин вина, а на большее в этих краях я и не рассчитывал. Поэтому, благословляя хлеб и особенно воду, которую хозяин таверны выдавал за красное монастырское вино, я приготовился к неспешной трапезе, очень рассчитывая, что желудок меня не подведет.

– Мир тебе! – пробормотал я, по сути дела обращаясь к собственному желудку.

Но хозяин понял меня превратно и заявил, что за последнюю пару лет его харчевня сильно пострадала от миролюбивых монахов, которые странствуют во имя Господа, а трапезничают за счет заведения. И если «святой отец» из этого славного ордена, то может свободно отдохнуть и переждать непогоду, однако хлеб, вино и похлебку он уберет.

– Так будет по-божески! – подытожил хозяин. – Ибо сказано... Неужто взять мне хлебы мои и вино мое и отдать людям, о которых не знаю, откуда они?

– Сын мой, – ласково перебил я. – Если тебе показать флорин, ты сам догадаешься, что я прибыл из Флоренции?

С этими словами я выложил на стол кое-какую мелочь, и хозяин вынужден был согласиться, что звонкие монеты – это лучшая рекомендация. А вдобавок поинтересовался, хватит ли одного кувшина вина такому уважаемому человеку?

– И тяготела рука Господня над филистимлянами... – пробормотал я.

– Что-что-что? – переспросил хозяин.

– Я говорю, откуда мне знать о втором кувшине вина, покуда я не попробовал первого?

Здесь хозяин стал меня убеждать, что это вино хорошее и на днях исполняется ровно месяц, как никого не стошнило. Но, дабы не рисковать репутацией своего заведения, он принесет другого вина для знатного господина из Флоренции... Самого наилучшего.

– Сын мой! – удивился я. – Почему ты называешь меня знатным господином, как будто не видишь рясы на мне?

– Ну разумеется, ваше преосвященство! – заявил трактирщик. – Я вижу рясу! Однако очень смущают ваши сапоги! Потому что монахи носят сандалии. А с такими каблуками, как у вашей милости, любой звонарь тотчас же чертылыснется с колокольни, клирик – с амвона, архимандрит – с паперти...

И трактирщик принялся обстоятельно перечислять, кто из монастырской братии звезданется и с какой возвышенности, если наденет подобные сапоги.

– Тихо-тихо, – осадил я трактирщика и оглянулся по сторонам, дабы удостовериться, что никто не прислушивается к нашему разговору. – Сапоги как сапоги... Можно подумать, что ты меня осуждаешь!

– Да разве я сторож брату моему Авелю?! – воскликнул трактирщик. – Разве я вправе указывать господам из Флоренции, как одеваться и что носить?! И если ваше преосвященство хочет выглядеть как ваше преосвященство, то пусть не оглядывается! Ибо в этой таверне больше никого нет! Кроме вашего покорного слуги, разумеется...

Я очень удивился такому приятному обращению в этой захудалой местности. «Слуга покорный...» И решил отпустить хозяина за вином, которое он приберег для «знатного господина из Флоренции», но трактирщик не сдвинулся с места, а продолжал нависать надо мной, о чем-то глубокомысленно размышляя.

– Позвать его? – наконец-то осведомился трактирщик.

– Кого? – уточнил я.

– Вашего покорного слугу, разумеется! – пояснил трактирщик. – А то он действует мне на нервы! Забрался в угол и зыркает!

И трактирщик указал большим пальцем куда-то себе за спину. Похожими жестами древние римляне общались с гладиаторами, а египтяне – с крокодилами...

Мой покорный слуга, как его окрестил хозяин таверны, практически не выделялся на фоне грязной стены этого достойнейшего заведения, поскольку темно-коричневая ряса служила ему отличной маскировкой.

– А почему ты решил, что мы знакомы? – спросил я у трактирщика, имея в виду темно-коричневую рясу.

Трактирщик дважды пожал плечами и выхлебал добрую половину вина из кувшина с подмоченной репутацией. После чего подумал – и оприходовал худшую половину.

– Дабы другим неповадно было портить полы моего заведения, – прокомментировал свои действия трактирщик и трижды судорожно икнул. – А что касается путешествий и путешественников, – продолжал свои речи трактирщик, как только спазмы слегка поутихли, – я видел множество монахов... Бенедиктицев и францисканцев, капуцинов и кармелитов, и даже трех веселых иезуитов... А это не приведи Господи... Однако ничего подобного, как ваше преосвященство и то, что сидит в углу, мне видеть не доводилось... «Ба! – подумал я. – Ба! Да эти голубки из одной преисподней! Одеваются как монахи, а на самом деле – черт знает что!»

Я особенно не тревожился за свою наружность. Путешествовать по землям Италии куда как удобно в рясе. К тому же в монастыре Святого Галла прекрасно знали, с кем будут иметь дело. Но «то, что сидело в углу», по правде сказать, меня беспокоило... У черта на куличках, а именно так я расценивал данную местность, лучше иметь надежного спутника. Вдобавок успех нашей экспедиции во многом зависел от мастерства этой личности, и я не мог относиться к ней наплевательски.

– Поди-ка сюда! – произнес я.

Однако в ответ на мое приглашение выйти и представиться из темного угла послышалось какое-то фырканье, а личность не тронулась с места.

– Вот-вот! – поддакнул трактирщик. – Часа два оно там находится! И о чем ни спросишь, все – хыррр, да фыррр! Я не совался бы в этот угол без особой нужды, – добавил осторожный трактирщик.

В другой ситуации я непременно последовал бы его совету, но именно эту личность мне рекомендовали как опытного переписчика.

Дней десять назад я получил известие от Никколо Никколи, который, собственно говоря, и субсидировал нашу экспедицию. В ответ на мои настойчивые просьбы он сообщал: «Я нашел тебе превосходного писца, и – представь! – не в каторжной тюрьме!» Далее Никколо подтверждал, что видел некоторые работы этого «виртуоза», но, к сожалению, не успел познакомиться с виртуозом лично. Послание Никколи заканчивалось весьма обнадеживающе, учитывая худую репутацию всякого рода переписчиков: «Он присоединится к тебе в таверне, что подле монастыря Святого Галла. Будь терпелив с ним и обходителен!» Но самое интересное, что у Никколи не возникало вопроса, как мы узнаем друг друга...

И вот, заручившись рекомендательными письмами из папской курии, где до недавнего времени я исполнял обязанности секретаря при их святейшестве Мартине Пятом, я поспешил в монастырь Святого Галла ради встречи с Корнелием Тацитом или тем, что от него осталось. Ибо, невзирая на все наши хлопоты и поддержку кардинала Орсини, настоятель монастыря категорически отказывался выпустить Корнелия из обители прежде, чем его догрызут мыши. Однако, не смея рассориться с таким влиятельным человеком, коим являлся кардинал Орсини, настоятель неохотно согласился, чтобы мы поработали над Корнелием в стенах обители. Для чего мне и потребовался опытный переписчик, иначе я мог состариться, копируя древние рукописи в одиночку...

И следовало поторапливаться, покуда настоятель не передумал. Он мог внезапно заупрячиться и не пустить нас в библиотеку по каким-нибудь теософским соображениям. Или выгнать, поддавшись внезапному религиозному исступлению. Мой тайный доброжелатель в монастыре, который нашел Тацита среди разрозненных рукописей, предупреждал, что настоятель недолюбливает столичных «проходимцев» и только поэтому будет препятствовать нашему делу. «И никакие угрозы кардинала Орсини не могут повлиять на отца-настоятеля, – сообщал доброжелатель. – Ибо в ответ на все упорные рекомендации из Флоренции он только посмеивается и резонно заявляет, что дальше монастыря Святого Галла его не сошлют, ибо – дальше некуда...» Надо признаться, что мы совершили ошибку, когда обнаружили свой интерес к Тациту и забросали отца-настоятеля письмами из папской курии. До этого Корнелий тихо тлел в

монастырской библиотеке, неведомыми путями очутившись в этой тихой обители, покуда мой доброжелатель не наткнулся на него случайно. Вначале он хотел взять рукопись и доставить ее во Флоренцию, но, помолившись усердно Богу, раскаялся в своих грешных помыслах и попросту известил меня о своей находке.

Надо сказать, что за прошедшие десять лет я приобрел значительный опыт в подобного рода изысканиях. За время службы в качестве папского секретаря я сумел установить хорошие отношения практически со всеми библиотекарями самых отдаленных монастырей. Везде у меня был источник информации, а благодаря знакомству с Никколо Никколи я никогда не нуждался во флоринах, чтобы выкупить приглянувшуюся рукопись. Мне удалось обнаружить и отредактировать знаменитого Тита Ливия, не менее славного Кальпурния и несколько глав из романа Петрония Арбитра, о котором со времен античности ничего не слышали и не подозревали, покуда я не вытащил эти главы на свет Божий и не очистил от мышьиного помета. Так что наши дела, благодаря субсидиям Никколо Никколи и моему латинскому языку, шли в гору. Древние рукописи тщательно реставрировались, редактировались и перепродавались. Очень состоятельные люди могли позволить себе оригинал, остальные довольствовались копиями, которые тоже ценились весьма высоко. К примеру, за подлинного Тита Ливия мне удалось прикупить виллу во Флоренции, а за копии писем святого Иеронима – обжиться там и обустроиться. Однако Корнелий Тацит сулил удовольствие и финансы, ни с чем не сопоставимые. Труд предстоял кропотливый, и какая бы тварь там ни фыркала – я собирался извлечь ее из темного угла...

С такими намерениями я засучил рукава и, помня о скверном характере переписчиков, стал наступать в нужном направлении, думая, как бы поудачнее наподдать этой зловредной твари. Ради первого знакомства...

– Господи-помилуй, Господи-помилуй! – моментально запрочитал трактирщик. – Куда ваша милость отправилась без рогатины?!

Однако я ловко ухватился за темно-коричневую рясу – и выволок тварь из угла, но только благодаря своему богатому литературному опыту. Поскольку тварь шипела и отчаянно сопротивлялась.

– А ну-ка! – грозно прикрикнул я и недолго думая отпустил увесистого тумака. – Чем римский курсив лучше квадратного

капитала?! Отвечай немедленно!

Сраженная эрудицией, тварь поневоле обмякла, но все-таки попыталась укусить меня за руку. Тогда я выдал ей нового тумака и добавил два подзатыльника.

– Лихо! – оценил мои действия трактирщик. – А звонко-то как! Словно на Пасху!

Но я не стал задумываться над сложными философскими наблюдениями, которые рождаются под действием винных паров, а поставил оную тварь на ноги и сдернул с нее капюшон. После чего быстренько натянул капюшон обратно...

– Да-а-а... – согласился со мной трактирщик. – Эк вы тетеньку здорово отволтузили!

И в самом деле, это была дама. Правда, с короткой стрижкой, но весьма симпатичная. Не девка с проезжей улицы, а женщина с образованием, потому что, стоило на миг ослабить внимание, как эта стерва двинула мне прямо в селезенку. По полной программе «Анатомии» Гиппократа... Я проклял трактирщика вместе с его заведением, проклял это странное существо, которое снова шмыгнуло в дальний угол, и стал проклинать Никколо Никколи – чтоб ему пусто было! Ну разве трудно встретиться с писцом и посмотреть – какого он пола?! Ради общего дела!.. И как я теперь потащусь в монастырь с бабой?! Ыыыы...

– Кстати, – заметил трактирщик. – У меня сдаются прекрасно меблированные комнаты. Как раз для важных господ из Флоренции... Брать будете?

– Буду, – согласился я. – Но чтобы никому ни звука! Особенно про это... – уточнил я и перекрестился на темный угол.

Здесь он заверил меня, что ни одна живая душа не узнает о случившемся, а если «его преосвященство» хорошенько заплатит, то в комнатах будет обеспечен покой, стол и полное инкогнито. Потому что баба, конечно, в рясе, но кто попадет в нее камнем?! Если, конечно, она посидит взаперти, а не станет разгуливать по окрестностям...

– Ишь как фыркает! – снова подивился трактирщик. – Наверное, жрать хочет...

– И два кувшина вина! – подтвердила особа.

«Ах, Никколо-Никколо! – подумал я. – Ну, это дело тебе дорого обойдется!»

*Моему брату Владимиру, русскому актеру, –
последние аплодисменты...*

Эпитафия

Где начиналась моя история – я знаю с точностью до десяти квадратных метров... Город Мценск, здание городской библиотеки, клетушка в полуподвале... И если плясать от печки, например, краковяк, то лучше выбрать более просторное начало. Иначе можно стукнуться о вьюшку – и конец бальному вечеру. Потому что русское отопительное сооружение занимало в аккурат половину нашей комнаты. Скорее всего, до революции тут пьянствовал дворник в гордом одиночестве и предавал анафеме мелкопоместное дворянство. А как только забрезжил рассвет социализма, дворник сделался комиссаром и оставил вредные привычки. Так что бабушка получила эту комнату практически без усилий. Пошла, поклонилась кому следует – и дело в шляпе! Живи не хочу, а все удобства – на другой стороне улицы. Но это намного гуманитарнее, чем обретаться через дорогу, а по малой нужде бегать в читальный зал. Где Толстой и Тургенев! Пушкин и Достоевский! Можно сказать, сеют разумное, доброе и вечное! Им ведь удобства теперь не требуются?! Ну и мы – перетопчемся...

Короче говоря, площадь была служебная, в смысле – ничего лишнего. Бабушка несла караульную службу, убиралась в библиотеке, и нам разрешили здесь проживать в определенном количестве: два мальчика и два старпеня. Итого – четыре божьих коровки... Дед Илья, бабушка Лена, брат Владимир и я... Мы состояли в дружных, но довольно запутанных родственных отношениях. И с точки зрения генеалогии наш дедушка считался бойфрендом бабушки, потому что в церкви они не венчались, общих детей не имели, а за давностью лет наплевали на такие формальности. И если разложить генетическую цепочку, то дед едва помещался между столом и печкой. А если собрать генетическую цепочку обратно – он просыпался в шесть утра и уходил на работу. Зимой – в шапке, летом – без шапки. Этот ген совсем не годился в наследственные признаки.

Мой брат заблуждался и думал, что бабушка его родила. Я пробовал с ним разговаривать на эту скользкую тему, однако

безрезультатно. Брат абсолютно не разбирался в генеалогии и продолжал настаивать на своем варианте событий: вначале было слово, потом бабушка, после чего – и пошло и поехало... Нас подменили в роддоме с разницей в восемь лет, а кто это сделал – ему не мать, а «леди Макбет Мценского уезда». «И не возникай!» – советовал брат, да, собственно, я и не пробовал, потому что разница в возрасте была не в мою пользу. Вдобавок с нашими папашами дело обстояло еще хуже... Своего отца Вовка не знал, а моего называл «дядя Аля». То есть везде получалась какая-то чертовщина, а не семейные отношения. Бабушка утверждала, что у нее нет дочери; я был похож на «деда-бойфренда»; и только по одному вопросу наша пестрая компашка была единодушна: «леди Макбет Мценского уезда» не имела ни малейшего отношения к нашей фамилии. Тем более что так называемая «леди» постоянно проживала в городе Ленинграде и, надо отдать ей должное, никогда не душила детей подушкой. Она свозила их к бабушке, и слава богу! Потому что классика классикой, прочитал и поставил книгу на полку, а находиться рядом с безумной «леди» – себе дороже. Так что оставим этого персонажа на совести Николая Лескова и продолжим...

Как сделать обыкновенный телефон в домашних условиях? Надо отмотать длинную нитку от бабушкиной катушки, пропустить сквозь замочную скважину, привязать два спичечных коробка – и можно разговаривать хоть до посинения. А если использовать пустые стаканчики из-под мороженого, тогда телефонная связь будет просто супер... «Алло! Алло! Это детская библиотека?! Вы слышите ухом или брюхом?!» Бабушка Лена мыла полы на первом этаже, а выше хозяйничала бабушка Маруся. Еще тот фрукт, знаете ли... «Па-а-а-берегись!!!» – предупреждала бабушка Маруся. Она постоянно роняла ведра, и те катились со страшным грохотом вниз по лестнице. «Есть кто живой?!» – спрашивала бабушка Маруся, как только ведра достигали первого этажа. По родословной она приходилась младшей сестрой нашей бабушке и проживала отдельно. Сразу за музыкальной школой. «Опять двадцать пять!» – сокрушалась бабушка Лена, глядя, что на лестнице образовался Ниагарский водопад. Бабушка Маруся не отличалась крепким здоровьем и грузоподъемностью, и два ведра с водой дотащить не могла. По всем параметрам. Но каждый раз

пыталась это проделать, невзирая на хроническую астму и прочие болезни...

Библиотека подразделялась на взрослую и детскую, чтобы всякие сопливые личности не шлялись на второй этаж. Там хранились важные сочинения классиков марксизма-ленинизма, лежали газеты «Правда» и «Труд», из которых получались отличные гнезда для ежей. Эти звери были сами не свои от газет. Как увидят передовицу с комбайнами – и сворачивают-разворачивают, и шуршат-шуршат, ну подлинники классики марксизма-ленинизма. Вдобавок ежики сильно смахивали на самого Карла Маркса, и поэтому я относился к ним с уважением, резонно предполагая, что все обыкновенные люди произошли от обезьян, а классики марксизма-ленинизма – от ежей...

Детская библиотека на первом этаже была демократичнее. Туда пускали всех кому не лень читать про Васюка Трубочка со товарищи. По правде говоря, ваш покорный слуга все больше ударял по Дюма или Диккенсу, но были специалисты, которые восхищались только книгами про девочек. Например, «Маша и три медведя», «Белоснежка и семь гномов», «Алиса в Зазеркалье...» Подобной специфической литературой интересовался мценский дурачок Саша Мошкин, безобидный молодой человек, он же местный звонарь по совместительству. Большую часть времени Саша находился при исполнении на колокольне – гонял голубей и перелистывал свои книги про девочек. Второго городского дурачка звали «Алеша Померанцев – любитель музыки и танцев», и, по понятным причинам, он в детскую библиотеку не заходил. Алеша с гармошкой мыкался возле музыкальной школы и наяривал «камтугезу» – да не оскудеет талантами земля русская! Зато я просиживал в библиотеке с утра до ночи, как только в пять с половиной лет научился читать. Брал первую попавшуюся под руку книгу и растворялся за стеллажами. Иногда на мои поиски отряжался целый отряд во главе с бабушкой Леной. «Где же он может быть?! – удивлялась бабушка Маруся, вызванная на подмогу. – А ну-ка, Вовка, пройдишь по зарубежной литературе, а я посмотрю среди литературных памятников...»

Выволакивали меня тоже всем миром. Я цеплялся за стеллажи и пробовал умыкнуть сразу несколько единиц хранения. Поэтому, прежде чем вынести из библиотеки, меня сильно встряхивали, чтобы избавиться от Ги де Мопассана. Такая профилактика «на вшивость»

делалась регулярно, но мне все равно удавалось протащить сквозь «таможню» или «Волшебника Изумрудного города», или «Приключения Оливера Твиста». Ключ от книгохранилища приходилось прятать и перепрятывать. Иначе я забирался туда в неуточное время, а рано утром невольно пугал читателей, когда выходил на свет божий со свечкой и в длинной ночной рубахе, которая по-семейному называлась «сумасшедшей». Школу я считал абсолютно идиотическим мероприятием, что не имеет ничего общего с жизнью «Двенадцати цезарей», и тупо пялился на учительницу. Она норовила отобрать у меня «Илиаду» и сунуть в руки «Букварь» или «Родную речь». Первый раз в первый класс я отправился с большим интересом. По правде говоря, меня немного смущал этот букварь, который закинули в мой портфель. А, Б, В, Г, Д... – и никаких предложений осмысленного характера. Должно быть, подумал я, с буквами вытворяют что-то такое, о чем я не знаю. То есть в школе я рассчитывал на перформанс, а получилось сплошное надувательство. И чем дальше, тем – хуже. Учебник литературы за третий класс я уже расценивал как откровенную педофилию, а вопросы по истории доводили меня до истерики. «Что-то с ним надо делать...» – задумалась бабушка после первого сентября, и брат Вовка решил обучить меня чтению по складам... «Ма-ма! Мы-ла! Ра-му!» – «И ты, дитя мое?!» – завопил я от возмущения, после чего упал на землю, накрылся тогой и пролежал так до позднего вечера...

Однажды нас посетила шаровая молния, без предварительного покашливания. Мы тихо сидели за обеденным столом и смотрели, как на улице идет дождь. Нахальная молния пролезла сквозь форточку и стала нас разглядывать: Вовку, меня и бабушку. Шаровая молния висела на расстоянии вытянутой руки и о чем-то сердито потрескивала. «Здра-а-вствуйте!» – удивленно сказала бабушка. Вначале я не собирался болтать с шаровой молнией, потому что надо заранее предупредить о своем визите, но потом решил поддержать великосветскую беседу, раз бабушка ее начала. «Сегодня на улице ужасная погода!» – сообщил я шаровой молнии. Вовка осторожно ущипнул меня за руку – я подумал, что сморозил несусветную чушь, и поспешил исправиться. «А вы читали „Иду на грозу“ Даниила Гранина?» – поинтересовался я. Но Вовка ущипнул меня сильнее и обозвал академиком. Поэтому я замолчал и стал тоже разглядывать

шаровую молнию, которая сильно смахивала на клубок мохера светло-рыжего цвета. «Сейчас шандарахнет!» – предположила бабушка... До сей поры я не встречал шаровых молний, вот майских жуков было во Мценске навалом, и жужжали они точно так же. Однако жук насекомое глупое и постоянно бьется башкой о любое препятствие – жжжжжжжж, бэмс! А шаровая молния вела себя разумно. Она тщательно проанализировала каждого из нас, и особенно ей понравился Вовка. Скорее всего, потому что Вовка был рыжим, как шаровая молния. Во всяком случае, они смотрели друг на друга минуты три влюбленными глазами. После чего шаровая молния обошла все помещение, задержалась у печки, словно пожарный инспектор, хмыкнула и – преспокойно вылетела сквозь форточку, чтобы ухнуть в землю возле сарая. На следующий день мы обнаружили место, где упокоилась шаровая молния. На траве там был черный выгоревший круг. «Если раскопать, – важно сказал Вовка, – то можно найти костяной шарик». Однако мы не стали этого делать – что же нам, шариков не хватает?

Вот с кольцами действительно была проблема... Их приходилось выпиливать лобзиком из фанерных ящичков, потому что однажды нам стукнуло в голову стать жонглерами и эквилибристами. Для этого я притащил из библиотеки журналы «Цирк», а Вовка натянул толстую проволоку между деревьев. С теоретической точки зрения требовалось держать равновесие, подбрасывать кольца и улыбаться, а практически – мы падали с проволоки, словно пустые фанерные ящички. «Даже медведи делают это!» – завидовали мы, глядя, как на страницах журнала «Цирк» держатся косолапые артисты. «Наверное, все дело в юбочке!» – смело предположил я, имея в виду разнаряженного медведя. И оказался прав! В бабушкином халате Вовка продержался на проволоке целых три секунды, однако звезданулся – в четыре раза громче обычного. Что, собственно говоря, привлекло внимание зрителей в составе бабушки Лены и бабушки Маруси. Они аккуратно порезали нашу проволоку на мелкие кусочки, а другой уж было не достать. Так мы с Вовкой на этот раз остались без ангажемента...

Однако вскоре созрела другая мысль – заделаться бродячими артистами и выступать на базарных площадях. Вовка выпросил в музыкальной школе дырявый пионерский барабан и медные тарелки, а Померанцев Алеша присоединился к нам по собственной воле. На

первой же площади в городе Мценске мы испытали все радости и невзгоды, которые выпадают на долю странствующих менестрелей. Впереди выступал я, как самый маленький из трубадуров, и что есть силы бил в тарелки. Далее шел Вовка и вышибал из барабана его пионерскую суть. А замыкал процессию Алеша Померанцев со своей «камтугезой». И если бы не Саша Мошкин, который некстати в тот день заступил на дежурство, наше представление могло бы закончиться, как и начиналось, – чинно и благородно. Однако Саша Мошкин с целью поддержать молодые дарования ударил во все колокола и нарушил хрупкое равновесие между гражданской и церковной властью. Из городского исполкома примчался председатель, из церкви выскочил батюшка, и стали они разбираться, какой нынче праздник – День парижской коммуны или Богоматери?! После чего отобрали у меня с Вовкой музыкальные инструменты, а Померанцев Алешка подло сбежал при первом же антракте...

Так что с моей артистической карьерой было покончено – раз и навсегда. И может, поэтому я стал заниматься литературой, балансируя между строчками и жонглируя словами... А Вовкина жизнь сложилась печально... Однажды он вырос и поступил в музыкальное училище... Затем – в театральное... Года через четыре его распределили в таежный театр, разыгрывать Гамлета пред бурными медведями... Однако благодаря своей соломенной внешности он выбился в Иваны-дураки и десять лет с гастролями разъезжал на печке... Но рыжим солнечным августом какого-то года попал под машину и стал инвалидом... Вернулся во Мценск, похоронил дедушку с бабушкой и снова отправился ковылять по необъятным просторам нашей родины... Умер в заброшенном доме на краю села от воспаления легких... Лежит в безымянной могиле, как шаровая молния...

Вот такая литература... Мать ее за ногу...

*Теперь я прекрасно понимаю импрессионистов,
которые завтракали с обнаженными подругами...*

N. N.

Четыре года назад я прибыл на Крит с идиоткой по имени Маша. Мне подошло сразу ее утопить в Эгейском море и вернуться на родину

в приподнятом настроении. Но я – промедлил... И когда решился, недели через две, уже не было под рукой моря, а только неглубокая ванна, где топить идиотов можно, однако – неэстетично. Мой друг называет это любовью, когда идиотки плещутся в ванне, а ты спокойно сидишь и наблюдаешь. И в результате получается не роман, а порнография. То есть непристойное изображение женщины с открытыми формами идиотизма...

Потому что, девушка, если нужны тебе деньги – подойди к мужчине и попроси. Если не даст, поправь макияж и найди другого мужчину. Так нет же! Она стремится сэкономить на косметике! И трясет одного бедолагу как грушу! Пока душа из него – вон, вместе с грибницей... Какие-то антиобщественные создания эти девушки. Лесника на них нету! Ну нашла ты гриб-боровик, срезала и – в лукошко, и – в лукошко... На следующий год вернешься на это же самое место. Люби и знай свой край! Мужчины имеют тенденцию вспыхивать новыми чувствами к старым вешалкам... Она же, девушка, все повытопчет и грибницу попортит, а после бродит по лесу и гавкает: «Ау! Ау! Где вы, принцы?! Да неужто ни хрена не осталось?!» А вот!

Помнится, Маша хотела создать впечатление, что везде она голая. Не в смысле, что по всему телу, а по всему побережью. То высунется из-за камня наполовину, то в море окунется по грудку... А я фотографировал эти приоткрытые конечности, как будто нельзя раздеться по-человечески. Вышла на взморье, скинула обмундирование, и – все имеют полное представление о женщине. Однако Маша настаивала, что только коровы снимаются в натуральную величину, а у женщины должна быть интрига. Некая тайна, чтобы все рассматривали эти фотографии и загадывали желание – сколько родинок у тебя на попке... «Пдыссик не пдыссик? Бодадавка не бодадавка?» Какая, к чертовой матери, тайна, когда Маша сидела за камнем в купальнике? Сплошное надувательство, а не аэрофотосъемка! Конечно, в номере она раздевалась полностью... И быстро...

Потому что интрига нужна для начала романа, а в постели от женщины требуется техника исполнения... Жаль, разумеется, семнадцатый век, когда на всю эротическую библиотеку было три вздоха и одно несмелое рукопожатие, но – что вы хотели от

эмансипации?! Русская дама еще котируется на этом рынке западной литературы по причине своего интереса к недвижимости. Она готова обменять эмансипацию на загородный особняк в предместье Парижа, потому что ее не устраивает качество панельного домостроительства в России. А европейка платит за себя в ресторане и плюет на недвижимость, требуя, чтобы после романтического ужина у мужчины все двигалось. И чаще имеет в виду кирпич, когда ты спрашиваешь у нее про панель. Но это, конечно, теории, теории... Поскольку я приехал на Крит со своим самоваром и не имел возможности поближе познакомиться с европейками...

А Маша фотографически оттягивалась на Крите, дабы улучшить свои профессиональные навыки. А может, готовила портфолио для будущего замужества, мол, вон я какая хорошенькая и полуобнаженная, а чтобы увидеть побольше – надо доплатить. Одно колечко – ко Дню святого Валентина, другое – на безымянный пальчик, а дальше – по обстоятельствам... Иначе в каких эстетических целях сниматься возле каждого фонарного столба? Я спрашиваю. А вдобавок на «поляроид», чтобы сразу оценить композицию: где выпукло, а где – впукло. «Как ты снял меня отвратительно возле бассейна! Ну что за ноги?!» – негодовала Маша, когда просматривала фотосессию за день. В ответ я молчал, потому что критике подвергались не красивые ноги, а мои корявые руки. И за каким васаби я поехал на Крит с Машей? Мог бы нажраться хрена и дома... Слава богу, на третий день все ландшафты и фотоматериалы закончились, и я подумал, что пора перейти к водным процедурам...

«Мы плавали в лагуне, как Адам и Ева; мы любили друг друга под каждой волной...» Это была цитата из первого моего ого-го-романа. «Фриштык на кладбище». Который вышел в издательстве «Алфавит» намного позже настоящих событий... А с Машей мы разругались на третий день бесповоротно. Она потребовала, чтобы я отправился в греческий магазин и пополнил запасы кассет для «поляроида». Тогда мне пришлось разбить эту камеру пыток. Я ухватился за ремешок, раскрутил фотоаппарат как следует и устроил ему радостную встречу со стенкой. Давно напрашивался! После чего со спокойной совестью вышел из номера и спустился в бар, дабы обрести равновесие. А то меня покачивало без балласта в виде двух кружечек пива... Поэтому я устроился за стойкой пляжного бара, потребовал «бир-энд-бир» и стал

размышлять над составляющими. Почему я купил две путевки, а приходится отдыхать одному... Однако печальных размышлений мне хватило только на правую кружку пива. А когда я сосредоточился на левой, мне показалось, что там отражается женская голова с невероятным количеством кудряшек. Как говорится – «между первой и второй промежуток небольшой!» Это про кружку пива и женщину...

Любой мужчина готов запутаться в художественных образах. Ведь кому-то – жена, а кому-то – предмет вождления. Эти понятия вяло перетекают из категории в категорию и зачастую уживаются в одном предмете. Взять хотя бы Мону Лизу, где «возвышенный идеал женщины соединяется с интимным обаянием». Это два, извините, чучела?! Или один прототип по имени Джоконда?! Вдобавок неизвестно на какой флорентийский предмет таращился Леонардо да Винчи, когда создавал свою композицию. Я нисколько не критикую гения, а наоборот – хотелось бы получить фотографию Моны Лизы, чтобы представить себе глубину авторского замысла. Приблизиться к этой пропасти и увидеть, что так улыбаться могла только душа художника, а не Мона Лиза дель Джоконда, уроженка Флоренции. В чем, собственно, и заблуждаются сами женщины. Глядя на себя в зеркало. Как им приходит в голову, что стеклянная поверхность талантливее Леонардо да Винчи?! А прототип симпатичнее художественного образа?! Как?!

Я могу расшифровать свои, казалось бы, неуместные аналогии. Мол, женские образы в моем ого-го-романе и настоящая Маша – разные клюквы. Правда, из одного N.-N.-болота. Но я не стану об этом распространяться... Поскольку отражение в пивной кружке не имело ничего общего с оригиналом. Я слишком сосредоточился на прохладительных напитках, а там отражался бармен со своими африканскими косичками. Женщина сидела чуть поодаль и глюками не занималась. Но это был оригинал!

Когда-нибудь Смерть посетит меня. Она допьет мое пиво, докурит мою трубку и скажет: «Увольте, батенька! Разбирайтесь с женщинами самостоятельно! Мне неохота подвергать свою жизнь такому необоснованному риску!» И смоемся, чтобы я как следует подумал – какой мне хочется смерти? В легкую – от инфаркта или – по обстоятельствам?! Потому что не далее как пятнадцать минут назад я

разругался с Машей, а теперь с интересом поглядывал на другой оригинал... И еще надеялся упокоиться – в легкую...

– Простите, девушка... – обратился я к оригиналу. – Вы из какой эскадрильи?

Она посмотрела на небо – безоблачное, после чего на меня – неудачного и нехотя отвечала:

– Обычно с русскими за границей я разговариваю на английском языке... Чтобы не привязывались... Но вы меня заинтересовали... Что значит «из какой эскадрильи?»

– Сам не знаю! – честно признался я. – Наверное, нагрузился как бомбардировщик!

Я указал на пустые кружки из-под пива, но мои оправдания она пропустила мимо ушей, скорее всего от недостатка веских аргументов в виде использованной посуды.

– Не валяйте дурака! – посоветовала она. – Извольте отвечать за свои поступки... Сколько раз были женаты?.. На каких блондинках?.. И почему пристаёте к незнакомым девушкам?..

Она забавно строила предложения, как будто старшина-филолог. «Ра-а-авняйсь!.. Сми-ирно!.. Здравствуйте, товарищи предложения!..» – «Гав-гав-гав-гав!»

– А если к вам пристаёт англичане, – принялся размышлять я, – вы на каком языке с ними разговариваете?

– Где вы видите англичан? – заинтересовалась девушка.

И действительно... За стойкой бара орудовал африканец, рядом сидел я... Но полудурок – это не раса, а, можно сказать, национальное меньшинство. Во всяком случае, меня надо беречь от вымирания. Возродить собственную письменность, следить, чтобы я с кем попало не скрещивался... Я даже оглянулся по сторонам с целью перепроверить – не наблюдает ли Маша за моими попытками возродить письменность...

– А что вы так озираетесь? – удивилась девушка. – Как будто хотите составить мне конкуренцию?

Я поперхнулся пивом и заявил, что эта шуточка не имеет продолжения. В отличие от наших отношений, которые успешно развиваются и скоро пойдут в школу. Я просто ищу подходящее учебное заведение...

– А-а-а... – догадалась девушка. – Вы опасаетесь фотогеничной блондинки!

– Какой такой блондинки? – на всякий случай уточнил я.

– Которая загорает сейчас с биноклем, – пояснила девушка. – Во-о-он там, на пригорочке...

– Это не бинокль, – предположил я. – Это осколки ее фотогеничности.

Однако не стал оборачиваться, чтобы помахать ручкой. Эка невидаль – блондинка! Может, она крашеная, а я буду тут с каждой душой раскланиваться...

– Кажется, ее зовут Машей? – заметила девушка.

Ну надо же какое зрение! И масть разглядела, и прочее...

– А вы кто такая? – любопытствовал я. – Интерпол или экстрасенс?

– Обыкновенная стерва, – призналась девушка. – Люблю понаблюдать за чужими трудностями... А тут их полный комплект: фотоаппарат и блондинка... Что еще надо для полноценного отдыха?.. Кстати, у вас обеденный перерыв или пленка закончилась?..

– Пленка, – признался я. – А мой комплект действительно сидит на пригорке? Не хочу лишний раз оборачиваться...

Девушка рассмеялась.

– Я пошутила, – сказала она. – Но как, вашу мамашу, взрослые мужчины попадают в такие ситуации?! Рассказывайте...

– А вам для статистики? – осведомился я.

– Для «Шварцкопфа»! – пояснила девушка. – Может, я перекрашусь в блондинку ради эксперимента...

Собственно говоря, рассказывать было нечего... Чтобы попасть в щекотливую ситуацию, много ума не надо. А тут я специально проводил кастинг. Дал объявление, что нашему рекламному агентству требуются фотомодели. Перед тем как отправиться в отпуск. Развесил присланные фотографии на дверях своего кабинета, взял дротик для дартса, с перышками, и стал выбирать модель для отпуска. Чуть секретаршу не угробил. А надо стучаться, блин, в кабинет, может, у меня совещание.

– Ну что еще? – недовольно спросил я у секретарши.

– Все то же самое! – отвечала она, помахая свежими фотографиями.

– Крепи оборону родины! – распорядился я и указал на дверь.

Она прилепила там фотографии и вышла, без инструкций. Все равно я разгуливал по кабинету в пиджаке и бермудах. То есть верхняя часть – официальная, а снизу – банкет... Машу я вышиб с третьей попытки. Перед этим поразил два дверных косяка, но ехать с ними в отпуск, честно говоря, постеснялся. Тогда я прицелился как следует и угодил в Машину фотографию.

– Первое место? – уточнила секретарша.

– Угу! – подтвердил я. – Блондинка! И что характерно – девяносто-шестьдесят-на-девяносто! Если судить по анкете...

– Ну, это не главное, – пожалала плечами секретарша. – Главное, что попали!

– С третьей попытки! – вальяжно сообщил я.

– Ого! – обзавидовалась секретарша моим достижениям и принялась набирать телефонный номер блондинки...

Маша примчалась буквально через полчаса. С безумными глазами, потому что ей было предложено немедленно отправляться на Крит для рекогносцировки.

– Вы видели рекламный ролик батончика? – спросила у нее секретарша.

Я тихо сидел в приемной и прикрывался глянцевым журналом.

– Какого именно батончика? – деловито осведомилась Маша. Секретарша покосилась в мою сторону, и я кивнул – мол, можно втюхивать дальше, потому что живая Маша отвечала заявленным параметрам.

– Рекламу батончика «Баунти», – пояснила секретарша специально для идиотов, которые не понимают, что за такие батончики любое рекламное агентство разденется в полном составе и окунется во льдах Северного Ледовитого океана.

– Будем снимать тридцать четвертую серию! – добавила отсебятину секретарша. – Первая-то совсем поистрепалась!

– На кинокамеру-у-у?! – взвизгнула Маша как умалишенная.

Секретарша снова покосилась в мою сторону, а я отрицательно покрутил башкой. Делать мне больше нечего, как тащиться в отпуск с кинокамерой! Ишь чего удумала! Уж лучше с двумя косяками...

– Съемка будет рабочая! – заявила секретарша. – На фотоаппарат! Чтобы оценить перспективу!

Я трижды кивнул за глянцевым журналом.

– Ага! – сообразила Маша.

– Ага! – подтвердила секретарша. Я отложил в сторонку глянцевый журнал, аккуратно прокашлялся, и меня представили как главного специалиста по перспективам.

– Каждое попадание – в десятку! – зачем-то добавила секретарша.

На самом деле рекламное агентство принадлежало мне со всеми потрохами, но лучше перед моделями об этом не распространяться. Потому что останутся одни потроха, если нарвешься на супермодель. А это не редкость в нашем мужском бизнесе.

– Итак, – подытожила секретарша. – Сдавайте загранпаспорта! Вылет в следующую пятницу! Рейс Петербург—Афины! Проживание в отеле «Афродита»! Желаю крепкого здоровья и успехов в работе!

Так я очутился на Крите с Машей... Но я никак не рассчитывал, что она изнасилует меня вместе с фотоаппаратом... Нудист-работоголик!

– Да-а-а... – оценила девушка мой рассказ. – Иногда я сижу и думаю, мол, какая ты дура, Анна Владимировна... Восемнадцать лет, шатенка и не замужем... А теперь понимаю, что, может, все к лучшему...

– А кто такая Анна Владимировна? – любопытствовал я.

Потому что засомневался относительно возраста. Конечно, встречаются разные акселератки, но их выдают глаза. Которые зыркают по сторонам безо всякого смысла. Взрослая женщина оперирует взглядами по вертикали. Сверху вниз – если мужчина в пальто, и снизу вверх – после сорока лет. Как будто взвешивает – сколько тебе осталось валять дурака. И если не посмотрела во второй раз, то значит – всё! Взвесила.

– Анна Владимировна – это я, – пояснила девушка. – А восемнадцать лет – это гипербола.

– Тогда, может быть, прогуляемся? – предложил я.

– Странная взаимосвязь, – пожалала плечами Анна. – Однако... Давайте прогуляемся... По побережью...

Как настоящий джентльмен, я имел при себе – кошелек и шорты. Все остальное нам встретилось по дороге. Но, честно говоря, Анна заблуждалась относительно побережья. По ее романтическим

соображениям, надо было брести по мокрому песку, распугивая крабов, и чувствовать, как щекотится море. Однако я цинично настаивал, что только прибрежные кабаки могут носить гордое имя побережья. Там и пиво, и крабы, и прочие романтические закуски. Одни названия чего стоят – «Зурбаган», «Кегельбан». Мы устроились на террасе посреди этого списка и заказали себе «поэтическое вдохновение». Это когда без бутылки текилы не разберешься, что на тарелку набросано...

– Вот из ё нэйм? – попробовал уточнить я, тыча в тарелку ножом и вилок.

– Костас! – расплылся в улыбке официант.

– Да? – удивился я. – А мне показалось, что это осьминог!

Тут я принялся пересчитывать у «костаса» щупальца – «ван, ту, фри, фо, фэйф» – и стал буксовать на цифре «севен», потому что забыл, как будет по-английски «восемь».

– Севен, севен, севен... – продолжал бормотать я, покуда официанту не надоело.

– Эйт! – подсказал он.

Однако я по-прежнему не понимал, откуда такое количество лап на одной тарелке.

– Сиамские близнецы, что ли? – предположил я.

– Ван момент, плиз! – отозвался официант. – Май бразе спик раша!

– Вот?! – переспросил я.

– Его брат говорит по-русски, – пояснила Анна Владимировна, которая не вмешивалась в греко-английские беседы, а тихо помирала от смеха. – Сейчас нам предоставят русскоговорящего подавальщика!

И буквально через минуту появился брат официанта. Тоже – официант. Важный, как Навуходносор.

– Слава богу! – обрадовался я. – Милейший, вы не подскажете, что мы кушаем? Это костас, кальмар, осьминог или самка осьминога?!

Мы замерли в ожидании, а носитель русского языка пододвинул ко мне тарелку, напыжился и сообщил:

– Наздаровье!

После чего пододвинул тарелку к Анне Владимировой и заявил то же самое:

– Наздаровье!

Тут он решил, что хорошего понемножку, сказал на прощанье: «Гы, гы, гы, гы, гы!» – и скрылся, очень довольный собою.

– У-у-у... – выдохнула Анна Владимировна, вытирая слезы.

– И все-таки... – не унимался я. – Что за тварь на моей тарелке?

– Октопус, – определила Анна, разглядывая меню. – Это первого официанта звали Костас!

– А как тогда звали второго?..

Словом, путешествие «Улисса» продолжалось. Но если вспомнить великий роман, то мы с Леопольдом Блумом были разнойцовыми близнецами: он происходил от Джойса, а я – от стечения обстоятельств. Разумеется, можно провести аналогию, мол, Леопольд Блум занимался рекламой, как и я, однако – яйца все равно разные. У Джойса – вон какие! А ваш покорный слуга – не уродился... Так что и сравнивать нечего!

Но поскольку зашла речь об этих предметах, я стал задумываться об Анне Владимировне. Как сложатся наши отношения? Конечно, предметы могли бы и потерпеть, да только отпуск у меня две недели. Из которых три с половиной дня ушло на художественную фотографию, правда с перерывами на рекламу. Потому что днем супермодель беспокоилась только о съемках, зато начиная с одиннадцати часов вечера – она занималась «батончиком» как заведенная. Дался ей этот «Баунти»! Реклама и продвижение товара были озвучены с явными нарушениями закона «О средствах массовой информации». То есть наши соседи по «Афродите» все время выбегали на лоджию, думая, что под окнами кого-нибудь режут. А когда они догадались, что продвижение во всю Ивановскую идет за стенкой, иностранные граждане призвали уменьшить звук до общего сексуального уровня. Торговая марка «Сделано в России» не понравилась женщинам американского, канадского, шведского и даже итальянского производства. «Хоп-хей ка-за-чок! Хоп-хей ка-за-чок!» И вот кто не пускает наши модели на международный рынок!

Короче говоря, Машу требовалось уволить, невзирая на энтузиазм и любовь к рекламе. Но как это сделать? По собственному опыту я знал, на какие пакости готова разжалованная модель. Она становится очень подозрительна, поскольку на вакантное место всегда найдутся желающие. И Маша могла испортить мне отпуск, имея в запасе собственный опыт... Пойти и взять отдельный номер в «Афродите»

можно, когда есть грамотно составленное завещание. Но я по причине своей безалаберности не забежал к нотариусу перед отпуском и не подумал – кому завещать свои яйца. Скорее всего, небольшая потеря для мировой литературы, но в отпуске без них никуда! И можно сразу возвращаться на родину, чтобы подать заявление в члены какого-нибудь союза писателей, которые запросто обходятся без этих составляющих. Как я думаю. Потому что импотенция в литературе – это в порядке вещей... У меня иногда нет эрекции – читать современную литературу. Однако без некоторых составляющих будет не так обидно... Поэтому, с одной стороны, разъехаться с Машей – только пополнить читательские ряды, а с другой стороны – возникали проблемы. Как меня примут в союз писателей без печатных трудов?

А пока мы в добром здравии с Анной Владимировой потягивали пиво и разговаривали... Она служила библиотекарем в отделе древнерусской литературы. Более точно место работы Анны Владимировой указать не могу по разным этическим соображениям. Во-первых – не уполномочен, а во-вторых – сотрудники. Которые сдуру отложат в сторону древнерусскую литературу и прочитают, как с виду приличная дама-библиотекарь отдыхала на Крите. «Вот, – скажут, – сволочь. Она ведь и пиво пьет! А кто, извините, автор „Слова о полку Игореве“, не знает!» Тоже крайне запутанная история с этим «Словом». Ибо Мусин-Пушкин – наш отечественный Поджо Браччолини или, по меньшей мере, Никколо Никколи. Но сейчас не о них речь...

Потому что в отпуске я предпочитаю более свежих компаньонов, чем древние компиляторы. И относительно Анны Владимировой могу заявить следующее: она была свежа, несмотря на свою пыльную профессию. То есть вполне современная женщина, правда с одним подарком от древнерусского отдела, где французская косичка – отличительная черта библиотекарей из поколения в поколение. А в целом Анна Владимировна была привлекательна, ну, скажем, для фотографирования, хотя я и поклялся, что с этим завязал... Вдобавок, как говорил Заратустра, «бойтесь снимать против ветра!». Потому что любая модель может запросто плюнуть в объектив, если ей не понравится экспозиция. А когда вы снимаете две модели одновременно?! Приходится долго протирать объектив, и лучше от этого воздержаться... В крайнем случае надо развести модели по

разным углом или распределить по времени. Например, в «Афродите» – одна, в «Диогене» – другая, утром – свежее дыхание ветерка, вечером – шелест прибоя, или наоборот... И надежнее всего – с разницей в четыре года...

– Вы проживаете в отеле «Афродита»? – спросил я у Анны Владимировой как можно более непринужденно.

– Наоборот, – отвечала Анна. – Мы остановились в отеле «Диоген».

– Кто это «мы»? – уточнил я.

– Мы с вашей милостью, – пояснила Анна. – И между прочим, нас ожидают в номере...

– Кто? – удивился я.

– Две бутылки отличного вина, – сообщила Анна. – А также удобная кровать и наше радушие...

И все вернулось на круги своя...

*Чем отличается двухтомник Лукиана
тридцать шестого года от нового издания
Лукиана?*

Из монастырской библиотеки

1. *Августин Аврелий. О Граде Божьем*
2. *Августин Аврелий. Творения. Об истинной религии*
3. *Августин Аврелий. Творения. Теологические трактаты*
4. *Авсоний Децим Магн. Стихотворения*
5. *Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана*
6. *Аммиан Марцеллин. История*
7. *Ампелий Луций. Памятная книжица*
8. *Андокид. Речи*
9. *Анна Комнина. Алексиада*
10. *Аполлodor. Мифологическая библиотека*
11. *Аполлоний Родосский. Аргонавтика*
12. *Аппиан. Римская история*
13. *Аппиан. Римские войны*
14. *Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды*

15. *Арат*. Явления
16. *Аристотель*. История животных
17. *Аристотель*. Метафизика
18. *Аристотель*. Риторика. Поэтика
19. *Аристотель*. Сочинения
20. *Аристофан*. Комедии. Фрагменты
21. *Арриан*. Поход Александра
22. *Артемидор*. Онейрокритика
23. *Афинея*. Пир мудрецов
24. *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов
25. *Бозций*. Утешение философией
26. *Браччолини Поджо*. Фацетии
27. *Варрон*. Сельское хозяйство
28. *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида
29. *Витрувий*. Десять книг об архитектуре
30. *Гален Клавдий*. О медицине
31. *Гелиодор*. Эфиопика
32. *Геллий Авл*. Аттические ночи
33. *Геродиан*. История императорской власти после Марка
34. *Геродот*. История
35. *Гесиод*. Поэмы. Фрагменты
36. *Гигин*. Астрономия
37. *Гигин*. Мифы
38. *Гильда Премудрый*. О гибели Британии
39. *Гиппократ*. Избранные сочинения
40. *Гомер*. Илиада
41. *Гомер*. Одиссея
42. *Гораций*. Оды. Эподы. Сатиры. Послания
43. *Григорий Турский*. История франков
44. *Дарет Фригийский*. История о разрушении Трои
45. *Демосфен*. Речи
46. *Диадок Дамаский*. О первых началах
47. *Диоген Лаэртский*. Жизнеописания философов
48. *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека
49. *Дионисий Ареопагит*. Сочинения; Максим Исповедник.

Толкования

50. *Диофант*. Арифметика

51. *Драконций*. Мифологические поэмы
52. *Евагрий Схоластик*. Церковная история
53. *Евгиппий*. Житие святого Северина
54. *Еврипид*. Трагедии
55. *Евтропий*. Бrevиарий от основания города
56. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов
57. *Иосиф Флавий*. Иудейская война
58. *Иосиф Флавий*. Иудейские древности
59. *Катон Марк Порций*. Земледелие
60. *Катулл Гай Валерий*. Книга Катулла Веронского
61. *Кекавмен*. Советы и наставления
62. *Климент Александрийский*. Сочинения
63. *Ксенофонт*. Анабасис
64. *Ксенофонт*. Греческая история
65. *Ксенофонт*. Киропедия
66. *Ксенофонт*. Сократические сочинения
67. *Курций Руф Квинт*. История Александра Македонского
68. *Лактанций*. О смертях преследователей
69. *Ливий Тит*. Римская история от основания города
70. *Лисий*. Речи
71. *Лонг*. Дафнис и Хлоя
72. *Лука́н Марк Анней*. Фарсалия
73. *Лукиан*. Избранная проза
74. *Лукиан*. Собрание сочинений
75. *Лукреций*. О природе вещей
76. *Макиавелли Никколо*. Государь. Рассуждения о первой декаде

Тита Ливия

77. *Макьявелли Никколо*. История Флоренции
78. *Манилий Марк*. Астрономика
79. *Маргарита Наваррская*. Гептамерон
80. *Марк Аврелий*. Размышления
81. *Марциал*. Эпиграммы
82. *Менандр*. Комедии. Фрагменты
83. *Монтень*. Опыты
84. *Непот Корнелий*. О знаменитых иноземных полководцах
85. *Нонн Панополитанский*. Деяния Диониса
86. *Овидий*. Метаморфозы

87. *Овидий Публий Назон*. Скорбные элегии. Письма с Понта
88. *Олимпиодор*. История
89. *Ориген*. О началах
90. *Орозий Павел*. История против язычников
91. *Павсаний*. Описание Эллады
92. *Петрарка Франческо*. Африка
93. *Петроний Арбитр*. Сатирикон
94. *Пиндар*. Вакхилид. Оды. Фрагменты
95. *Пифагорейские золотые стихи*
96. *Плавт*. Комедии
97. *Платон*. Собрание сочинений
98. *Плиний Младший*. Письма. Панегрик Траяну
99. *Плиний Старший*. Естествознание. Об искусстве
100. *Плотин*. Сочинения
101. *Плотин*. Эннеады
102. *Плутарх*. Застольные беседы
103. *Плутарх*. Избранные жизнеописания
104. *Плутарх*. Исида и Осирис
105. *Полибий*. Всеобщая история
106. *Полиэн*. Стратегемы
107. *Прокл*. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида
108. *Прокл*. Начала физики
109. *Прокл*. Первоосновы теологии. Гимны
110. *Прокл*. Платоновская теология
111. *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. О постройках
112. *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами.

Тайная история

113. *Пселл Михаил*. Хронография. Краткая история
114. *Саллюстий Гай Крисп*. Сочинения
115. *Светоний Гай Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей
116. *Север Сульпиций*. Сочинения
117. *Секст Эмпирик*. Сочинения
118. *Сенека*. О краткости жизни
119. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луциллию
120. *Сенека Луций Анней*. Трагедии
121. *Сенека Луций Анней*. Философские трактаты
122. *Сократ Схоластик*. Церковная история

123. *Софокл.* Драмы
124. *Софокл.* Трагедии
125. *Стаций Публий Папиний.* Фиваида
126. *Страбон.* География
127. *Тацит Публий Корнелий.* Анналы
128. *Тацит Публий Корнелий.* Германия. Малые сочинения
129. *Тацит Публий Корнелий.* История
130. *Теренций.* Комедии
131. *Тертуллиан.* Избранные сочинения
132. *Тертуллиан.* О душе
133. *Тертуллиан.* О плаще
134. *Федр. Бабрий.* Басни
135. *Феокрит. Мосх. Бион.* Идиллии и эпиграммы
136. *Феофилакт Симокатта.* История
137. *Феофраст.* Характеры
138. *Филон Александрийский.* Против Флакка. О посольстве к Гаю
139. *Филон Александрийский.* Толкование Ветхого завета
140. *Филострат.* Картины; *Каллистрат.* Описание статуй
141. *Филострат Флавий.* Жизнь Аполлония Тианского
142. *Фронтин.* Военные хитрости
143. *Фукидид.* История
144. *Харитон.* Повесть о любви Херея и Каллирои
145. *Цицерон Марк Туллий.* Диалоги. О государстве. О законах
146. *Цицерон Марк Туллий.* О пределах блага и зла. Парадоксы

СТОИКОВ

147. *Цицерон Марк Туллий.* О старости. О дружбе. Об обязанности
148. *Цицерон Марк Туллий.* Письма
149. *Цицерон Марк Туллий.* Речи
150. *Цицерон Марк Туллий.* Три трактата об ораторском искусстве
151. *Цицерон Марк Туллий.* Учение академиков
152. *Цицерон Марк Туллий.* Философские трактаты
153. *Эзоп.* Басни
154. *Элиан Клавдий.* Пестрые рассказы
155. *Эмпедокл.* О природе. Очищения
156. *Эсхил.* Трагедии
157. *Ювенал.* Сатиры
158. *Юлий Цезарь.* Записки о галльской войне

159. *Ямвлих*. О египетских мистериях

160. *Ямвлих*. О Пифагоровой жизни

161. *Ямвлих Халкидский*. Комментарии на «Диалоги» Платона

Здесь похоронена Глава о том, как в 1797 году Алексей Иванович Мусин-Пушкин, уроженец Москвы, обнаружил полуистлевшую рукопись в ризнице Спасо-Преображенского собора... О том, как это уникальное древнерусское произведение, написанное в конце двенадцатого века и повествующее о неудачном половецком походе князя Игоря Святославича, повлияло на всю отечественную словесность... О том, как Алексей Иванович сделался знаменит благодаря публикации «Слова о полку Игореве»... О том, как сгорело древлехранилище Мусина-Пушкина во время французского нашествия тысяча восемьсот двенадцатого года... И о том, что теперь мы читаем «Слово о полку Игореве», полагаясь только на копию, сделанную Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным...

Тринадцатый апостол

Продолжение

Итак, любезный трактирщик проводил нас в меблированные комнаты, которые находились на втором этаже его дивного заведения. Злобная тварь отчаянно сопротивлялась, требуя два кувшина вина не сходя с места, и пришлось ее тащить вверх по лестнице, как барана. Она цеплялась за перила и балясины, покуда трактирщик не поклялся своей матерью, что как только мы доберемся до комнат, он принесет четыре кувшина вина, и самого лучшего. Лишь тогда злобная тварь поутихла и согласилась проделать оставшийся путь самостоятельно.

Комнаты были смежные, вроде столовой и спальни, и меблированы в стиле «а-ля сарай», характерной чертой которого считаются колесо от телеги и живописно вбитые гвозди на всякий случай. На гвоздь, что повыше, можно повесить хомут, на тот, что пониже, – дорожный плащ.

– Ну как?! – гордо спросил трактирщик и расплылся в улыбке от безответной любви к своему хозяйству.

– Мне нравится, – согласился я и вытолкал колесо от телеги в общий коридор. – Двери запираются на засов?

– Не извольте беспокоиться! – заверил меня трактирщик. – Изнутри и снаружи! Все под надежной охраной и неусыпным...

Трактирщик запнулся, подбирая подходящее слово или стесняясь его произнести. Я видел неоднократно, как в общем-то безобидные слова смущают необразованных людей своими аллитерациями.

– Под неусыпным бдением! – закончил предложение трактирщик и перекрестился.

А злобная тварь ехидно зафыркала, что в данном случае означало смех. Однако я не нашел повода для веселья, а только пихнул свою переписчицу, чтобы она углубилась в комнаты и не отсвечивала на пороге. После чего осмотрел входную дверь, остался доволен засовами и принял помещение...

Здесь мне предстояло творить историю, вернее, трудиться над «Анналами» Корнелия Тацита, потому что тащиться с бабой в мужской монастырь я не решался. По правде говоря, теперь возникали другие проблемы – как вызволить Корнелия из монастыря хотя бы на время? Но я рассчитывал на широкие рукава своей рясы и мастерство переписчицы, которая выполнит свою часть работы и постарается сделать ее быстрее, чем в монастырской библиотеке обнаружат пропажу. Поэтому в первую очередь меня беспокоила конкретная мебель – стул и стол, а прочая обстановка особенно не волновала. Однако злобная тварь, по воле Господа нашего Иисуса Христа уготованная мне в качестве наказания, интересовалась другими предметами...

– Комнаты две, а кровать одна! – заявила она с явно выраженным возмущением.

Помня о гадком характере переписчиков, я тут же решил показать, кто в нашем предприятии голова, а кто – остальные части тела, впрочем не уточняя, какие именно.

– Все правильно, – подтвердил я. – Кровать для меня... А ты будешь спать на полу или вообще не будешь!

Скромняга трактирщик не вмешивался в наши дебаты, а, в свою очередь, испытывал дверь на прочность. То есть засунул палец до посинения в замочную скважину и глубокомысленно сопел, скорее всего размышляя, как вытащить его обратно.

– Никто не сходит за маслом? – наконец-то спросил трактирщик. – Я, с вашего дозволения, можно сказать, застрял...

Милости Господа нашего – безграничны. Однако почему они сыплются только на мою голову?! Злобная тварь идти за маслом не собиралась, да и кто бы ее послал? Трактирщик по собственной глупости застрял... И обязанности мальчика на побегушках достались мне...

– Где находится ваше масло? – скрипя зубами осведомился я.

– Оливковое? – уточнил трактирщик. – Или сливочное?

Тут я подумал, что для одного календарного дня милостей выпало предостаточно и надо каким-то образом известить об этом Всевышнего...

– Господи! – взмолился я, преклонив колени. – Почему окружают меня идиоты?! Разве нет нормальных людей по образу Твоему и подобию?! Куда подевались мозги, которые столько веков Ты усердно пересаживал им от обезьяны?! А если слова мои ересь и заблуждение, то почему идиоты собираются возле меня в таком количестве?!

И тщетно зывал я к Господу... Потому что злобная тварь только фыркала, а трактирщик переминался с ноги на ногу, не думая об отпущении грехов, а мечтая освободить палец.

– Жаль, – сказал трактирщик, – что не могу к вам присоединиться. То есть рад бы, да не могу! А помолиться я тоже горазд, однако проклятая скважина не пускает!

Тут злобная тварь, в смысле переписчица, подкралась к трактирщику сзади и что есть силы наподдала ему ногой.

– Ой! – сказал трактирщик и моментально освободился...

– Принеси мне сейчас же вина, как договаривались – четыре кувшина! – потребовала злобная тварь. – Или маменька твоя сдохнет! В ближайшую пятницу! – добавила она для пущего ускорения.

– Бегу-бегу, ваша милость, – сказал трактирщик, позевывая. – А маменька моя, царство ей небесное, упокоилась аккурат как во вторник. Да почитай лет десять тому назад... Помню, погода была отвратительная. С неба сыпалась какая-то дрянь вроде той, что сегодня. Ноги на дороге разъезжались, и гроб с покойницей дважды падал на землю, покуда его донесли до кладбища. Однако маменьке это кувырканье пошло на пользу, потому что она слегка утрамбовалась и поубавила прыти. А ранее на каждом повороте выдвигала из гроба то

правую ногу, то левую – ну не странно ли, когда покойник сам руководит движением. Гроб-то сделали на глазок. Ибо при жизни моя маменька отличалась свирепым характером и близко никого к себе не подпускала с измерительными инструментами, как только речь заходила о наследстве и похоронных принадлежностях. А после кончины не было никакого резона беседовать с моей маменькой по этому поводу. Вот и сэкономили на строительных материалах, по той простой причине, что в нашей деревне освободился хороший гроб, ну в смысле – не понадобился предыдущему покойнику, потому как тот взял, собака, и поправился. Правда, ростом не вышел, да что теперь говорить об этом, когда предыдущий покойник тоже упокоился. Аккурат как в среду, сразу после маменьки. Спасибо хоть гроб уступил. Ну, подогнул я, значит, маменьке ножки, и кое-как она поместилась в этом ящике для траурных церемоний. И пусть половину пути моя маменька провела неправильно, потому что братья и сестры в такой кутерьме тащили гроб вверх тормашками, зато утряслась и лежала в гробу как влитая.

А надо сказать, что маменька отличалась не только свирепым характером, но вдобавок желала упокоиться на «священной земле» францисканцев. Как вы знаете, эти странствующие монахи имеют право закапывать всех подряд возле собственной церкви. И почему-то считается, что здесь усопшему будет лучше, чем на приходском кладбище. Такие разборчивые покойники, вроде моей маменьки, отписывают приличные деньги ордену францисканцев, а местному духовенству – шиш! И вот закопали мою дорогую маменьку согласно ее завещанию... Я, разумеется, поплакал над своим наследством и пошел навести справки – сколь причитается этим поганым францисканцам за аренду «святой земли»? И как узнал, что за сумму отписала моя ненормальная маменька, чуть сам не сыграл в ящик! Я спрашиваю: «Откуда такие расценки за единицу площади?! Вы измеряли хотя бы наш гроб, который не больше скворечника?! И кто вас просил закапывать маменьку на такую сумасшедшую глубину, как будто она сокровище или клад?! Достаточно было сверху немного присыпать песочком – и хрен с нею!» Но самое омерзительное в этой истории, как выяснилось, это что покойников нельзя хоронить стоймя и они норовят разлечься во все, извините, кладбище. Отсюда и расценки на аренду соответствующие! У нищих францисканцев.

Тогда я решил отправиться к местному духовенству, чтобы сравнить, так сказать, прейскурант и по возможности сэкономить, если оголтелые покойники совсем ничего не соображают и разбрасываются завещаниями очертя голову. И каково же было мое изумление, когда я узнал, что за участок на типовом кладбище можно отписать в два раза меньше. Местный священник мне объяснил, что в подобном случае деньги пойдут на благое дело, а в другом – нищему ордену францисканцев и спекулянтов. Которые попросту наживаются на «святой земле», правда согласно булле папы Иннокентия Четвертого от ноября тысяча двести пятидесятого года. И если маменьку надо перезахоронить, то приходское кладбище готово принять заблудшую покойницу за соответствующее вознаграждение плюс бочка вина на транспортные расходы. Но лучше – ночью. Потому что францисканцы тоже не дураки и стерегут своих усопших.

Сказано – сделано! И на следующее утро моя ненаглядная маменька чудесным образом перенеслась на местное кладбище, а приходские священники состряпали бумагу, что «такая-сякая сменила прописку по собственной воле». И тяжелая могильная плита теперь надежно прикрывала покойницу от посягательства. То есть захочешь – не подкопаешься! Однако мы плохо себе представляли силу «святой земли». Которая трижды притягивала маменьку обратно. И если утром покойницу видели на приходском кладбище, то к вечеру она лежала на территории францисканцев вместе с могильной плитой. Святые мощи постоянно переходили из рук в руки, а похоронная процессия не останавливалась – ни днем, ни ночью... Чем бы это закончилось, не вмешайся вышестоящее руководство, никто не знает. Но однажды сверкнула молния, ударила в гроб и указала на место, где должна упокоиться моя маменька. Это случилось во время очередной транспортировки, под проливным дождем, как раз на равноудаленном расстоянии, если идти с одного кладбища на другое. И лежит сейчас моя маменька в придорожной могиле, аки великомученица и великопутешественница... Зато я остался один и при целом наследстве, – закончил рассказ трактирщик и снова попытался засунуть палец в замочную скважину...

– Нет, нет и нет! – возмутилась злобная тварь. – Я помираю от жажды, а этот дурак здесь фации сочиняет! Немедленно отправляйся в кладовку, и чтобы с пустыми руками не возвращался!

– А что желает ваша милость? – уточнил трактирщик.

– Да он еще издевается! – решила злобная тварь, схватила табурет и запустила им в трактирщика.

И откуда только силы берутся у этих тварей – переписчиков?! Наш трактирщик еле-еле увернулся, а табурет врезался в стенку и развалился.

– Я к тому, – невозмутимо пояснил трактирщик, у которого, по всей вероятности, нервы были покрепче табурета, – что в кладовке ничего интересного нет... А вот в погребе...

Но злобная тварь схватила второй табурет, и трактирщик счел за лучшее удалиться. Я остался один на один с переписчицей и стал подумывать о защите своих интересов. Прикинул, сколько в комнатах осталось мебели и надолго ли хватит мне пряткости. Ибо трактирщик, скорее всего, привык уворачиваться в силу своей профессии, а я, честно сказать, давненько не тренировался. Тут переписчица откинула капюшон и усмехнулась... Я предпочел бы этого не видеть, потому как подумал, что час расплаты настал и теперь меня будут резать. На мелкие и аккуратные кусочки.

– Вам большой привет от кардинала Орсини, – сказала переписчица и подошла к окну, чтобы я таращился на нее против света. – Он извиняется за мой внешний вид, – здесь она снова усмехнулась, – однако более подходящего человека для нашей миссии у кардинала не нашлось...

Я не поверил своим ушам. Во-первых, голос у моей переписчицы совершенно изменился, и если не далее как три минуты назад она хрипло гавкала, вроде торговки на городском рынке, то теперь ее интонациями можно было бы наслаждаться, да не хотелось... Вдобавок о какой такой «миссии» она говорила и при чем здесь кардинал Орсини, когда переписчика мне посылал Никколо Никколи?

– Кстати, – добавила странная переписчица, – рекомендательное письмо лежит на столе...

Я не поверил собственным глазам. Письмо действительно оказалось на столе, хотя за минуту до этого – ничего не было. Помнится, я пересчитывал мебель в комнате и машинально отметил это обстоятельство – что поверхность стола ровная и прекрасно подойдет для работы.

– Только не вздумайте его читать, – предупредила меня переписчица. – Сейчас появится болван-трактирщик. Поэтому возьмите письмо и спрячьте, а прочтете, как только болван уйдет.

И едва я успел это сделать, как на пороге появился трактирщик с двумя кувшинами вина и окороком под мышкой. Тут я перестал вообще чему-либо верить.

– А вот и обещанное вино! – радостно сообщил трактирщик. – Заждались?! Проголодались?!

– Заткнись и проваливай! – отвечала ему странная переписчица, которая снова превратилась в злобную тварь.

Она буквально вырвала окорок, схватила кувшин, хлебнула вина и тотчас же плюнула.

– Ну что? – спросила она у трактирщика. – Разбить этот кувшин о твою голову?! Вот как ты, паскудник, встречаешь знатных господ из Флоренции?!

Бедный трактирщик не знал, что ответить. А злобной твари все было ведомо... Она грохнула по столу кувшином и стала подступаться к трактирщику.

– Где тот бочонок вина, который доставили на прошлой неделе?! – ядовито осведомилась она, размахивая окороком.

– В дальнем углу моего погреба! – честно отвечал трактирщик, как зачарованный глядя на окорок.

– И чего же ты ждешь?! – удивилась злобная тварь. – По морде?!

Здесь я не вмешивался в дебаты, потому что не представлял, откуда моей переписчице известно о бочонке вина в недрах этого Богом забытого трактира.

– Много я повидал на своем веку, – заметил трактирщик, впрочем из коридора. – Однако такую заразу впервые встречаю...

И вторично сумел увернуться, теперь от кувшина, который просвистел, словно пушечное ядро, и разбился о стенку. После чего наступила относительная тишина с перерывами на повизгивание. Это бедный трактирщик спешил вниз по лестнице.

– С третьего раза не промахнусь! – заверила переписчица.

Пользуясь временной передышкой в баталии, я вытащил из рукава своей рясы рекомендательное письмо, распечатал его и принялся читать...

«Дорогой Поджо! – мелким бисером строчил кардинал Орсини. – Податель сего письма в рекомендациях не нуждается, и, следовательно, удача на твоей стороне, если ты в состоянии прочесть это послание. Я рад, что ваша встреча состоялась и закончилась благополучно. Сделай милость, прислушайся к советам этой бестии, и фортуна по-прежнему будет к тебе благосклонна. Главное, что ты остался жив, а больше беспокоиться не о чем! Могу лишь добавить, что знаю эту личность как самое ловкое существо, задуманное Богом и созданное Дьяволом. А посему я уверен, что ваша деликатная миссия пройдет успешно...»

Подписи не было, но я хорошо изучил почерк Орсини за время службы в канцелярии папской курии и нисколько не сомневался в подлинности этого, скажем, рекомендательного письма. Но по-прежнему не понимал – где переписчик, посланный Никколо Никколи и что за деликатная миссия обрушилась на мою голову?

– Э-э-э?.. – попытался уточнить я.

Однако так называемая бестия не стала дожидаться, пока я сформулирую свой вопрос.

– На кровати буду спать я! – пояснила она для начала. – Потому что тебя одолеет бессонница. В скором времени, – добавила она и снова усмехнулась. – Это понятно?!

«Чего же тут непонятного?» – с грустью подумал я...

Я аккуратно закрыл за собой двери, вышел из дома на улицу Праги и был таков...

Прага

Если честно, в Праге я пробыл четыре с половиной дня. Где – бóльшую часть провалялся в отеле. И мог бы подробнее рассказать о даме, с которой валялся, чем об улочках Праги, на которых не лежал. Во-первых – холодно, а во-вторых – неудобно, если турист завалится посреди улицы, а ты ходишь и спотыкаешься об это дело.

Перво-наперво я приобрел глиняную кружку с развратным рисунком, где усатый пивнюк обнимал дородную селянку с непонятными целями. После чего я использовал этот сосуд по

назначению – улизнул от Анны и прошелся с кружкой по пивницам. То есть полдня занимался делом, на баб не покушался, а прилежно дегустировал, в отличие от нарисованного пивнюка. Вечером подвел итоги, что в общем-то я неслабо нагрузился. Только «Велкопоповицкий козел» оказался сладковат, да и «Праздрой» мне не понравился. Покидая последнюю пивницу, я попытался выговорить «Йиндржиховица-под-Смркем», но безрезультатно. Поэтому молча поехал в отель на такси. Ибо нужная мне станция метро называлась «Кшижихова», что несколько легче «Йиндржиховицы», но только на трезвую голову.

В отеле «Карл Инн» на улице Салдова меня приняли с распростертыми объятиями. Иначе я просто не попадал в швейцара. Таксист все время промахивался мимо лунки, и у меня возникли серьезные сомнения, что сборная Чехии в этом сезоне выйдет в четвертьфинал... В конце концов швейцар особенным образом растопырился и принял меня как постояльца. Чтобы с рук на руки передать портье, который имел информацию – где конкретно я проживаю. По пути в гостиничный номер мне показалось, что папарацци совершенно обнаглели со своими фотовспышками. Я, разумеется, не исключаю внезапное озарение, которое подстерегает настоящего художника после каждого абзаца, однако в этой гостинице было полным-полно папарацци, и как только я поворачивал за угол – папарацци пыхали из фотоаппаратов и стремительно убегали. «Ноу флеш! Ноу флеш!» – возмущался я, а беспардонные папарацци не знали ни стыда, ни совести! Мне приходилось заслоняться руками и прятаться за портье, который очень удивлялся – почему я шарахаюсь от всякого осветительного прибора. Он попросту не представлял, на какие гадости способны папарацци! О эти назойливые журналисты-фоторепортеры! Они стремятся проникнуть в частную жизнь человека, а затем напечатать в своей газетенке сенсационные снимки, как ты едешь верхом на портье в тридцать девятый номер.

Анна встречала меня на пороге – с уведомлением, что груз прибыл и скоро поднимется на этаж силами обслуживающего персонала...

– Ну и как, – спросила Анна, – в смысле отдохнулось?

– Очень устал, – признался я.

– Аналогично, – вякнул портье, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание.

Анна расплатилась за доставку, и портье поспешил откланяться. Это был уважаемый мужчина, но в такелажники не годился, и две трети пути я поневоле перебирал ногами. Пусть вяло, однако целенаправленно. Короче, мне тоже причиталось – за доставку. Да только портье и не думал со мной поделиться...

– Анна! У нас есть какой-нибудь слезоточивый газ? – осведомился я. – И лучше всего в баллончике...

– А разве пива тебе не хватает? – удивилась Анна.

Я присел на кровать и стал объяснять бестолковой женщине, какая в нашем отеле создалась напряженная ситуация.

– Слезоточивый газ – вещество не жидкое! – важно сообщил я. – В нем нет антидепрессанта-ттт-ннн-тттта... И поэтому слезоточивый газ нужен для папарацци...

– Для кого, для кого? – переспросила Анна, как будто сама никогда не напивалась. – А как они выглядят, эти папарацци?

Я попытался вывести образ газетчика-репортера путем брожения: хмель, солод, вода. Можно добавить: рис или сахар. После чего появляются радужные круги, которые искажают этот образ...

– Рыжий с усами?! – не унималась Анна.

Тут я сощурился на левый глаз и приблизительно вспомнил, как выглядят настоящие папарацци:

– Они похожи на Машу!

– Фу, гадость какая! – немедленно отреагировала Анна и стала названивать портье. – Алло! Алло! У нас в номере завелись папарацци! Размером с блондинку! Девяносто-шестьдесят-на-девяносто! Нет! Сама я не видела! Но мой френдбой говорит, что дважды споткнулся о ваших папарацци! И чешские папарацци крупнее мадагаскарских! Я не кричу! Я в истерике! Потому что до смерти боюсь папарацци!

– И как с такими нервами ты проживала в России?! – поразился я и, как самый распоследний френдбой, завалился на кровать с ногами.

Но вскоре прибежал портье в сопровождении двух уборщиц. И меня снова привели в полувертикальное положение.

– Я не спрашиваю, где вы споткнулись! – заявил портье. – Потому что ваша походка оставляет желать лучшего! Но мне интересно, где вы видели папарацци? В нашем отеле?!

– А вы хорошо говорите по-русски! – удивился я и хотел наградить портье шумными и продолжительными аплодисментами.

Только ни разу не попал по ладошам.

– Я долго учился гостиничному бизнесу, – самодовольно пояснил портье. – Знаю три иностранных языка! И никогда не слышал о таких тараканах! Как вы говорите? Папарацци?! Сейчас посмотрю в энциклопедии! А наши сотрудницы проведут санитарно-техническую обработку!

Однако у Анны были на этот счет свои соображения.

– А как называется таракан по-чешски? – спросила она.

– Шваб, – отвечал портье. – Если черный, конечно. А рыжий – пруссак. Правда, ходит чешская поговорка – «*Sotva odes^vli S^vvaby, tak jsou tu hned Rusy...*» Но я не стану ее переводить в данной ситуации...

Возникла музыкальная пауза. Это булькало во мне пиво. Однако никто не смог определить – какого сорта. В смысле угадать мелодию...

– Не надо убираться в номере! – вдруг заявила Анна. – Я знаю, где завелись папарацци! И сама проведу обработку! Санитарно-техническую, – подчеркнула она и уставилась на меня злыми глазами.

– Валяйте! – разрешил я, снова завалился на кровать и...

В результате проснулся ни свет ни заря. Начинался второй, извините, день моего пребывания в Праге...

Легкое похмелье всегда сопровождается тяжкими воспоминаниями. Поверьте мне на слово как специалисту. За пять минут я полностью воссоздал картину вчерашнего вечера и поразился ее живописности. Это был натюрморт из пива, кнедличков, рыбы, утвари и битой дичи. Можно сказать, в традиционном жанре, если бы не Маша, которая вопреки установленным правилам все норовила залезть в мой натюрморт и нарушить строгую композицию. Мне почему-то казалось, что вчерашним вечером я видел Марию в нашем отеле, и как всегда – с фотоаппаратом. Что было бы совпадением из области психиатрии, а не станковой живописи. Поэтому я сослался на алкогольное опьянение и предпочел натюрморт в духе голландцев. Хотя битой дичи все равно оказалось много...

«Что делает посторонняя женщина в моем воображении? – подумал я. – Да на первом году супружеской жизни!» Маша деловито раздевалась под музыку, как будто у меня не голова, а стриптиз-бар.

«Сейчас я тебе покажу бабу! – угрожающе верещала она. – Ты хочешь об этом поговорить?! Ты хочешь об этом поговорить?!» Видимо, я постанывал и посвистывал в так называемом баре, потому что разбудил Анну. «Дьявол! – выругалась Маша. – Невозможно сосредоточиться на работе!» И быстренько ушла...

– Чего скулишь? – спросила у меня Анна.

– Тяжело, – отвечал я.

– А пить легко? – осведомилась Анна, скорее всего риторически. – Сейчас я приму душ, и пойдем завтракать.

За шесть календарных месяцев наши отношения преодолели конфетную, букетную и минетную стадии. И прежде чем сесть послушать свадебный марш Мендельсона, мы решили съездить в Прагу, чтобы проверить собственные чувства. Я – к чешскому пиву, Аннушка – к хрустальному. И сегодня мне угрожала экскурсия в посудную лавку, ибо собственные чувства я проверил и перепроверил накануне. Ожидался туристический маршрут с посещением хрустальных вертепов, и я снова подумывал, как набраться мужества, выдержки и здоровья, дабы не окочуриться где-нибудь посреди вазочек. Но хуже всего, что на завтрак мне подали кофе с хлопьями, а не пиво с раками и пожелали приятного аппетита. Наверное, издевались надо мной за вчерашнее, не представляя, на что способен мужчина после такого континентального завтрака. Он в состоянии нервного истощения способен разгрохать все эти долбаные вазочки. И почему посуду можно разглядывать хоть круглосуточно, а пить из нее нельзя раньше двенадцати?!

– Ну, сейчас ты рассядешься здесь в ресторане, расстелешь газетку и будешь стучать по столу воблой! – неодобрительно прокомментировала Анна мои соображения. – В лучших национальных традициях!

Я понял, что не видать мне пива за завтраком.

– Так ты против Родины?! – картинно возмутился я.

И отодвинул куда подальше чашку с овсяными хлопьями.

– Я против воблы, – пояснила Анна свою политику. – Ее нельзя выпускать за рубеж вместе с нашими пивнюками. Тут либо вобла, либо русские. А как только они собираются вместе – жди неприятностей.

На этом континентальный завтрак закончился. Мы вышли из ресторана, а я почему-то вспомнил, как однажды споткнулся на

этимологии, думая, что вяленая рыба есть наследие тяжелого советского времени. Со всеми его атрибутами: газета, вобла и «Беломор». То есть джентльменский набор комиссара для культурного отдыха с пивом. Представил, как приходит человек в гости, достает из кармана рыбу и радостно сообщает: «Во бля!» После чего все дружно закусывают, раскидывая чешую. Отсюда и происходит это слово, вяленное при социализме... Отсюда и расовые предрассудки, что рыба для алеута – стратегические запасы, а вобла для русского человека – стиль поведения... Тут я открыл «Этимологический словарь» Фасмера и обнаружил, что «воблый» по-русски значит «округлый» почитай с десятого века, а газеты печатаются на всех языках мира. И не всегда используются по назначению что немцами, что африканцами, что коренными жителями прибалтийских стран... Просто у русских, как серп и молот, газета повязана с воблой и можно чистить ее на тарелке, но это будет совсем другая этимология... Не увлекательная...

Осмелюсь предположить, что вначале Бог создал пиво, черт изобрел кружку, а древние чехи построили Прагу, где все замечательным образом соединилось. То есть, глядя на пражское пивное изобилие, можно с уверенностью сказать: «Бог с нами!» И поминая черта – выбрать пешеходный маршрут себе по вкусу...^[6]

Покуда Анна сдавала ключи от номера, я уткнулся в путеводитель и делал вид, что никакого портье не знаю. Однако он все равно поглядывал на меня, как на тигра, которого вывела погулять смелая укротительница.

– Советую посетить знаменитый собор Святого Вита, – сказал портье, обращаясь к Анне.

– У нас пешеходная экскурсия по городу, – возразила она. – Нам надо подышать воздухом, побродить по Праге. А ваш знаменитый собор пусть постоит пока... В целостности и сохранности...

– Да, – согласился портье, – так будет лучше. Его только что отреставрировали...

Возможно, они намекали на кое-какие факты из моей биографии, но я поглубже зарылся в путеводитель и стал недосягаем для критики.

На Староместской площади есть прелестный кабачок, откуда удобно наблюдать за часами на ратуше. Вообще-то, пляться на пространство и время старинная русская развлекуха, но в данном

случае часы на ратуше астрономические, а не образные. Каждый час фигурка старушки-смерти звонит в колокольчик, напоминая, что ты забыл заказать себе очередную кружку пива. А над главным циферблатом открываются окошки и появляется процессия апостолов, как бы намекая, что практически все религиозные конфессии положительно относятся к этому напитку...

– А где поблизости хрустальный магазинчик, да побогаче? – спросила Анна.

– Вам люстру или вазу? – моментально откликнулся портье, как будто собирался порыться в подсобке.

– Мне поглядеть, – объяснила Анна. – Прицениться, потрогать, забалдеть...

Тогда любезный портье отнял у меня путеводитель и стал рассказывать, где находятся посудные лавки и в каком невероятном количестве. Анна глубокомысленно угукала, а я пропускал все мимо ушей и думал, что в Прагу надо ездить с друзьями и пивнюками. И дама не лучший компаньон для этого путешествия.

– Спасибо! – выразила свою признательность Анна, когда вдоволь наугукалась.

А портье раскланялся и вернул мне путеводитель...

Русские туристы разочарованы – им негде постучать по столу дохлой рыбой. Потому что пиво в Праге принято пить с кнедликами, а кнедлики не стучат – они колобки из теста...

На улице было холодно, как и предписано для декабря месяца. Мы сели в такси, Анна сказала «Олд бридж», и через десять минут нас доставили в центр города. Где по Карлову мосту разгуливали туристы и фотографировались у каждой из тридцати скульптурных композиций в стиле барокко. Я тут же выбрал «Кирилла и Мефодия» и спрятался за ними от ветра. Можно сказать, примазался к этой группе и заиндевел до такой степени, что со мной тоже стали фотографироваться. И если дома, разглядывая снимки, вы обнаружите недопустимое количество миссионеров в виде изваяний – знайте, что третий слева это я. Или второй? Сам до сих пор путаюсь...

– Немедленно вылезай! – посоветовала мне Анна. – А то застудишь придатки!

Конечно, она рассуждала по-женски, но все равно я не двинулся с места, потому что придатки бывают разные. И могут звенеть при

ходьбе от переохлаждения. А нужна ли такая самореклама? Однако Анна предполагала, что я попросту тяну время и выжидаю, покуда все посудные лавки закроются. И поэтому она разразилась гневной тирадой. Прямо на Карловом мосту...

– Я видела, как горят рукописи, я слышала заседание ученого совета, я предполагала, что «Слово о полку Игореве» навсегда утрачено, я разбирала отчеты археологических экспедиций, я получала гранты за составление библиографий, я дважды заслужила триумф в виде оваций, четырежды – на колеснице и тридцать три раза была провозглашена лучшим библиотекарем Санкт-Петербурга и пригородов! – заявила она. – И почему после этого я не могу посмотреть на вазочки?! В собственное удовольствие!

– Потому что он сволочь! – сказала Маша и пыхнула фотоаппаратом...

Если честно, я эту личность заметил, как только очутился на Карловом мосту, но думал, что мне опять мерещатся папарацци. Ведь после так называемой Критской экспедиции прошло достаточно много времени, и подобные совпадения с Машей случаются только в романах. Конечно, великосветский бомонд периодически сталкивается на модных курортах. Зимой – на Таити, летом – на Гаити... Но я не собирался писать роман про бомонд, и поэтому встреча с Машей была незапланированной. С моей стороны, разумеется... Потому что после Литературного института я занимался чем попало и на пушечный выстрел не подходил к филологии. Был слесарем, администратором Дворца культуры, плиточником-облицовщиком, режиссером на телевидении, дворником – и теперь тихо сидел в своем рекламном агентстве. Иногда вторгался в модельный бизнес, иногда не вторгался, однако за все это время не написал ни строчки. И как мне казалось – окончательно выздоровел. Да только литература дремлет в человеке, словно желтая лихорадка в недрах Африки. И достаточно какой-нибудь блондинистой обезьяне цапнуть потенциального писателя за живое – и все! Пошла гулять инфекция...

– Шишел-мышел! – воскликнула Анна, глядя на Машу. – Вы тут со спонсором или отдыхаете?

Не знаю, как здоровадается бомонд, но милые дамы не тратили времени на разминку, а сразу же сблизилась и стала мутузить друг дружку, пренебрегая Женевской конвенцией. Или какие там есть

международные правила у женской хартии? «О спонсорах – только хорошее; ногами – не пинаться...» И внешне все выглядит благопристойно – с улыбочками и прибауточками, – но лучше держаться подальше от этого мочилова... Я, Кирилл и Мефодий так и поступили. Тем более что никто нас не поминал в качестве повода для скандала. Здесь были свои – древние, женские – счеты. Ведь я всего лишь съездил с Машей на Крит, а Кирилл и Мефодий предоставили алфавит...

– Ёпсели-мопсели! – отвечала Маша, разглядывая Анну. – Мы тут отдыхаем! А у вас ожидается прибавление семейства?

Конечно, она шифровалась и намекала, что Анна слегка поправилась, однако у каждой женщины в голове «Энигма», как у фашиста. И парочка шифровальных аппаратов друг друга поймет практически без усилий. Ну, например... «Вчера я купила новую тряпочку, – передает аппарат Маша для аппарата Анна. – И мне не терпится эту тряпочку нацепить. Точка, тире, две точки... Я буду ее демонстрировать, а ты поприсутствуешь ради контраста, аки корова!» «Что-то не хочется! – отвечает Анна. – Точка, две точки, тире, тире... И лучше проваливай к чертовой матери!»

– Ну, я пошла! – сказала Маша. – Приятно было увидеться!

– Ага! – попрощалась Анна. – Фотографии присылай!

– Непременно! – заверила Маша и отчалила...

А я продолжал размышлять над сюжетом, что развивался на моих глазах. Вспомнил друга-редактора Александра и решил показать ему роман, когда тот напишется. Через год, через два, через три, но я понял, что – попался. Подцепил инфекцию на Карловом мосту, обретаясь между Кириллом и Мефодием.

– Вазочки на сегодняшний день отменяются! – вдруг заявила Анна. – Где тут подают пиво с кнедликами?! Веди меня, Сусанин!

Один мой знакомый ребенок по имени Надя готовился к поступлению в художественную школу Эрмитажа. Поэтому его надували, как мыльный пузырь, всякими искусствоведческими приколами: кубизм, модернизм, Ван Гог, Пикассо и Гойя... В результате ребенок оттарабанил все, что в него надули, и приумолк, загадочно зыряка глазами. «А скажите-ка, Надя, – спросили строгие экзаменаторы, – что вам больше всего понравилось в Эрмитаже?» «Честно?» – поинтересовался ребенок. «Честно!» – подтвердили

экзаменаторы. «Мумия!» – признался ребенок Надя и горько заплакал...

Я к тому, что, несмотря на архитектуру и вазочки, самое замечательное в Праге – пиво. И как только Анна с этим согласилась, мы отправились в ближайшую пивницу...

* * *

Александру привет! Думаю, что действие романа с предположительным названием «Фриштык в потемках» будет происходить в Праге – куда ж от нее деться! Посылаю тебе небольшую главу – «С пивом по Праге»! Извини, что всю содержательную часть я выхлебал и предлагаю только сухой текст. Но какого дьявола сидел ты в редакции и не поехал с нами?!

Фацеция первая

Санкт-Петербург. 15 августа 2000 года

Я много раз пробовал завести ежедневник, чтобы записывать мудрые мысли. Иначе им негде приткнуться. Они скитаются по извилинам – из левого полушария в правое, роются на помойке и спят где попало. От такого образа жизни мудрые мысли постепенно спиваются и теряют человеческий облик. «Сейчас подойду к милиционеру и ка-а-ак наподдам!» – ну разве догадаешься, что лет пятнадцать назад это была довольно приличная мысль, правда, не помню какая. Но за годы скитаний она окончательно распоясалась и теперь лезет в драку со всякими прописными истинами, особенно после текилы. Идут себе десять заповедей, как положено, – в рясах и парами, никого не трогают, а тут появляется нетрезвая мысль да как даст «Неубию» в ухо. После чего «Невозжелаю» – по шее, «Неукрадаю» – по морде, и – пошла свистопляска! Десять библейских заповедей моментально преображаются и давай колотить дебошира – кто кадиллом, кто молитвенником. Лупят и приговаривают: «Око за око, зуб за зуб, око за око, зуб за зуб!» Чего, собственно, и добивалась подзагулявшая мысль – вывести заповеди из себя. Вот и валяется

теперь – битая, пьяная, но довольная. А я мучаюсь от головной боли: зачем возжелал чужую жену, зачем покусился на святое?!

И лучше завести ежедневник, чтобы мудрые мысли обрели там покой. Ведь я ненадежное хранилище. Могу ненароком стукнуться башкой – и мудрая мысль превращается в шишку. Тогда я морщу лоб и сочиняю эпитафию: «Здесь лежит изречение! Неизвестное, но мудрое!» И время от времени хватаюсь за это кладбище обеими руками и стенаю: «Мысли, мои мысли! На кого ж вы меня покинули!» За сорок с лишним лет я проводил в последний путь огромное число мыслей, изречений и афоризмов. Многие полегли целыми семьями, когда на протяжении ряда месяцев я пьянствовал и ни о чем не думал. Логические цепочки нарушились, извилины повымерли, а на редких островках благоразумия сидели сироты и жевали колоски.

Тогда я построил Дом престарелых мыслей и Государственную думу. Кое-что стал записывать на полях и поднимать разрушенное хозяйство. К примеру, этой осенью я ожидаю хороший урожай афоризмов, если их не побьет градом и не пожрет колорадский жук. Правда, среди изречений в последние годы замедляются темпы воспроизводства, и мысли пенсионного возраста начинают преобладать, но это естественный процесс старения, как в большинстве европейских стран. Теперь мне все чаще встречаются инвалиды и незаконченные предложения, чем лихие гетеросексуальные мысли. Зато калеки-пенсионеры прилежно ухаживают за шишками, и ежедневник им нужен, как святцы, дабы не запутаться – по какой замечательной фразе сегодня справляются поминки.

Но как только я открываю толстую тетрадь и ставлю число с целью зафиксировать все, что думаю, – умные мысли куда-то улетучиваются, а мертвые лезут из-под шишек и принимаются бродить, словно зомби. Хеллоуин! Хеллоуин! Вальпургиева ночь! Тогда я достаю телефонную книжку и начинаю названивать бабам, которые за двадцать последних лет превратились в простоквашу. Наверное, меня подначивают пенсионные воспоминания... «Алло! Это Танечка?!» Однако Татьяна Витальевна удачно обзавелась тремя дитярами и недоумевает – куда надо ехать в четыре часа утра?! «В какой кабак?! Вместе с Манечкой, Санечкой и двухгодовалым Ванечкой?! Откуда такие мысли?! Что значит – шишки рассасываются?!» Здесь

телефонную трубку берет законный супруг Танюши и спрашивает: какой конкретно предмет я предлагаю рассосать его половине?!

И ну его к чертовой матери, этот ежедневник... Лучше отдам богу душу вместе с мыслями... Какие остались...

Фацеция вторая

Крит. 28 июля 1998 года

Чтобы создать художественный образ, надо взять прототип и разобрать его на части. Две руки, две ноги, грудь, голова и огузок... После чего состыковать все заново и поместить в литературное произведение. Получится редкостная скотина...

Нечто подобное у меня приключилось с Машей. То ли она опротивела мне внезапно, то ли постепенно, но я поступил с ней не товарищески. Взял модельную грудь, поставил на ноги, немного подредактировал и сотворил из Маши бисквит, в смысле бисексуалку. Дабы придать ей оттенок беспринципности, мол, женщину по большому счету не волнует – кто щелкает фотоаппаратом. Главное, чтобы снимки вышли хорошие. Вот я и щелкнул этот блондинистый прототип для своего романа «Фриштык на кладбище». Получилась брюнетка...

– А ты кто по профессии? – спросила Маша, когда рано утром я заявился в «Афродиту».

Прошедшую ночь я посвятил Анне, без командоров, но собирался соврать, что занимался медитациями. Сидел и смотрел на море вместе с окрестными собаками. Однако типично женского вопроса – «Где ты, сволочь такая, шлындай?» – я не дождался. Слегка дезориентировался и не сразу заметил, что Маша перекрасилась. Из позитивки в негативку. Что не сулило ничего хорошего.

– Кто по профессии, спрашиваю?! – повторила Маша.

– Я раб лампы! – попробовал отшутиться я, проклиная себя за вредную мужскую привычку сматываться с утра пораньше.

Что-то нас гонит из мест последнего ночлега. Совесть, наверное. А то бы я спал в «Диогене» с Анной и не трепал здесь нервы.

– Какой такой лампы? – не унималась Маша, как будто сразу родилась идиоткой и не смотрела мультфильм про Алладина.

– Электрической! – пояснил я. – Потому что свою работу в кино я начал с должности осветителя на киностудии «Баррандов».

– Как трогательно! – оценила Маша. – И врешь как по писаному!

Тут я перешел в контрнаступление и поинтересовался:

– А что у тебя с лицом?

Как бы не замечая новой стрижки и свежеиспеченной брюнетки. В смысле показал, что не боюсь негативки. Ведь рано или поздно – она проявится.

– С лицом у меня все в порядке, – ответила Маша. – А ты редкая сволочь! Хочешь испортить девушке карьеру?

Вначале я растерялся, потому что забегался и упустил из виду, с какими целями мы прибыли на Крит. Но вовремя вспомнил про «батончик» и стушевался. Девушкина карьера в этом сезоне действительно не задалась. А рассказывать, что я директор рекламного агентства, честно говоря, не хотелось...

– Ты думаешь, я об этом не знаю? – спросила Маша.

– О чем? – растерялся я.

– Ты думаешь, я поеду на Крит с осветителем? – напирала Маша. – Ты думаешь, я идиотка? Ты плохо обо мне думаешь!

По правде сказать, я ни о чем не думал. Я просто обеспечил себе джентльменский комплект для отдыха...

Когда-то мы делали передачу для телевидения, «способствующую пропорциональному развитию фигуры». Естественно, что на физическую культуру было всем наплевать, а главное – спонсор программы, известная фирма спортивной одежды, платила весьма и весьма «пропорционально». Однако мы не упускали возможности подзаработать и втюхивали дополнительную рекламу, как только речь заходила о фигуре. Ну, например, установка для ультрафиолетового облучения. Снимаешь спортивную одежду, ложишься ничком и загораешь в собственное удовольствие! А нам за эту рекламу идут нелишние дивиденды для поддержания тела. Поди-ка прокорми оператора, звукооператора, двух осветителей, режиссера, водителя Ваню, водителя Сашу, визажиста, сценариста, костюмера, – словом, всю киносъемочную группу. Которая крутится возле тебя и вечно чего-то требует, типа – жрать, спать, пить и денег...

И вот мы сидим с бухгалтером и рассуждаем: как эту прорву уменьшить хотя бы на одного человека, чтобы сэкономить «детям»

на молочишко», а себе на «полет фантазии». Оператор – нужен? Нужен! Режиссер – нужен? Нужен! Визажист – нужен? Нужен! А самое смешное, что эти твари постоянно расползаются, как тараканы. Достаточно произнести: «Внимание! Снимаем!» – и кого-нибудь нет на месте. То режиссера, то звукорежиссера, то визажиста...

Бухгалтер предлагает уволить одного осветителя, я говорю, мол, надо уволить бухгалтера! И вдруг замечаем, что все как повымерли и без нашего сокращения штатов. Нет, когда оператор в самый разгар производственного процесса отправляется в магазин – это нормально. Но чтобы сгинула киносъемочная группа в полном составе – такого еще не бывало. Обязательно кто-нибудь рядом да вертится. И требует, типа – жрать, спать, пить и путевку от спонсора...

«Куда это все подевались?» – интересуется бухгалтер. «Не знаю!» – говорю я. Сидим и в полнейшей тишине – размышляем над Вечностью. И тут как будто озарило... Как будто приняли на работу еще одного осветителя... «Они же обнаженку снимают!» – восклицает бухгалтер. «Ах они сукины дети!» – возмущаюсь я...

И вот что значит личная заинтересованность! Идем с бухгалтером в комнату, где установлен «солярный» аппарат, а там под лучами ультрафиолета лежит обнаженная красавица и рекламирует товар, в смысле – загар. Но главное, что киносъемочная группа в полном составе таращится на голую красотку и контролирует творческий процесс. Оператор, звукооператор, два осветителя, режиссер, водитель Ваня, водитель Саша, визажист, сценарист и главное – костюмер... Ну и кого тут уволишь?!

Я к тому, что Маша могла обриться хоть наголо ради рекламы. Но если нет личной заинтересованности... Как говорил один мой знакомый предприниматель, у которого было четыре интим-салона, и все из них бордели: «Да что вы знаете о потребительском рынке?! Ваша реакция зависит от эрекции! Если есть эрекция – будет и реакция на рекламу!»

– И вот что, господин директор... – сказала Маша. – Приехали на Крит вместе и уедем вместе...

– Это ради батончика? – полюбопытствовал я.

– Это ради карьеры! – пояснила Маша. – От меня еще ни один директор просто так не уходил! И мне не нужна такая антиреклама! А эрекцию я вам обеспечу!

Фацеция третья

Санкт-Петербург. 20 июля 2001 года

Редактор никогда не работает в одиночку. У них преступное сообщество. Один сидит в голове, а второй разгуливает по издательству. Но криминальные помыслы у этих извергов одинаковые – взять и почитать писателя.

– Что за бред?! – возмущается первый редактор. – Как у тебя язык поворачивается? «Наша реакция зависит от эрекции...» А дальше про какой-то «батончик»? Убери эрекцию – поставь ажитацию...

– Мне кажется, – говорит Александр, – что сцена восемнадцатая не лезет ни в какие ворота! Она не свойственна «видному чешскому писателю, критику и кинематографисту». Поэтому лучше ее вырезать...

Мы сидели в пивном кабаке на Ивановской улице и правили «Фриштык на кладбище». Через неделю роман полагалось отдать корректору, а у нас еще конь не валялся. И лошадиное пальто не лежало.

– Хорошо! – согласился я, дабы не тормозить редакционно-издательские процессы. – Сцену восемнадцатую мы выбрасываем.

Александр стал зачеркивать и перечеркивать вышеобозначенную сцену с глубоким удовлетворением. Во всяком случае, он высунул язык и десять минут вдохновенно трудился.

– Ну вот! – сказал Александр, когда рукопись была исчеркана в мелкую сеточку. – Теперь никто к нам не подкопается!

Мы облегченно вздохнули и выпили по кружке пива. После чего продолжили свое грязное дело... Копаться в романе...

– «В этот момент, – стал цитировать Александр, – Маша заехала на меня, как тортик с кремом...» Тебе не кажется, что это не эротическая сцена, а редкое литературное извращение?!

– Ну так и напиши! – пробурчал я.

– Где? – уточнил Александр.

– В скобках, – пояснил я. – «В этот момент (редкое литературное извращение!) Маша заехала на меня...» и так далее...

– Гы-гы! – сказал Александр и присобачил «извращение в скобках».

Мы снова облегченно вздохнули и выпили по кружке пива... И работа над романом кипела до двух часов ночи. Покуда нас не вынесли из кабака, предварительно обернув рукописями...

Фацеция четвертая

Санкт-Петербург. Сцена восемнадцатая

Два сотрудника отправились в деловую поездку, чтобы заключить договор о «бесперебойной» поставке куриного яйца. Сами понимаете, продукт деликатный и все время норовит кокнуться. А фирма, где трудились наши сотрудники, клюнула на рекламу следующего содержания: «Крупные, вкусные, очень красивы, купишь десяток – поможешь России!» Вот и решили порадовать за отчизну в количестве двух рефрижераторов. Однако куриная компания с заманчивым предложением находилась по адресу: Вологодский район, Череповецкая область, поселок Кудыкина Гора... Словом – черт знает где! И наши сотрудники изрядно напутешествовались, прежде чем отыскивали яичные Пенаты. Ну, кое-как добрались, бознать о чем договорились и поспешили обратно. В славный город Санкт-Петербург с коммунальными удобствами. Вернулись и решили выпить за Россию, которая получила великое вспоможение.

А надо сказать, что погода на улице стояла морозная и один из сотрудников совсем задубел, покуда добрался до родного края. «Иди ты ко мне домой, – предлагает второй сотрудник, – и располагайся! А я тем временем за спиртными напитками сбегаяю». Так и поступили... Холодоустойчивый двинулся в магазин, а задубевший сотрудник взял ключи от его квартиры и отправился греться. Однако не смог добиться нирваны даже в помещении. То ли большевики на центральном отоплении сэкономили, то ли капиталисты. И тогда задубевший сотрудник решился на банную процедуру, дабы безвременно не околочуриться. Конечно, в гостях неудобно совершать «моцион», да что, извините, делать?! Наполнил он ванну горячей водой, напустил туда пены, разделся и – стал блаженствовать. То есть ушел под воду, как бегемот, и только ноздри выставил для дыхания...

А в это время приходит домой жена холодоустойчивого сотрудника. Видит, что кто-то плещется в ванне, и откровенно

радуется. «Муж вернулся!!!» Конечно, женщины выражают свою любовь по-разному, но эта бестия закатывает рукава и хватается за некие части тела, которые не помогают России, а только вносят сумятицу. В отличие от десятка куриных яиц... А надо сказать, что погода на улице стояла морозная и пальцы у женщины были холодные, как сосульки, и цепкие, словно чеснокодавилька. Скорее всего, по этой причине, а может, от неожиданности, однако сотрудник подпрыгнул и брякнулся замертво. С полной потерей трудоспособности. То есть лежит в «нирване» и больше не подает признаков жизни... Перепуганная женщина предполагает, что угробила ни в чем не повинного мужчину, скидывает платье, чтобы оно не намочило, и лезет в ванну с медицинскими целями. Усаживается на потерпевшего мужчину сотрудника и делает ему искусственное дыхание – рот, извините, в рот...

А в это время приходит из магазина муж. С поллитрой! Открывает дверь в ванную комнату и наблюдает эротическую кинокартину... О том, как жена полуголая сидит на его сотруднике и страстно целуется, с выпученными глазами... А надо сказать, что погода на улице стояла морозная и муж по дороге чуток принял для сугреву. И скорее всего по причине алкогольного опьянения, а может быть, попросту – ополоумел, да только муж ухватился за ванну и опрокинул эту купель вместе с женой и сотрудником. Все водопроводные трубы разворотил, мерзавец! И как только сил хватило?! Но все-таки поскользнулся муж от перенапряжения и ударился головой об пол...

Вдвойне перепуганная женщина выбирается из-под ванны и видит... Лежат перед нею сотрудники по работе, один – одетый, второй – абсолютно голый, и оба не подают признаков жизни... Тогда энергичная женщина хватается за телефон и вызывает все аварийные службы города! Ноль-один, ноль-два, ноль-три, и девятьсот одиннадцать!!!

А в это время вода заполняет собой квартиру. И дальше с балкона – переливается на тротуар. По той причине, что муж коммуникации разворотил и не закрыл пробойну... А надо сказать, что погода на улице стояла морозная! И всякая жидкость превращается в гололед при такой температуре. Ну, кроме спирта и денатурата, разумеется. Покуда скорая, медицинская и санитарно-техническая помощь прибыли на место кораблекрушения, вода из квартиры превратилась в

каток у парадного подъезда. Ледовый дворец, да и только! Доктора стремятся проникнуть в дом, а их ветром относит обратно. Водопроводчики делают двойной аксель и все равно не попадают в парадную. Полуголая женщина взывает с балкона о помощи, а служба спасения не укладывается в нормативы! Попробуй-ка одним стетоскопом и кружкой Эсмарха выруби во льду ступени! Какие уж тут нормативно-технические показатели?!

Но, слава богу, каким-то образом исхитрились и проникли через тридцать минут в помещение... Одного сотрудника откачали, второго привели в сознание, воду обесточили, перепуганной женщине вкололи успокоительное. После чего принялись выяснять – как такое могло случиться?

«Я, – говорит один сотрудник, – отправился в деловую поездку, чтобы помочь России! А тут пострадал от женской интервенции. Которая не разбирается – где ножки Буша, а где, извините, яйца Моцарта!»

«Я, – говорит второй сотрудник, – тоже отправился в деловую поездку, чтобы помочь России! А тут пострадал от собственной жены. Которая не разбирается – где яйца Моцарта, а где, извините, ее законные!»

«А я, – говорит жена, – сидела дома! Но сейчас помогу России! И отправлю в деловую поездку и яйца Моцарта, и яйца Шуберта!»

Фацеция пятая

Прага. 24 декабря 1998 года

Может ли женщина ревновать к резиновой кукле? В Праге я отыскал секс-шоп и приобрел изделие по имени Машá. Имя придумал самостоятельно.

– А какого она роста? – спросил я у продавщицы, имея в виду Машá.

– Метр шестьдесят пять! – отчеканила русскоязычная продавщица.

– Это на каблуках? – попробовал уточнить я.

– Без каблуков и без трусиков! – ответила продавщица.

Тогда я решил внести ясность, для чего мне такие характеристики на изделие «номер один». А вдобавок потребовал упаковку изделия «номер два».

– Как вы сами понимаете, – интимно сообщил я, – мы с Машá собираемся провести веселый уик-энд. Закажем фрукты-шампанское и закроемся в номере. Поэтому изделие номер два нам нужно в количестве тридцати штук. У меня все подсчитано! И главное, чтобы жена не узнала...

Русскоязычная продавщица как-то странно на меня посмотрела, словно на фаллоимитатор.

– А вы приехали в Прагу с женой? – спросила она.

– Ну что вы! – улыбнулся я. – Жена осталась в России! А мне захотелось поближе узнать европейскую женщину... Заверните ее, пожалуйста.

– Кого? – уточнила продавщица.

Я указал на сдутую Машá... К ней прилагался комплект нижнего белья. Ну, разные там чулочки и пояс неожиданности.

– Вы это называете европейской женщиной?! – спросила продавщица, схватила Машá за волосы и потрясла ею в воздухе для наглядности.

– А что? – испугался я. – Это одноразовая китайская подделка?!

И принялся искать штрих-код на Машá.

– Ну ты придурок! – с восхищением заметила продавщица. – Я много тут видела извращенцев и никак не ожидала встретить соотечественника!

Она засунула Машá в коробку, покидала туда же нижнее белье и торжественно вручила мне.

– Хорошего уик-энда! – сказала продавщица. – Я сделала двадцатипроцентную скидку!

В приятном расположении духа я вышел из секс-шопа и направился к себе в отель. Благо, что до «Карл Инн» было рукой подать. И возле ресепшена, как обычно, столкнулся с портье. Однако на этот раз его больше интересовала коробка с Машá, чем слуга ваш покорный. Он вытаращился, как рыба камбалá.

– В чем дело?! – разорался я.

– Там то, что написано на коробке?! – спросил портье, не доверяя собственному зрению.

– Ну разумеется! – подтвердил я. – Вам здесь показать?! Или пойдем в номера?!

Но портье категорически отказался смотреть на Машá. Даже под страхом увольнения. Тогда я хмыкнул и поднялся к себе.

– Чего притащил? – спросила Анна, которая мучалась от головной боли после вчерашнего похода по пивницам.

– Классную штуку! – сообщил я и вытащил из коробки сексуальную куклу. – Только надуть надо!

Анна все еще находилась под впечатлением от встречи с Машей и накануне выпила пива больше обычного. Можно сказать, нагрузилась выше ватерлинии, и теперь – принимала аспирин.

– Я не могу фукать, – призналась Анна. – Сам надувай...

И пришлось мне ухаживать за Машá. Надувать и натягивать на нее чулочки. А это оказалось труднее, чем раздевать кого бы то ни было. Анна же вызвалась позвонить портье. Я попросту не хотел с ним разговаривать.

– Алло! – томно сказала Анна. – Нельзя ли нам в номер шампанского и фруктов?

Через пятнадцать минут все было готово для оргии. Машá в чулочках сидела на кровати, надеясь на лучшее, и как будто хотела сказать – «ма! – ма!». Я откупорил бутылку шампанского, но забыл закрыться на ключ, а может, поступил так намеренно. И когда заглянул портье, которому до смерти хотелось узнать, что мы делаем, – он застал вакханалию в самом разгаре...

– Гадина! Сволочь! Уродина! – эротически вскрикивала Анна и после каждого эпитета кидалась в Машá мандаринами.

Так что портье был несколько разочарован.

– В чем дело?! – разоралась на него Анна.

– Я стучался, – предупредил портье. – Но вы были заняты и не слышали. А мне показалось, что здесь совершается смертоубийство.

– Если бы! – размечталась Анна.

– Тогда, – заметил портье, – позвольте откланяться! Не надо ли еще шампанского?

– Лучше мандаринов! – призналась Анна и указала на Машá. – С этой особой у нас не сложились отношения.

– Я понимаю, – сказал портье. – Но мандарины закончились. Могу предложить киви!

– Давайте! – согласилась Анна. – Мне без разницы!

Портье хотел удалиться, взялся за ручку двери и неожиданно завис, как «Windows Millennium»... Во всяком случае, он с минуту о чем-то размышлял и туманно улыбался.

– Завтра пройду по секс-шопам, – заявил портье, – и подыщу себе куклу «Хозяйка отеля». А киви я сейчас принесу! Не извольте беспокоиться...

Надо сказать, что наша Маша́ была блондинкой. Однако уверен, что в хозяйках отеля портье разбирается лучше, и поэтому – я воздержался от рекомендаций. Как надувать и что дальше делать...

Фацеция шестая

Недоделанная

– Если купишь яйца наши – все в России станет краше! – сказал Александр по поводу восемнадцатой сцены.

Здесь он явно погорячился...

Тринадцатый апостол

Продолжение

Ночь я провел на столе в испытаниях, ворочаясь и постанывая. И вера моя в Господа нашего Иисуса Христа настолько окрепла, что поутру я рассчитывал увидеть злобную тварь в гематомах от Его десницы. Однако Господь не торопился, а я побаивался навести порядок, помня – как ловко посланница кардинала Орсини управляется с кувшинами и табуретками. Ее не заботило, где мне спать и в каком углу преклонить колени, чтобы Господь услышал мои молитвы... Злобная тварь выпила на ночь кувшин вина, что принес трактирщик; закусила чем Бог послал и завалилась на единственную кровать прямо в рясе.

– Сплю я чутко, – предупредила она. – Поэтому не вздумайте присоседиться... Убью сразу!

Я поспешил заверить, что мне больше по душе дьявол, чем его прислужники. Во всяком случае, не так обидно терпеть неслыханные притеснения...

* * *

До этих слов продиктовал N. N. свой «Файф». Смерть писателя, наступившая 23 марта 2005 года от руки редактора, заставила N. N. умолкнуть навсегда...

О

Пять интервью с Иржи Грошеком

Интервью первое

Философия как игра

1. «Правда и ложь как синонимы трагического и комического»

Ощущение после Вашей прозы: грандиозная выдуманная правда. Это такая же реальность, как смерть: она будет точно, но никто до конца в нее не верит. Как Вы ощущаете ложь? Что такое творческая ложь и возможно ли без нее творчество?

Как говорила одна моя знакомая, женщина по происхождению, «правду надо говорить всегда! Только – не всю...». На самом же деле «творческая ложь» и «творческая правда» – одно и то же. Например, образ Валерии составляют реальные женщины – сколько и в каких «пропорциях», об этом знаю только я. Носик – оттуда, ушки – отсюда, хвостик – из античности. Но это отнюдь не собирательный образ из моих жен и подружек. Просто, как «доктор Франкенштайн», – я сотворил себе приятельницу. Да, возможно, получился монстр, но – в реальной жизни она была еще хуже! (Курсив Иржи Грошека.)

И вообще, всякую мистификацию составляют вполне реальные вещи. Все дело именно в пропорциях. Как я ощущаю ложь? Я в нее верю – от рассвета до обеда. После чего иду пить пиво в ближайший бар и наблюдаю скучную правду. Что в добрую кружку помещается всего лишь пол-литра. Что люди в баре спорят ни о чем, поскольку завтра они вернутся обратно и будут спорить о том же самом. И вот я сижу там и, глядя на них, думаю, что в действительности подлинной правды нет. Поскольку все вышесказанное – я вам наврал. А насколько творчески и в каких пропорциях – судить не мне...

«Бани, вино и любовь!» – где реальность любви расстается с реальностью плоти? Где и то и другое становится подлинностью? О героях «Легкого завтрака» можно сказать: «Смерть танцует их» (перифразировка Г. Самойлова). Дает ли смерть ответ на вопрос о подлинности любви? (Ха, забавная формулировка, особенно если

учесть, что Вы еще пребываете на этом свете. Но как творческий мистификатор Вы можете дать ответ.)

Да что же вы все – о смерти да о смерти? Разве это самая «реальная реальность»? От того, что умерла моя бабушка, я не стал ее меньше любить... Смерти – тоже нет. Я знаю об Агриппине, я помню о Нероне, я не забуду своего преподавателя – значит, все они живы и даже общаются между собой. Бабушка моя на что-то пеняет Нерону, Агриппина спорит с моей женой, я беседую с дядюшкой Клавдием – это, надеюсь, не шизофрения, а мой микрокосмос. Полагаю, что обо мне тоже не забудут. Ведь и самые незначительные люди хранятся в памяти человечества. Все – от первого до последнего. «Бани, вино и любовь ускоряют смертную участь» – вот, и я помню о шутнике, который начертал эту фразу на столовой ложке. Кстати, была на той же самой ложке и вторая надпись: «Принося жертву – побереги грыжу!» Эта надпись мне кажется смешнее, если уж мы заговорили о смерти... И тут мы опять возвращаемся к соразмерности. Правда и ложь как синонимы трагического и комического. Или – в другой последовательности?

2. «Писатели предназначены для бережной реанимации истин»

В «Легком завтраке» мне привиделась сцена встречи «Изольды» с «Сатириконом», за которыми подглядывает «Молот ведьм». И на самом-то деле «Завтрак» – это декларация против «Молота ведьм» как учебника цензоров (Вы понимаете, что все книги упоминаются здесь в качестве символов). Именно против цензоров, а не общественной цензуры в лице читателей. На образ Нерона навешано столько ярлыков, что хотелось растрясти этот образ, как осеннюю осину. Я не историк, никогда не стремился к этому и никогда им не буду. Поэтому у меня другие задачи и другие методы их осуществления. А любовные сцены в «Легком завтраке» – это тест на лицемерие.

Более всего меня раздражают банальности и мнимые аксиомы. А банальность – это зверски избитая истина. Иногда мне хочется кричать: «Позовите полицию! На моих глазах чуть не убили истину! Покарауйте этих подонков, покуда я отвезу ее в реанимацию!» Я

скромно оцениваю свои способности, но писатели и предназначены для бережной реанимации истин. До перевозданного вида. Истин, которых, быть может, и нет. Но даже подвергая аксиомы сомнению, я только этим и занимаюсь. Софисты, доказывая, что дважды два – пять, тоже подтверждают, что два плюс два – четыре.

Не странно ли объяснять читателю смысл произведения и сколько независимых трактовок оно? Вы допускаете?

Я допускаю арифметическую прогрессию трактовок. Смысл любого произведения в некоем интеллектуальном, художественном коде. В кино, в литературе, в живописи – интеллектуальный код один. Могут быть разные по мастерству шифровальщики и, естественно, дешифровальщики. Человек, не владеющий этими навыками, воспринимает любые художественные произведения как простые слова – книга, кино, полотно... Другое дело, что для такого читателя существует множество книг и безо всякого интеллектуального кода. Другое дело, что у иного писателя никакого интеллектуального кода и нет. И никакие объяснения тут не помогут.

Как постсоциалистический писатель чувствуете ли Вы, когда пишете, опасность приблизиться к совковой литературе (и слиться с ней)? В чем секрет преодоления?

Что есть «совковая литература»? Это когда читатель наводит порядок на своих книжных полках и все «подпорченные» произведения выметает, то есть – на совок и в мусорную корзину? Как автор я, естественно, боюсь «слиться» с подобной литературой. Ибо можно нарожать таких уродов, что несчастные «спартанские» читатели замучаются сбрасывать их со скалы. Как читатель – я хитрее... У нас с женой раздельное хозяйство: у нее свои книжные стеллажи, у меня – свои. Раз в месяц, после рейда по книжным магазинам, мы всей семьей играем в «трибунал». То есть составляем «тройку» – я, жена и Магвай, – чтобы устроить судилище. Так вот что я вам скажу: это самый несправедливый суд на свете. Магвай книг не читает, поскольку он персидский кот; я читаю мало, потому что – нахал; жена дочитывает все за нас – в лучшем случае до половины. Но

все мы имеем определенное суждение о современной литературе. Магвай считает, что это пустая трата денег; я считаю, что я нахал; а жене запрещено восхвалять какого-нибудь автора в присутствии Иржи Грошека. После судилища я внимательно осматриваю свои книжные стеллажи и аккуратно переставляю «неприятные» мне книги на полки жены. После чего жена осматривает свои книжные стеллажи и аккуратно переставляет книги, которые не будет дочитывать, – дальше. После чего мы начинаем аккуратно их раздаривать. Потому что некоторых авторов просто никто не хочет у нас брать. Поэтому мы настоятельно рекомендуем для прочтения все не понравившиеся нам книги. Можете себе представить, что думают люди о наших литературных предпочтениях?! Зато в нашей библиотеке нет неприятных нам книг! Это и есть ответ на вторую часть Вашего вопроса – «в чем секрет преодоления совковой литературы». Вначале я редактирую то, что написал вчера, затем – передаю жене, а она запикивает эти листочки в домик Магвая. Поэтому самое отрицательное отношение к современной литературе именно у Магвая – она мешает ему жить. А жена аккуратно рекомендует всем почитать Иржи Грошека...

3. «Бог создал пиво, а черт изобрел кружку»

В «Легком завтраке» много секса. Но секс – это ведь не коммерческий ход в прозе, ну хотя бы не в первую очередь коммерческий ход? В сексе тривиальное и божественное встречаются, но какова главная мысль, читаемая во всех любовных сценах и описаниях «Легкого завтрака»?

Сексуально-коммерческий ход в прозе – это когда писательница успешно занимается проституцией. Именно писательница, потому что на писателя мало кто позарится. А тривиальное и божественное в литературном сексе встречаются, когда книга Барбары Картленд лежит на книге Данте. (Кстати, я надеюсь, что еще в состоянии ответить, какова моя главная мысль в любовной сцене.)

Раз уж мы заговорили об удовольствиях, то впору вспомнить о спиртном. Один знакомый писатель вывел формулу взаимовыручки

алкоголя и творчества. Алкоголь выпивается творцом, творчество перестает сносить его крышу и подтачивать фундамент. Другой вариант: алкоголь, напротив, влияет на стимуляцию творческого процесса. Что скажете Вы на сей счет и сколь ценными считаете произведения, по сути посвященные алкоголю или замешанные на нем («Москва—Петушки» Ерофеева, к примеру)?

«Осмелюсь предположить, что вначале Бог создал пиво. Черт изобрел кружку. А древние чехи построили Прагу, где все замечательным образом соединилось. То есть, глядя на пражское пивное изобилие, можно с уверенностью сказать „Бог с нами!“. А пересчитывая кружки – выбрать пешеходный маршрут себе по вкусу. Ибо, как сказано в пивной молитве: „Все бrenно, и только жажда моя – неизменна!“» (самоцитата).

Романа Ерофеева – не читал и лицемерно добавляю – к сожалению, поскольку мог бы заказать эту книгу и ознакомиться. Но не буду. Потому что не хочу, глядя на пустые бутылки, с умилением вспоминать о социалистическом прошлом. Опять же – ничего плохого не вижу в романах, «по сути посвященных алкоголю». Ну выделил писатель эту тему, ну и выделил. С точки зрения литературы «роман об алкоголе» ничем не отличается от «романа о кофе». Другое дело, с каким качеством это написано. И чем обусловлен повышенный читательский интерес к писателю, который углубляется в алкогольную тему. Не ищет ли он, читатель, здесь родственные пороки? С ухмылкой рассказывая соседу за рюмкой, что «жутко пил старина Хэм» или «допился до чертиков Ерофеев». То есть, по сути дела, читатель проявляет здесь обывательский интерес, а не литературный, и это – прискорбно. С моей точки зрения, на алкогольную тему надо писать на трезвую голову. Но люди все разные, и творцы – тоже.

Если говорить обо мне – я не пишу даже после кружки пива, не редактирую и не строю литературных планов. То есть алкоголь несовместим с моим творчеством, которое построено, простите за самонадеянность, на трезвом расчете. Я всегда пытаюсь создать некую литературную конструкцию. Вычерчиваю схему построения романа и монтирую отрывки. Вдохновения у меня нет, и поэтому мне не надо его стимулировать алкоголем.

Другое дело, что время от времени я «изучаю» эту тему, с большим или меньшим отравлением организма. (Примечание переводчика как жены: Что, безусловно, тормозит творческие процессы и задерживает написание новых произведений.)

4. «Регалии всегда можно заложить в ломбард»

Какое значение придаете Вы писательским регалиям? К примеру, в России для многих и многих эталон – корочка члена Союза писателей. И даже иные маргиналы «падают», вначале демонстративно плюясь на корочки и членство, а заполучив оное, помалкивая или произнося тирады о том, как все можно оправдать.

К писательским «регалиям» я отношусь хорошо. В любом случае их можно заложить в ломбард. От литературной премии – тоже не откажусь. Однако никакого значения «писательским регалиям» не придаю. Если только это не алмаз «Кохинур». Как они выглядят – эти регалии? Отвечайте скорее!!!

А также – каким тиражом издаются «корочки», к какому литературному жанру они принадлежат и сколько платят за них авторского гонорарУ? Я готов приступить к написанию трилогии «корочек», если сумма меня устроит...

Если серьезно, то «союзы писателей» достались нам еще от тех времен. Если они кому-то до сей поры нужны – то бога ради! Другое дело, нельзя допускать, чтобы престарелые и молодые обормоты, объединенные в союз, утверждали, что только они члены-писатели, а другие – так, погулять вышли. Как если бы члены «Союза читателей» утверждали, что только они правильно переворачивают странички, а все остальные делают это непрофессионально. Надеюсь, что мы не вернемся к диктатуре в литературе.

Тут уместно говорить о злободневности в литературе. Хотя Ваш роман создает ощущение «злободневности метафизической», которая будет актуальна всегда. Но вот что для Вас лично злободневность и как Вы относитесь к так называемой злободневной литературе? (Гребенщиков сказал, что для творца памфлет – не помеха.)

Отвечу коротко, поскольку само словосочетание «злободневная литература» к творчеству, то есть созиданию, не имеет никакого отношения. Деструктивная злоба и созидательное творчество – несовместимы. Писатель и философ должны стоять «над схваткой» (никуда не ходить и телеграмм никому не показывать). Может быть, я переоцениваю читателя, но стараюсь в своем творчестве предоставить ему сделать выводы. А также не хую и не хвалю своих героев – я им сопереживаю. Кому нужны выводы и резолюция автора – пусть обращаются к другому автору. Поскольку я не «папа», к которому пришел «крошка-сын» за разъяснениями – «что такое хорошо, а что такое плохо». (И что этот «папа» рассказал на самом деле? Никто не помнит.)

5. «Автор доволен собою почти всегда, а литература им – в единичных случаях»

Что такое для Вас подлинная философия и какую роль, по Вашему мнению, должен играть философ в современном мире?

«С малого начал, тридцать миллионов оставил. Философии не обучался» – эпитафия Тримальхиона. Вторая часть служит эпитафией и мне. Я не занимаюсь разработкой новых мировоззрений, хотя время от времени, «паря в пространстве, думаю о судьбе светил». Можно сказать, я наряду со всеми поставляю философам материал для обобщений. Хотя, вероятно, подобный мне типаж свел с ума не одного Ницше. Я расцениваю философию как игру вроде «веришь – не веришь». Сегодня я убеждаю читателя в том, завтра – в этом. Меня нисколько не настораживает перемена взглядов по ходу дискуссии. Наоборот, чем убежденнее «философ», чем яростнее он отстаивает свою точку зрения, тем дальше я стараюсь от него отсесть, дабы в пылу своей убежденности он не треснул меня палкой. Поскольку я самый отвратительный слушатель, из меня никогда не получится последователя, преемника и благодарного ученика. Меня только лишь забавляет данная точка зрения в данную минуту, а через полчаса может заинтересовать диаметрально противоположная шизофрения. Поэтому

и роль, которую должен играть философ в современном мире (я бы выделил слово «играть»), мне кажется, это та роль, которая может расшевелить общество. То есть круглосуточная поставка мировоззрений – оптом и в розницу. И чтобы ко мне не цеплялись вездливые критики, добавлю: далеко не все мировоззрения и концепции я приемлю. Но и публично осуждать их не буду. Поскольку серьезно их не воспринимаю, как серьезно не воспринимаю то, о чем я написал или подумал, например, год назад. Все познается не в сравнении, а – в развитии. Можно расценивать отклонения в обществе как юмор. Слушая диалог психиатра и пациента, не всегда с уверенностью можно сказать, кто болен. Поскольку психиатр серьезно относится к своей работе, а я – нет.

А какие темы в литературе вообще интересуют Вас и какие не интересуют категорически?

Если я отвечу, что все литературные темы, жанры и фабулы мне интересны, то это будет выглядеть сродни ответу на предыдущий вопрос. Так нет же! Мне ненавистно все, что сделано в литературе начиная с Гомера. Потому что это весьма осложняет поиски новой темы, жанра или фабулы. На кого оглядывался Гомер? Только на египетские пирамиды. Современный писатель, в меру своей эрудиции, должен переработать несоизмеримо больше информации. Или выйти в чисто поле литературы, аки Гомер. «Есть тут кто аль нет никого?!» «Я есть альфа и омега; я первый, и я последний!!!» Подобная наглость поощряется, но далеко не всегда заканчивается к обоюдному удовлетворению – литературы и автора. (Кстати, автор доволен собою почти всегда, а вот литература автором – в единичных случаях.) Европейские писатели многие литературные вопросы перевели в область категорического императива, мол, это так, как есть, – и не надо трепать «вечные темы» как бобик тряпку. «Тварь ли я дрожащая или право имею?!» «Быть или не быть?!» Славянские авторы по-прежнему начинают с азов, поэтому на развитие сюжета им требуется больше времени. И если исходить из того, что каждый писатель всю жизнь пишет один роман, собрание сочинений славянского автора – только пролог этого романа. Другое дело – «американизмы», когда психологические мотивы героя толкуются исключительно по Фрейду.

«Почему он вдруг перерезал жителей двух кварталов? – А в детстве его мать утопила его любимого плюшевого мишку! Вот он и тронулся!» Поэтому, может, и хорошо, что славянские авторы пытаются разобраться в который раз, из чего был сделан плюшевый мишка, жаль только, что в ущерб сюжету. Поскольку, если в литературе особенно увлекаться философскими вопросами, можно с «водой» выплеснуть читателя. А потом спрашивать: «А был ли мальчик?»»

Что из художественных произведений занимает высшие строчки в хит-параде Вашей души? (Например: «Чук и Гек», «Улисс», «Давно я не лежал в колонном зале...» и т. д.)

Я думаю, что «Чук и Гек» – это грустная повесть о сибирских лайках. Не может быть, чтобы люди носили такие имена. Жена мне объяснила, что это – повесть о детях. А я все равно думаю, что о сибирских лайках. Далее в хит-параде:

Умберто Эко, «Имя розы» – великий роман, остальные два его романа – по нисходящей. Вечный «Улисс» как библия для писателя: можно открыть, прочитать пару страниц на сон грядущий и закрыть с чувством собственного бессилия. Джон Фаулз – «Волхв», «Червь», «Башня из черного дерева».

Можно продолжать и дальше, но в моей библиотеке две тысячи томов.

Хочу сказать спасибо Анне Владимировой – русской жене и переводчику, иначе бы мы вообще не поняли друг друга.

Вопросы: Артур Медведев и Мария Мамыко

Опубликовано: «Философская газета», 2002

Интервью второе Инкогнито... из Петербурга?!

В послесловии к «Реставрации обеда» Вы пишете, что создатель короткометражки о брендмейстерах – Йиржи Геллер, в то время как в официальной биографии Иржи Грошека указывается то же самое. К тому же говорится, что и «Завтрак» был организован Геллером...

Мда... Смешно получилось: «Господа читатели! Вы окружены доблестными авторами – Иржи Грошеком и Йиржи Геллером! Сопротивление бесполезно! Выходите организованными группами, с поднятыми руками, к месту расположения книжных магазинов! Вас ожидает радушный прием и трехразовое питание – „Завтрак“, „Обед“ и „Ужин“!»

На самом деле автор один – Иржи Грошек, а «Геллер», как правильно подметил Лев Данилкин из московской «Афиши», лишь сотая часть чешской кроны. Иначе говоря, не автор, а – инфляция... Тем более что «официальной биографии», вроде некролога, у Иржи Грошека пока нет – я еще достаточно здравствую, чтобы откладывать меня в «длинный ящик» и прикручивать медную биографию над моей могилой. Мол – родился, упился и затихорился. То есть расценивайте «биографию» Грошека на обложке как неотъемлемую часть романа, будь то «Обед», «Завтрак» и (упаси господи!) – «поздний Ужин». Кстати, эта «биография» время от времени редактируется – под нужды основного текста и по личному желанию. Поскольку не биография красит автора, а наоборот – автор «мазюкает» свою биографию.

Откуда такой псевдоним – Иржи Грошек?

А кто Вам сказал, что это псевдоним? Лев Данилкин из московской «Афиши»? Так мы с ним пиво в Праге не пили и кнедликами на брудершафт не закусывали... И вообще, меня в последнее время очень веселит «развернутая» полемика – чех я али не чех?.. Так и подмывает прийти куда-нибудь на «официальную» тусовку – в балетной пачке и в чешках, да ноги брить неохота. Вот лет двадцать

назад уж я бы похулиганствовал. Жуткий был обормот! Впрочем, надеюсь, что таким и остался... Вы не знаете, где продаются приличные чешки?..

На самом же деле автор должен жить не в Праге и не в Петербурге, а в собственном тексте. Такая у него прописка, как у Диогена – «перекати-бочка». А если автора читают в ограниченном пространстве (в раздельном или совмещенном), то используют странички – по необходимости...

Почему бы было не выбрать псевдонимом что-то типа Клары Гасуль, благо ныне женская литература в фаворе и от лица женщин Иржи Грошек написано немало проникновенных страниц? Со знанием дела, нужно отметить...

Да уж... Балетную пачку надеть, конечно, можно... Вот все остальное – куда девать? Я к тому, что «проникновенные страницы» как ни крути, а все равно – мужские, простите за пошлость. И «знание дела» у меня поэтому – специфическое, какое и положено мне от природы. То есть я особенно не маскируюсь, как десантник, прыгая на «вражескую» территорию, – все равно, если поймают, непременно «раскусят». И остается надеяться, что мои фантазии будут и дальше забавлять оригинальных женщин. «Кто это там?» – «А это неуловимый Грошек!» – «А почему он „неуловимый“?» – «Да кому он... Пусть бегают!»

Вдобавок разделение литературы по половым признакам – на женскую и мужскую – сродни прозаическому онанизму. Мол, читаем порознь и заняты собой индивидуально. К тому же литературный онанизм – неблагодарное для писателя занятие. Вырожденческое.

Какие еще псевдонимы хотелось бы опробовать на себе?

Гомер, Лев Толстой, Умберто Эко, Джованни Боккаччо, Джон Фаулз, Петроний Арбитр... Жаль только, что они заняты...

Если серьезно, то все, что будет опубликовано, – будет опубликовано под именем Иржи Грошек. Во всяком случае, в ближайшее время я не собираюсь штамповать книжную серию под псевдонимом «Дед Мазай и Зайцы». (Все имена и совпадения в данном

случае – совершенно случайны.) Другое дело, когда меня разобьет маразм и импотенция – одновременно. Тогда у меня будут оправдательные причины... Что же касается нынешних книг Иржи Грошека, то могу лишь процитировать Понтия Пилата: «Что я написал, то и написал!»

Книги Иржи Грошека выпускались известным издательством в расчете на то, что обожающий яркую, остроумную интеллектуальную и в то же время легкую прозу читатель наконец-то обретет своего писателя... Оправдались ли надежды Иржи Грошека (про издательство уже не спрашиваю) на своего читателя?

Нет!!! Они не переводят на мой лицевой счет – каждый по одному баксу! Хотя я не очень на это и надеялся... Ведь он (читатель) и так потратился на приобретение книг. А если учесть время, израсходованное на прочтение; а электроэнергию перемножить на человеко-ресурсы – то я в долгу у всей страны, а у Чубайса с Починком – в частности (простите, что упоминаю вас все).

Мне кажется, что у читателя конструктивно не запланирован автоответчик «свой – чужой». Поэтому в него «стреляют» все кому не лень. И пишут, и пишут; и пишут, и пишут... Только успевай уворачиваться! И вот он лежит подбитый, крылья сложены, и ничего больше читать не хочет, а только думает – как бы устроиться ему подальше от литературы и помереть спокойно. А смерть никак не идет. «Разве что посмотреть телевизор?» – думает читатель. А оттуда на него – Донцова, Маринина и Доценко (все совпадения и в данном случае – совершенно случайны), книжками размахивают и кричат: «Ты свой, ты свой, ты свой!!!» «Ну наконец-то...» – думает читатель и закрывает глаза...

В «Легком завтраке» сюжет ходит вокруг героя с именем Милош Корда, в «Реставрации обеда» – вокруг Йиржи Геллера. И тот и другой персонажи явно тождественны самому Иржи Грошеку. На каждый следующий роман следует ожидать нового лирического героя с новым именем? И каждому ли последующему герою будут приписываться заслуги и достоинства Иржи Грошека?

Я, извините, сомневаюсь, что мои герои «сильно лирические». А если учесть, что никаких заслуг у И. Грошека нет, то это и не герои вовсе, а художественные аномалии. Хотя история любит посмеяться над человечеством и над его «героями»... Когда скончался Поджо Браччолини, известный писатель Возрождения, автор знаменитых (но – фривольных) «Фацевий», жители Флоренции заказали ему статую, которая была установлена у собора Санта-Мария-дель-Фьоре. Сотни лет спустя, во время очередной перестройки, эту статую случайно переместили в сам собор, и теперь Поджо Браччолини возвышается рядом с двенадцатью апостолами. От этой «перестановки» герои Поджо не стали моральнее, но не выносить же статую обратно на улицу. Только служителям собора приходится постоянно указывать прихожанам, мол, это не апостол, а Поджо Браччолини. Случайно поставлен здесь, а не в назидание.

Судя по биографии, Иржи Грошек любит заниматься несколькими делами одновременно: кинематограф, литература, рекламный бизнес...

Отнюдь. Я, например, не могу есть и спать одновременно. И вообще не обладаю разносторонними талантами, а без них все считается безделицей. Я перепробовал множество специальностей, обстоятельств и масок, как трагических, так и комических. А в результате вернулся к тому, чем занимался с пяти с половиной лет: продолжил сочинять разные истории. Так что можно сказать – на другие дела я не отвлекался...

Поскольку для творчества этот момент оказался, скорее всего, жизненным, – как познакомился И. Грошек с будущей женой А. Владимировой (можно две версии – мужскую и женскую)?

Наподобие «Хазарского словаря»? Ну что же...

Версия первая (патриархальная). Время от времени у всякого мужчины случается приступ «близорукости». Он шарит вокруг себя руками и обнаруживает: реже – даму, чаще – кружку пива. Мне повезло, я ухватился за то и другое – синхронно. И долгое время размышлял: почему это дамы хлопают меня по морде, когда за них

хватается?! От этого же проливается пиво!.. Отсюда вывод: чем слабее дама, тем полнее кружка. А значит, и живешь с ней дольше. С дамой, разумеется...

Версия вторая (трагическая). Время от времени у всякой женщины случается приступ «чистоплотности». Она начинает прибираться в доме и обнаруживает там – мужчину. И остается только вспомнить – для чего он здесь сидит? Если вышеназванная личность приобретена вместе с комплектом постельного белья, то не пора ли сдать его в прачечную? А если он появился вместе с тараканами (в голове), то можно и – отравить. Хуже, когда мужчина показывает свидетельство о браке. Лучше, когда с посторонней гражданкой Грицацовой... Отсюда вывод – чем больше порядка в доме, тем меньше мужчин. Это, конечно, по-христиански, но менее прибыльно...

Устраивая свой быт в литературной семье, Ваш знаменитый кот Магвай не мог не возлюбить запах свеженпечатанных книг. Не собирается ли и он издать «Житейские похождения кота Магвая»?

Зря глумитесь, поскольку ни о каких «похождениях» кота Магвая теперь не может быть и речи... А ведь я его предупреждал: заканчивай свои мартовские песни. Такая вот получилась «Дискоотека Авария». Теперь Магвай валяется на пуфике и апатично наблюдает, как бегемоты в телевизоре занимаются воспроизводством. Думаю, что он замышляет кляuzu – «почему в дневное время на канале „Планета животных“ транслируют эротические программы?!». Вдобавок Магвай еще раз обнюхал «Голубое сало» Владимира Сорокина и заявил, что никакого сала и порнографии там нет. Вот бегемоты на голубом экране и в самом деле черт знает чем занимаются... А в остальном Магвай – истинный перс. С удовольствием ест финики, инжир и сушеные бананы, а если поперчить свеклу и заправить ее майонезом, то – тоже с большим аппетитом.

Простите, но чем еще кроме книг и кота примечателен Ваш дом?

Лестницами. На которых все время что-нибудь валяется, включая книги и Магвая... Вот по этому поводу – следующий исторический

анекдот... Петрарка, страстный почитатель Цицерона, обнаружил в Вероне многочисленные сочинения знаменитого римлянина и принялся их переписывать. В результате долгих и усердных трудов у Петрарки получился объемистый фолиант из писем Цицерона, который не помещался ни на одну книжную полку. Не зная, куда его можно пристроить, Петрарка положил фолиант на пол, как теперь говорят – в прихожей. Вскоре, возвращаясь с прогулки, Петрарка споткнулся об этот «кирпич» и повредил себе ногу. На следующий день повторилось то же самое, и на другой день – аналогичное. Несчастный Петрарка все время бился о Цицерона, покуда не слег от полученных травм... Мораль сей басни такова: не сотвори себе кумира. А я, спотыкаясь на «лестнице знаний» о чью-нибудь книгу, всякий раз теперь вскрикиваю: «Вашу мамашу! Цицерон!!!»

Где же в действительности обитает И. Грошек – в России, Чехии или?.. Как уживаются оригиналы романов с их литературными двойниками – русскими переводами?.. Чем И. Грошек занимается помимо литературных трудов?..

Вам непременно хочется, чтобы я наврал?.. Пожалуйста!

а) До недавнего времени жил я в коммунальном пентхаусе на набережной Лафайет, что в Каннах. Сейчас перебрался в отдельное бунгало;

б) «оригиналы» романов чувствуют себя значительно лучше по сравнению со своими «русскими двойниками»;

в) помимо литературных трудов И. Грошек «курит бамбук» и снимает рекламные видеоклипы для телевидения...

И еще... От одного моего взгляда беременеют любопытные журналистки...

Вопросы: Рена Астренкова

Опубликовано: «Петербург: На Невском», 2003

Интервью третье

У писателя, как у кошки, девять жизней

С момента выхода Вашей первой книги в интернет-форумах, так или иначе связанных с литературой, до сих пор бушуют страсти по Вашей персоне. Существует ли Иржи Грошек как реальная личность или нет? – задают вопрос Ваши читатели. Вы помните тот момент, когда некто первый усомнился в реальности Вашего существования? Какой промах Вы или Ваш официальный биограф допустили, какой подводный камень не учли?

Первым в реальности собственного существования – усомнился я. «И угораздил же черт с такими автобиографическими данными родиться – Иржи Грошеком!» После чего состряпал поздравительную телеграмму на имя Чешской Республики, где особо подчеркнул, что в действительности считаю себя – сукиным сыном... Следующий, героический поступок, котрый я вознамерился совершить, – это приписать сочинение «Легкого завтрака в тени некрополя» Василию Шандыбину и сразу же заготовить некролог, чтобы ему не пришлось ездить ко мне дважды... И наконец, проспавшись, стал утверждать, что никаких читателей вовсе не бывает... Ведь если меня нет – то какого Грошека они читают? Ибо, как выразился гениальный, но преждевременный журналист из «Комсомольской правды»: «Грошек – литератор хоть и талантливый, но вымышленный!» Здесь, как мне кажется, уместно процитировать другого классика, а именно – Винни-Пуха: «Мед, извините, странный предмет! Только что был, и вот его – нет!»

Почему Вы предпочли публичной жизни удачливого и талантливого писателя башню из слоновой кости, которую, как я предполагаю, Вы воздвигли себе в Интернете?

Публичная жизнь писателя столь же абсурдна, как уединение – оратора. Вдобавок и без меня хватает литературных стриптизерш – обоюго пола. «Писатель – фу! Писатель – фас! А ну-ка, писатель, дай лапу!» – публичная жизнь подчиняется кинологическим законам шоу-бизнеса, а я не готов носить поводок, намордник и «служить» за литературную премию. Если мне захочется стать нобелевским

лауреатом – я тотчас же им стану, «присобачив», что герою моего романа, Йиржи Геллеру, вручили самый престижный в мире грант. А на следующий день – Гонкуровскую премию. Что, собственно, я и делаю – сочиняя каждый раз автобиографию для обложки. «Кинорежиссер... Автор фильма о двенадцати брендмейстерах... Выведен, с помощью химикатов, из восьми языков...» Ведь у писателя, как у кошки, девять жизней, и я не собираюсь ограничиваться одной. К тому же башня – это недвижимость и капитальные вложения, а популярность – каприз читателей. Сегодня им нравится твой стриптиз, а завтра случается целлюлит...

Положа руку на сердце, что Вы можете сказать о читателе, который поддается на литературную мистификацию и тем самым автоматически создает писателю «модную» репутацию? Ведь никакого удовольствия, кроме небольшой изжоги после вкусного литературного ужина, он не испытывает?

У Метерлинка есть пьеса, кажется – о семи слепцах. Вполне возможно, что слепцов было больше, но пьеса в основном посвящена «ясновидящим». Так вот, однажды немощный поводырь завел слепцов в лес и скончался от старости. Однако среди незрячих была беременная женщина, и в ту же ночь она родила совершенно здорового ребенка. Сидят слепцы среди сосен и бедствуют, поскольку старый поводырь умер, а новый хоть и видит, но ничего не понимает и не может никуда вести... Отсюда – многочисленные выводы. Не верьте писателю, который утверждает, что в его романах – исключительный реализм, что «все как в жизни». Жизнь намного разнообразнее, чем субъективное мнение отдельного литератора. Писатель не Мессия, а всего лишь зрячее Подobie, и чаще всего – не ведет, а только лишь гугукает. Все литературные произведения всех жанров – мистификации, то есть художественные вымыслы. В «Реставрации обеда» я постарался довести этот прием до логического абсурда. Возможно, что туда же последовал и мой читатель, но исключительно по своей воле...

Остальным, после небольшой паузы, сообщаю, что в качестве средства от «изжоги» могу посоветовать энциклопедический словарь, где все биографические данные изложены строго и в алфавитном порядке. Хотя литературного вымысла и там предостаточно, но форма

словаря располагает к стабильности и правильному перевариванию пищи.

В «Легком завтраке» Вы откровенно переписали некоторых античных историков. В «Реставрации обеда» – сфальсифицировали древнюю рукопись... Судя по навязчивости этого мотива в Вашем творчестве, Вы страстно хотели бы заново написать «Дон-Кихота», «Одиссею», «Илиаду», но поскольку все знаменитые имена и сочинения уже разобрали другие, как на уроке истории, – что Вы можете сказать об Иржи Грошеке и где Вы нашли его романы?

Сразу же напрашивается ответ – на помойке. Ведь я же предупреждал: нельзя провоцировать «литературное хулиганье», вроде меня, подобными вопросами. Разглагольствуем дальше...

Имя Иржи Грошека манит неким изяществом. В Вашей биографии упомянуто, что Вы принимали участие в рекламной кампании балета «Трокадеро де Монте-Карло», известного тем, что в нем мужчины исполняют женские партии (правда, не так серьезно, как это происходит у Валерия Михайловского). Вы превосходно знаете женщину и 80 процентов своих произведений отдаете ее многочисленным эманациям. В Интернете муссируются слухи о том, что Иржи Грошек женщина, а именно Анна Владимировна (разрекламированная как супруга И. Г.). Не играете ли Вы (в силу своей острохарактерности) в античный театр со своими читателями, примеряя на себя маску персонажа противоположного пола? В данном случае – маску мужчины? (Мне так и видится картина выбора псевдонима Грошек: более озабоченная литературой, нежели кухней, дама на скорую руку решает сварить суп из «заморозки», берет первый попавшийся пакет с овощами, а на нем латиницей написано «грошек», сиречь – горошек.)

Три типа женщин мне не интересны: блондинки, замужние и вдовы. От первых я устал, вторые пугают меня картинами Страшного суда, а третьи – статуями Командора. Вдобавок я уверен, что Дон-Жуан печальнее Дон-Кихота, и поэтому время от времени напяливаю образ донны Анны. Как говорят англичане: под каждой крышей свои мыши, на каждом чердаке – свой медный тазик и другие доспехи странствующего рыцаря...

Если читателю хочется представить Иржи Грошека женщиной – пусть представляет. Я не против «раскрыть свои карты», даже из дам

четырех мастей. «Догадка» русского читателя понятна, ибо по «доброй» традиции – кто «председатель похоронной комиссии», тот и будущий генсек; а если Грошек – литературная мистификация, то «переводчик с чешского» и есть Иржи Грошек, иначе говоря – Анна Владимировна. Не может человек, в силу амбиций, не оставить свой «след» в книге...

Да будет так! Но в связи с этим возникает вопрос: какую фотографию надо присылать для журнала – женскую или мужскую? Чтобы нагляднее раскрыть «тайную доктрину Иржи Грошека...»

Если, по Вашему же утверждению, Вы говорите только правду, Вы можете сказать: «Да, меня зовут не Анна Владимировна!»

Могу. Но тогда назревает следующий вопрос: «Кто я такой на самом деле?» (по этому конкретному поводу попрошу – без эпитетов:))

Вопросы: Рена Астренкова

Опубликовано: журнал «ТНЕ», 2004

Интервью четвертое

Нет ничего, кроме текста

...вдруг раздался новый телефонный звонок.

– Идиотка! – сообщил я, прежде чем дама повесит трубку.

– Ах! Вы уже прочитали... – прозвучало в ответ.

Это звонила одна журналистка, которая делала со мной интервью.

– В смысле? – попробовал я заглянуть возникшее недоразумение.

Но журналистка так и осталась при мнении, что «идиотка» была адресована ей – в виде рецензии на интервью...

– Я только хотела сообщить, – сказала она, – что интервью напечатали наше...

– Моё, – уточнил я.

– Ё-ё! – согласилась со мною журналистка. – На полосе предпоследней...

И бросила трубку.

*Отрывок из романа Иржи Грошека
«Файф»*

Алло! Алло! Добавочный – три, шестьдесят, две! Грррммм... Позовите, пожалуйста, Иржи Грошека! Здравствуйте! Это звонит одна журналистка! Нет, нет, не знакомая, но очень, очень хочет познакомиться! Грррммм... Вы не могли бы ответить на ряд вопросов?

Жду!

Кто Вы – чех или не чех? Как попали на литературный олимп? Мужчина Вы или женщина? И когда сегодня будете дома?

Итак, на литературном олимпе, как вы говорите, в ходе следственно-филологических мероприятий было найдено тело

писателя. Мужчина. Средних лет. А дальше по протоколу местной полиции: «знак ГТО на груди у него – больше не знаем о нем ничего!». И три года ждали, когда парень протрезвеет и сам признается – как зовут и от какой туристической группы отбился... Пространно отвечаю, что: зовут меня Игорь. Русский. Проживаю в Санкт-Петербурге. Как попал на олимп, не помню... И угораздил же черт с такими биографическими данными уродиться Иржи Грошеком!

А почему Вы взяли именно «чешский» псевдоним?

А вы очень настойчивая!

Вначале я написал роман и стал предлагать его разным издательствам под собственными фамилиями – Иванов, Петров, Сидоров. Слава богу, никто не взял. Тогда я решил, что писателя из меня не получится, и переквалифицировался в редакторы журнала. Помните, как у Саши Черного: «Не много нужно знаний и отваги, чтоб ляпать всем: „Возьмем“, „Не подошло-с!“». И только я отработал эту манеру, как грянул дефолт тысяча девятьсот девяносто восьмого года от рождества тогдашнего министра финансов. Два нуля отвалились, журналисты разбежались, и пришлось мне заполнять журнал своими сочинениями, но под разными псевдонимами, как то: Копейкин, Геллер, Сентаво и ГрошИк. Что было вполне объяснимо на тот экономический период. Но к сожалению, корректор тоже «отвалился», и первая глава «Легкого завтрака» появилась под «чешским» псевдонимом ГрошЕк, а то быть бы мне «сЯнтавой». Ямамура Сянтава! «Перевод с японского Анны Владимировой». Что же касается имени – Иржи, то я пребывал в полной уверенности, что это аналог Игоря. Люди! Не повторяйте моих ошибок! Йиржи – это Георгий, и пишется несколько иначе. Поэтому псевдоним Иржи Грошек прошу считать исконно русским произведением, как «Слово о полку Игореве».

«Легкий завтрак в тени некрополя» – это Ваш первый роман? Было опубликовано что-нибудь раньше?

Только глава из «Легкого завтрака», когда я воспользовался дефолтом и своим служебным положением. До этого была рукопись о пяти экземплярах. Повесть не повесть, пьеса не пьеса – словом, некий литературный опыт по соблазнению тургеневских барышень. Написана специально, чтобы барышни эту повесть читали и хохотали до полной потери тургеневской бдительности. Здесь появлялся сам

Автор, ну а дальше – по обстоятельствам... Отсюда массового читателя, свыше пяти экземпляров, я расценивал как редкостное художественное извращение. Однако умудрился поступить с этой повестью в Литературный институт имени Горького, где проучился целых полгода. Не знаю, на что я рассчитывал, однако Андрей Платонов уже не работал в Литературном институте дворником, а «быстрые Невтоны» не размножались со скоростью хотя бы два Невтона за месяц. Лев Николаевич Толстой не бегал по коридорам, Николай Васильевич Гоголь не резался в картишки с Федором Михайловичем Достоевским. То есть меня поразила обыденность литературного процесса и общежитие на улице Руставели. Вдобавок я никак не мог вычислить, кто из двенадцати негрят будущий Пушкин. Поэтому сильно расстроился, решил, что писателя из меня не получится, и переквалифицировался в рекламные деятели... Но Литературный институт всегда вспоминаю со всей теплотой, на какую способен.

В своих романах Вы постоянно обращаетесь к античности. Можно сказать – взываете. А почему именно Древний Рим, а, к примеру, не Темное Средневековье? Или Кватроченто?

Потому что я лет пятнадцать-двадцать читаю только античных авторов. За редкими исключениями в виде Джойса, Фаулза, Эко, Дэвиса, Кафки, Ионеско, Мрожека, Гоголя, Сервантеса, Кэрролла и снова Джойса. Причем всю античную литературу я расцениваю как единую книгу и запросто могу переключаться с Лукиана на Тацита, а с Апулея на Веллея Патеркула или Феофилакта Симокатту, что, собственно говоря, уже Византия. Все зависит от примечаний и ссылок в тексте. А здесь появляются книги из разряда «Исследования», но я не стану вас утомлять такими подробностями из своей личной жизни. Скажу одно – темное средневековье уже не за горами! И хорошо бы не помрачение рассудка! Хотя во многих случаях писатели берут вдохновение из собственного заболевания, когда лучше бы – правильно подобрать таблетки.

А Вы случайно не историк по образованию?

Увы мне, увы, я дилетант. Во мне даже нет одержимости Генриха Шлимана – самого известного дилетанта из области античности. «Слепой Гомер – это красивая сказка!» – утверждали ученые мужи, а Генрих воскликнул: «Гиссарлык!» – и откопал Троию. «Какая

дилетантская удача! – ухмыльнулись ученые мужи. – Попасть пальцем в Троию!» А Генрих Шлиман тем временем отправился дальше и обнаружил древние Микены... Я только лишь подчеркиваю, что дилетант роет во всех направлениях с энергичностью фокстерьера, что, собственно, не отрицает систематического образования. Имея за плечами исторический факультет, намного легче проводить «земляные работы». Однако, возвращаясь к Генриху Шлиману, есть и Божественное вдохновение, но я сожгу эту книгу своих рассуждений, как Гоголь второй том «Мертвых душ», как Теодор Моммзен четвертый том «Истории». Потому что изначально существуют лишь две подлинные книги – «Библия» и Гомер. А все остальные рассуждения и сюжеты черпаются оттуда. И лучше по поводу Божественного вдохновения прочесть оригинал, чем слушать, как на эту тему булькает Иржи Грошек.

В аннотации к «Легкому завтраку» было сказано, что Вы чешский писатель, критик и кинематографист. Это часть литературной игры, что Вы затеяли? Или Вы действительно работали в кино?

Увы мне, увы!.. Впрочем, на эту тему я только что разглагольствовал... Добавлю только, что я пробовал взыскать с издательства хоть что-нибудь за «переводы» Иржи Грошека. Однако не встретил должного понимания... Я действительно принимал участие в съемках программы для питерского телевидения, когда отчаялся стать писателем и переквалифицировался в сценаристы. Сейчас мне самому трудно поверить, что это была спортивная программа. Так что «Ленфильм» вряд ли переименуют в киностудию имени Иржи Грошека. И честно сказать, «видного чешского писателя, критика и кинематографиста» присобачил мне редактор, поддавшись внезапному поэтическому вдохновению, а также выдал мне приз на фестивале в Сан-Себастьяне за «малолитражку» под названием «Жизнь двенадцати брандмейстеров»! Но это после четвертой кружки пива, что полностью снимает с него всю ответственность за художественное безобразие. Дело в том, что проект «Иржи Грошек» сам напрашивался на литературную мистификацию, а мы попросту бултыхались в кильватере. Сам текст «Легкого завтрака» определял развитие событий. И я, и, естественно, редактор смотрели на него несколько отстраненно. Как у Гоголя – «он бачь, яка така намалевана!». Текст

выглядел интересно, однако мы терялись в догадках – с чем его подавать на книжном рынке. Отсюда и затянувшаяся по времени трилогия, и прочие гастрономические ингредиенты в виде «Реставрации обеда», где я пустился во все тяжкие, уже зная, что «гильотина не работает» и что читателю «Завтрак» понравился, что бы там ни значилось на обложке... Впрочем, об этом я рассказываю в романе «Файф», не прибегая к услугам «переводчицы».

Простите за нескромный вопрос: а таинственная Анна Владимировна, «переводчик с чешского», как заявлено в Вашей книге, действительно существует? Вы женаты?

Женат. На Анне Владимировой. Она действительно существует и время от времени меня переводит. «Что-что он сказал?» – переспрашивают подруги у Анны Владимировой. «Ничего не сказал! – отвечает Анна Владимировна. – Сардельку жрет-с! Ишь как урчит, бедный! Проголодался!» А познакомились мы иначе, но эта история из другого романа. Для остальных, после небольшой паузы, сообщаю, как можно познакомиться с современным писателем. Подключиться к Интернету, зайти по адресу <http://diogen-pithos.livejournal.com>, выбрать себе писателя, а дальше знакомиться с ним, покуда не надоест. Кстати, по этому адресу находится мой «живой журнал». Простите, тяжелое рекламное прошлое выиграло...

Как Вы писали в романе «Файф», «в недрах России могли происходить нереальные события, которые возникали вследствие одного обстоятельства – что „дело было в России“». То есть Вы наконец вернулись на историческую родину?

С первой строки «Легкого завтрака» я и писал «про Россию». «Чешский писатель Иржи Грошек» – не более чем литературный прием... Что мы знаем о Таците? В каком объеме подделал его рукописи Поджо Браччолини? И тем не менее мы судим о римских императорах, и в частности о Нероне, опираясь на «Историю» и «Анналы» Корнелия Тацита. А сколько еще источников повествуют об этом венценосном изверге? Я имею в виду Нерона... Светоний да Кассий Дион, причем с произведениями последнего автора мы знакомы по большей части из пересказов. Однако «Жизнь и приключения Луция Домиция Агенобарба по кличке Нерон» в пересказах и перепересказах изобилует такими душераздирающими подробностями, что, на мой дилетантский взгляд, эти произведения –

триллер, а не летопись императорского Рима. Я не ставил себе целью реабилитировать Нерона, однако такое количество патологий исторической личности хватит одной тысяче Фрейдом на две тысячи докторских диссертаций. Я не стану их здесь перечислять и анализировать, достаточно открыть вышеперечисленных авторов, а также книги из разряда «исследования» и посмеяться в собственное удовольствие. Что я и сделал. Открыл и посмеялся. Потому как не понимал – за каким, извините, дьяволом императору спать с собственной матерью? Или поджигать дом, в котором проживаешь, и петь песни... Это всенародный триллер! Сродни современному, скажем, интеллектуальному триллеру, где писатель сидит и придумывает немыслимые психологические извращения с целью потрясти читающую общественность. Я потрясен! Но современных триллеров не читаю...

То же самое касается и России. Ибо, по мнению западных аналитиков, если на Красной площади не разгуливают медведи – значит, у них обеденный перерыв... Отсюда – Иржи Грошека можно расценивать как мой ответ Чемберлену. Не верьте всему, что написано. Особенно в художественной литературе. На то она и художественная, включая обложки и примечания.

Ваши книги легко читаются, однако их трудно причислить к определенному жанру или течению. И как написал известный еженедельник, за последние пять лет «Грошек превратился в классика и законодателя мод в стиле, им самим же и созданном...». Как Вы можете охарактеризовать свой стиль?

Подлинное безобразие! Потому что нахожусь в поиске – как можно еще распорядиться кириллицей. Посадить предложение, скрестить его с абзацем и вырастить роман. Однако я не Мичурин русской словесности. Все это было задолго до меня и будет после. Поэтому я не понимаю многих современных авторов, которых буквально распирает от важности. Можно сказать – пучит. Всего-то тридцать три буквы, а сколько самомнения! Как говорил один известный продюсер, обращаясь к вокальному ансамблю, «Пойте, твари!». А все остальное приложится. Отсюда всякие рассуждения о стилистических особенностях и особом положении писателя я не люблю. Просто пишу и стараюсь писать просто.

Ваши книги автобиографичны?

Все книги автобиографичны в той или иной степени. И главное для писателя, чтобы ему поверили. Например, я никогда не бывал в городе Брно, пусть развивается он и хорошеет. Когда в «Реставрации обеда» я описывал железнодорожный вокзал, то вспоминал город Горький, теперь Нижний Новгород, откуда я возвращался из командировки. За полчаса до отправления поезда купил билет и оказался в вагоне с туристической группой, которая выезжала на две недели в Финляндию. Время было самое застойное, я – веселый и нахальный, город Горький – закрыт для иностранцев, туристическая группа – зашугана комитетами. Отсюда мизансцена: весь вагон следует в капиталистическую страну Финляндию через славный город Ленинград; в самый последний момент на тридцать шестом месте появляется загадочный пассажир и рассказывает политические анекдоты, словно громкоговоритель: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!» Ну и какие могут быть выводы у затюканных туристов?! Отсюда следующая мизансцена: четыре мужика в купе; водки никто не пьет; где в городе Горьком живет академик Сахаров, никто не знает; над моими политическими анекдотами никто не смеется. Только интересуются: а вы вместе с нами будете в гостинице проживать? Нет, все это я и представлял, когда трудился над «Реставрацией обеда». И совсем недавно встречаю господина, который долгое время жил в Чехии, а он говорит мне: «Спасибо!» «За что?» – интересуюсь. «Ну как же! – отвечает господин. – В вашей „Реставрации обеда“ город Брно как живой! Я аж прослезился. Воспоминания нахлынули!» Поэтому совсем не важно, о чем мы пишем, главное – что вы себе представляете!

А есть ли узнаваемые персонажи в Ваших книгах? Например, знакомые, родственники, друзья... Иначе говоря – прототипы, и как они к этому относятся?

Никак. Потому что в реальности ничего не существует, кроме текста. Позволю себе процитировать «Пять фацевий „а-ля рюсс“»: «Мы живем, как предписано Неизвестным автором. Рождаемся и умираем, влюбляемся и негодуем, насмехаемся и рыдаем – все вершится по воле Его литературного замысла...» Поэтому все мои знакомые – это герои Большого романа Неизвестного автора, а «переводчик А. Владимирова», питерское издательство «Алфавит» и

редактор Александр существуют исключительно на страницах моих произведений.

Ну и последний вопрос: чего нам ждать после «Файфа»?

«О-клока». Ведь Большой роман Неизвестного автора – продолжается!

Спасибо читателям, что читали! Спасибо Анне Владимировой, что составляла мне компанию! Спасибо дочери Лене за то, что она у меня есть! Спасибо коту Магваю за мудрые замечания! Спасибо за «Оскар» и «Нобелевскую премию»!

2005

Опубликовано в нескольких периодических изданиях

Интервью пятое

Классическая диета

Вы, пожалуй, один из самых таинственных писателей. Можете ли Вы приоткрыть завесу таинственности и рассказать о себе?

Рассказать – могу, приоткрывать – ничего не буду! Потому что вид полураспахнутого писателя может нанести читателям травмы, несовместимые с художественной литературой. Вдобавок, как я понимаю, мы люди позитивные, то есть – нудисты против вуайеризма? Впрочем, какая мне разница: нудист, вуайерист или журналист?! Если ни с одной из этих трех категорий граждан я не встречаюсь и отвечаю на вопросы корреспондентов только по электронной почте.

И что здесь загадочного, когда человеку сегодня лень выходить из дома? Тем более что завтра с моей таинственностью будет покончено – я выпью все пиво, и поневоле придется бежать в магазин. Теперь вы знаете, что Иржи Грошек не чуждается общества и может запросто постучать воблой по кассе! А в остальном... Зовут меня Игорь, фамилии не скажу, иначе – припрутся ко мне из ЖЭКа и вырубят электричество. Иржи Грошек – это литературный псевдоним. Ведь Кафка тоже писал под псевдонимом – Хармс!

Как Вы вообще стали писателем? И почему выбрали себе такой псевдоним?

Стечение обстоятельств – «поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс»! Принялся осторожно ощупывать ушибленное место, и оказалось, что это не гипс, а голова. Ну, думаю – с такими-то литературными данными надо писать иронические детективы. Да по три штуки за месяц! Жена обрадовалась, мол, денег заработаем! Кот обнаглел – стал требовать собачьи консервы. Но тут мне снова стукнуло в голову, что я чех, и – все пропало! Вначале деньги, что я потратил, как первый взнос, на чешское пиво. Затем – богемское стекло, из которого я пристрастился хлебать это пиво и раскокал все вазочки емкостью не меньше двух литров. И наконец, куда-то подевался Кундера. Ведь сам он не мог уйти на своих обложках?!

Так я стал писателем – вообще! А в частности как научился читать и писать, так и принялся сочинять всякие истории. Потому что писателями не становятся, а рождаются. Такое мое мнение. Отсюда, не надо себя искусственно возбуждать, глядя на книжные полки. Я тоже время от времени представляю себя великим композитором, а как измерю давление – выходит, что в голове гудит. И не музыка это вовсе!

Если бы не литература, в каком еще виде искусства Вы могли бы себя найти?

Вот-вот! И я о том же! Недавно в Интернете обнаружил такую шуточку: «А правда ли, что под малоизвестным псевдонимом Джоан Роулинг скрывается писатель Иржи Грошек?» И можно ответить на ваш вопрос так... Я пробовал малевать, да краски не хватило; я стал музицировать, да клавиши закончились; я думал снимать кино, да Бондарчук не подвинулся. А если бы не разные дурацкие жизненные обстоятельства – я написал бы «нонет» о Гарри Поттере! А Роулинг родилась бы в России и работала арматурщицей на заводе под Рязанью. В связи с этим вопросом позвольте процитировать небольшую притчу из своего нового романа «Большая реставрация обеда». Сами напросились!

«Некая женщина все время жаловалась, что, если бы не разные обстоятельства, она могла бы стать великим композитором. А так ей приходится отплясывать нагишом в захолустном трактире. „Жизнь, – говорила она, – меня выгнала на панель, а могла бы сложиться иначе!“

И вот надоело Боженьке слушать всякие рассказы, и решил Он сотворить чудо. Дал этой женщине два рояля и мужа-мецената, о котором говорили, что со своими деньгами он из медведя сделает прима-балерину. Однако медведь иногда хоть встает на задние лапы, а наша женщина, честно сказать, не знала, как подступиться к роялю. И, невзирая на вложенные средства, симфонии из нее не посыпались. А только стала она промышлять на панели, как прежде, потому что имела природную склонность к этому делу. Да и фигурой Бог ее не обидел.

Мораль сей притчи такова: как задом ни верти, а от себя не уйти!»

«Легкий завтрак в тени некрополя» смотрится как цельное, законченное произведение. Вы сразу задумывали сделать цикл из нескольких книг или же идея продолжений, в которых, собственно, раскрывается образ автора, пришла позже?

Намного позже. Потому как я не думал, что читатели примут мою «чешскую литературу» за чистую монету, в смысле – за кроны с геллерами. Я писал об этом в романе «Файф», когда окончательно «обрусел». Особенно меня волновали брошенные на произвол судьбы «двенадцать брандмейстеров», что присобачил на обложку «Легкого завтрака» мой редактор Александр Гузман. Де, молодой режиссер Иржи Грошек получил приз жюри на каком-то там фестивале за короткометражку «Жизнь двенадцати брандмейстеров». А что с ними дальше-то делать?! Если расценивать обложку романа как неотъемлемую часть литературного произведения. Вот и пошли они кочевать, солнцем палимы, во главе с брандмайором из романа в роман, правда в виде афоризмов и эпиграмм. Это грязный пиар?!

Я об этом спросил, поскольку читатели делятся на две категории. Одни воспринимают литературную мистификацию как увлекательную игру в чистом виде. Это нудисты! Другие все время пытаются что-нибудь приоткрыть, кроме текста. Это вуайеристы! Последние видят везде грязный пиар, гнусные художественные махинации и «стереокино», которое, как известно, «обман трудящихся»! «Какое литературное злодейство учинил этот Иржи Грошек! – кричат они. – Мы думали, что „Легкий завтрак“ это чешская эротика, а оказалось, что русская порнография!» Пользуясь случаем, отвечу «вуайеристам» цитатой из своего романа:

«Ведь, по сути дела, всякое человеческое восприятие – зеркально. И если вы видите в некоем тексте порнографию, то не спешите об этом распространяться, поскольку любое литературное произведение – это психологический тест. Говоря иначе – проективный метод исследования личности при помощи двенадцати специальных таблиц. (Примечание. Брандмейстеры! Брандмейстеры!) И „грезы о порнографии“ там, где, собственно, ее – нет, могут плохо сказаться на вашем реноме...»

Помимо всего прочего, Вы являетесь довольно известным блогером. Когда Вы завели интернет-дневник и почему?

Я предпочитаю название «интернет-журнал». Детское отвращение к дневникам и двойкам... Журнал я завел месяца два назад и поэтому не понимаю, когда и как стал известным блогером. Вот что творят современные высокоскоростные технологии! Сегодня – в инете, завтра – в декрете! Ну, разумеется, ко мне это не относится...

Я долгое время не хотел заводить интернет-журнал, поскольку считал, что писателю надо сосредотачиваться на романе – смотреть в потолок, пить пиво, протирать компьютерный монитор, лежать на диване и не расходовать себя по пустякам. Вдобавок издатель тоже шляется по Интернету, и такие новости – сколько ты выпил за день пива – могут пагубно повлиять на его психику. А если серьезно, то Live Journal или Blogger теперь обычный вид коммуникации наряду с электронной почтой, мобильной связью и так же необходим современному человеку.

Чем Вас привлекает интернет-сообщество?

Тем, что можно общаться с людьми, а не просто с читателями. Суммарный тираж моей «кулинарной» трилогии («Легкий завтрак в тени некрополя»; «Реставрация обеда»; «Файф») – около ста тысяч книг, а до недавнего времени я регулярно общался только с четырьмя экземплярами: женой, котом, компьютерным монитором и редактором. Конечно, я несколько утрирую, однако издательство хранило в тайне мое русское происхождение и хитро всем подмигивало, что «погодите, детки, дайте только срок – будет вам и белка, будет и свисток!». Честно сказать, я не разделял с издательством этой интриги, предполагая, что писатель он и в Африке писатель. И если книги его читаются, то какая разница – чех он, русский или турок... И вот – «пришел срок», издательство подобрало себе других писателей, более продуктивных, но теперь я могу общаться с читателями. Пусть и виртуально, зато абсолютно раскрепощенно. Например:

Ник-нейм-один: Что чувствует писатель, когда видит свою книгу на книжных полках?!

Иржи Грошек: Мне сложно судить обо всех писателях, поэтому – отвечаю только за себя... После первой книги – писатель впадает в эйфорию! Он думает, что стал «широко известным писателем». При каждом удобном случае он заходит в книжный магазин, топчется рядом с полкой, где красуется его книга, и осторожно поглядывает на покупателей! «Купят – не купят, плюнут или – к черту пошлют?!»

После второй книги – писатель сходит с ума! Он смотрит на собрание сочинений, к примеру, Льва Николаевича Толстого и думает: «Эка невидаль! У меня тоже – две книги есть!»

После третьей – я хорошо закусьваю! И стараюсь обходить книжные магазины квартала за четыре. Потому что покупатели, что не

становятся в очередь за твоими книгами, начинают несколько раздражать!

Про переиздания – вообще не хочется говорить. Этот «иконостас» с трудом умещается на книжной полке, что приспособлена для хранения писательского архива. И если ставить по три экземпляра в ряд, то для других книг места не остается! Переиздания – это источник раздора между писателем и женой, между писателем и гостями! «Когда ты спрячешь эту макулатуру в кладовку?! – интересуется жена. – Нормальные книги поставить некуда!» Или... «Я вижу, у тебя полно лишних экземпляров?! – говорит гость. – У меня тут знакомая образовалась – вместе выгуливаем собак, моего Тузика и ее Бобика! Дай-ка свою книгу с автографом, а то приятельница вроде бы и „собачья“, а какой-нибудь малозначительный презент ей сунуть надо!»

Ник-нейм-два: Если бы на «Мосфильме» или в Голливуде (выбирайте сами) снимался фильм о Вас, то кого бы Вы хотели видеть в главной роли?

Иржи Грошек: Шрэка!

Ник-нейм-три: Как можно так гениально писать?

Иржи Грошек: Запросто! Достаточно соблюдать классическую диету: два с половиной литра кофе начиная с девяти часов утра; два пакета кефира в день; полтора литра пива начиная с девяти часов вечера; и Софья Андреевна – одна штука, чтобы как следует это взболтать. А на следующее утро вы будете гениально писать, словно Лев Николаевич Толстой!

Можно ли ждать новых произведений от Иржи Грошека?

Можно и нужно...

Вопросы: Антон Ратников

*Впервые опубликовано в интернет-журналах
Иржи Грошека*

<http://diogen-pithos.livejournal.com>

<http://grosek.livejournal.com>

и

Клок

Пять фазаций «а-ля рюсс»

Пятнадцатого июня, когда последняя экскурсия покинула гардероб, Иван Петровитч зачищал Эрмитаж от рядовых искусствоведов. Двигаясь по своему определенному маршруту, Иван Петровитч гасил в залах свет и переговаривался по рации с Николаем Сергеевичем, который шел параллельным курсом. «Чисто!» – докладывал Иван Петровитч, осматривая очередной зал. «Чисто!» – отзывался Николай Сергеевич. За пару лет служения искусству Иван Петровитч научился отличать картину от скульптуры по некоторым характерным признакам. Под картиной невозможно было спрятаться, зато скульптуру требовалось обойти – по часовой и против часовой стрелки. Время от времени Иван Петровитч манкировал своими служебными обязанностями и не мудрствуя лукаво подкрадывался к статуе и громко топал, отчего у всякого злоумышленника предполагался инфаркт. Как в случае с задремавшей старушкой подле картины Леонардо да Винчи. Очкастый гад, а именно так, по мнению Ивана Петровитча, выглядел музейный злоумышленник, должен был вывалиться из-за статуи – замертво. И больше не досаждать Эрмитажу.

Как обычно, Иван Петровитч встретился с Николаем Сергеевичем у малахитовой ротонды и обменялся дежурными новостями.

– Говорят, что пару залов закроют на реставрацию! – сказал Иван Петровитч.

– Говорят, что четыре! – ответил Николай Сергеевич.

Здесь их маршруты переставали быть параллельными. Николай Сергеевич поднимался на третий этаж, чтобы устроить засаду в зале с импрессионистами. А Иван Петровитч спускался этажом ниже, откровенно завидуя Николаю Сергеевичу. Потому что под портретом Жанны Самари было приятнее и теплее поджидать злоумышленника, чем на каменной скамейке в отделе античной культуры. Но как утверждают знающие люди, «нет худа без блуда». Николай Сергеевич находился бóльшую часть рабочего времени среди развратных картин и пейзажей и постоянно нервничал за их сохранность. Чего не скажешь

об Иване Петровитче, который не сомневался в благонадежности своих экспонатов.

«Зевса не вынесут!» – ухмылялся Иван Петровитч, глядя на многотонное изваяние.

«Порнография или шизофрения?» – размышлял Николай Сергеевич двумя этажами выше.

К этому времени Эрмитаж погрузился в дежурное освещение. Ориентируясь по колоннам, как опытный мореплаватель, Иван Петровитч ловко проскочил между Сциллой и Харибдой на траверзе в античные залы и хлопнул за собой Харибдой. «Пум-пуууум!» – разнеслось по округе. На профессиональном языке музейных работников это означало, что «доступ посетителей прекращен, и лавочка закрыта!» Теперь Иван Петровитч мог откинуть швартовы и в таком непотребном виде затаиться на рейде. Рассчитывая, что злоумышленник запутается в его подтяжках...

В дальнем саркофаге у Ивана Петровитча была припрятана бутылочка пива с хвостиком от леща. По этой причине Иван Петровитч остановился на пороге последнего античного зала и принялся – не завонялся ли хвостик? Однако пахло черт знает чем, но только не вялеными лещами. Как будто античный зал посетила французская делегация номер пять. И меньше всего Иван Петровитч разбирался в парфюмерных деликатесах, зато ясно слышал причмокивание со стороны саркофага.

«Злоумышленник!» – подумал Иван Петровитч, живо представил себе очкастую морду и стал к ней подкрадываться, надеясь застукать ее на акте вандализма.

От возмущения, что гад проник на подконтрольную территорию, Иван Петровитч решил не экономить на батарейках и осветить кровавую сцену карманным фонариком. Что он и сделал. Но сцены не последовало, и кровь не пролилась, а застыла в органах у Ивана Петровитча. На саркофаге сидела молодая женщина и попивала из бутылки пиво...

– Ваше? – спросила она, болтая ногами.

Эту бутылочку Иван Петровитч купил за два квартала до работы. Протащил сквозь металлоискатель и детектор лжи в образе главного контролера. Поставил в саркофаг охладиться и собственноручно

зачистил лещику хвостик... Словом, есть отчего замерзнуть органам! Ведь не антифриз же у Ивана Петровитча в жилах!

– Вкусное пиво, – сообщила оцепеневшему Ивану Петровитчу развратная молодая женщина. – Жаль, что мало.

Иван Петровитч дважды смотрел в глаза дьяволу, и это кино ему не понравилось. Один раз – в девяносто четвертом году, когда Иван Петровитч сделал предложение своей будущей жене Оленьке; второй раз – когда Оленька пыталась его придушить. То есть дьявол, по мнению Ивана Петровитча, отличался отменным здоровьем и румяными щечками. И лишь дико вращал глазами, когда его ограничивали в покупках нижнего белья. В частности – теплых панталон с начесом пятьдесят шестого размера по Фаренгейту.

Сегодняшний дьявол был на двенадцать размеров тоньше Оленьки и мог провалиться в одну штанину ее панталон с демоническим хохотанием. Из нововведений на нем имелась шляпка, похожая на таблетку аспирина, мотоциклетная куртка неопределенного цвета и черный топ – сиськам стоп. Из положенной одежды дьявол нацепил юбку, в которой, по народному мнению, только от долгов бегать. Этот наряд завершали ботинки гитлерюгенда на толстой подошве и холщовая сумка художника-передвижника.

– Да по какому праву?! – воскликнул потрясенный Иван Петровитч, желая сказать, что таким посетительницам не место в государственных музеях...

Но молодая и неприлично одетая женщина слезла с саркофага и показала Ивану Петровитчу входной билет. После чего: удостоверение сотрудника федеральной безопасности, сертификат соответствия, еще три билета, просроченный абонемент на балет «Лебединое озеро» и права на вождение мотоцикла в нетрезвом виде.

– Этого достаточно? – спросила она.

Иван Петровитч внезапно почувствовал невероятную усталость, как будто выпил двадцать пять бутылок пива и поэтому не мог дотянуться до двадцать шестой. Ему захотелось взобраться на колени к Зевсу, свернуться комочком и прикорнуть.

«Нервно-паралитические газы, – предположил Иван Петровитч о причине своего недомогания. – Это не французская делегация номер пять, а зарин номер девять! – подумал Иван Петровитч. – Общая тревога!» – пришел к выводу Иван Петровитч и поспешил

задействовать рацию с целью предупредить Николая Сергеевича, что в античных залах находится полуобнаженная диверсия...

– Не-слышны-в-саду-у-у!.. Даже шо-ра-хи!!! – вдруг разорался этот приемно-передающий аппарат с козлиными интонациями в ритме рок-н-ролла.

– Йоки-токи! – с ужасом воскликнул Иван Петровитч и переключился на запасную частоту...

– Все-здесь-замерло-о-о!.. Ды-ды-ды-ды!.. До-ут-ра!!!

Издевательство продолжалось, невзирая на попытки Ивана Петровитча наладить связь и поднять тревогу.

– Тур вальса на бочке пива?.. Ммм?.. – предложила неприлично одетая женщина Ивану Петровитчу, приплясывая под рацию.

– Я на службе, – для чего-то сообщил ей Иван Петровитч.

– Уже нет! – возразила нахальная женщина и предъявила приказ об увольнении Ивана Петровитча из Эрмитажа за подписью директора Русского музея.

Здесь Иван Петровитч изобразил улыбку советского резидента, которого пытаются завербовать сотрудники ЦРУ при помощи заранее сфабрикованных документов. Он свято верил, что в Русский музей скорее сдадут Моне или Гогена, чем такого ценного работника, как он...

– Зажигаем?! – осведомилась беспардонная женщина, продолжая приплясывать.

Иван Петровитч, недолго думая, попробовал засветить ей в глаз фонариком, но, к сожалению, промахнулся.

– Вот вам и конфетно-букетная стадия! – удивилась женщина. – Он уже руки распускает! А где же колечко ко Дню святого Валентина?! Где открыточка ко Дню Парижской коммуны?

И присвистнула, выражая свою озабоченность по поводу прыткости Ивана Петровитча.

– Покиньте помещение! – из последних сил прохрипел Иван Петровитч, чувствуя, как разум покидает его окончательно.

Но тут на женский свист из темноты античного зала вышли две собаки зловещего вида, черной масти и с интересом уставились на Ивана Петровитча, как будто он сахарная косточка или хуже того – мозговая.

«Наши! – подумал Иван Петровитч. – Ротвейлеры!»

Он опрометчиво решил, что собаки охраняют помещения Эрмитажа и сейчас разнюхают – кто есть чужой. Ведь недаром от Ивана Петровитча пахло Зевсом – как из пушки. Но собаки, не обращая внимания на столь разительные характеристики, сели у ног невозможной женщины и стали наблюдать за Иваном Петровитчем.

– Собачки! – улыбнулся им Иван Петровитч как можно приятнее. – Собаченьки!

Женщина покрутила пальцем у виска, мол, плохо со здоровьем у Ивана Петровитча, поздравляю! Забросила пустую пивную бутылку в саркофаг и вытащила оттуда – два факела.

– Присмолить не найдется? – спросила она у Ивана Петровитча.

– Не курю! – важно ответил он.

– В космонавты готовитесь? – осведомилась женщина. – Был у меня интересный мужчина-космонавт, жил в скафандре. Мучного не ел, спиртного не пил, в ночь на двенадцатое апреля задохнулся... Вот такое зиппо-дриппо!

Факелы загорелись как-то сами собой, а женщина продолжала:

– А был еще эпизод... Некий мужчина по прозвищу Стекольщик, напиваясь в баре, обязательно выходил сквозь витрину. И если смешивать водку с апельсиновым соком, то – через левую, а если с ананасовым, то – через правую. Сообразительный бармен только успевал осматриваться, какая витрина уже разбита, и составлял прощальный коктейль с учетом этого обстоятельства. Но однажды, ради сомнительного эксперимента, бармен смешал водку с водкой. Дезориентированный Стекольщик врезался в центральный витраж, проскочил сквозь газетный киоск и снова очутился в баре! Но на другой стороне улицы. Поэтому – кури не кури, разбавляй не разбавляй, а от судьбы не уйдешь...

Тут собаки взяли в зубы по факелу и стали прохаживаться вокруг Ивана Петровитча.

– Не обожгутся? – спросил Иван Петровитч, а на самом деле зубы собакам заговаривал, поскольку рассчитывал, что вот-вот сработает пожарная сигнализация и прибегут брандмейстеры с брандмайором, выручат его из плена.

Он понимал, что угодил в неприятную историю, и лихорадочно соображал, как из нее выбраться. «Глупо, – думал Иван Петровитч, –

глупо, что сотрудникам Эрмитажа не выдают автоматы Калашникова... Непредусмотрительно...»

Но собачки почувствовали направление мыслей Ивана Петровитча и злобно зарычали.

– Только не делайте резких движений, – предупредила Ивана Петровитча несносная женщина. – Сожрут без компота.

Возникла интригующая пауза, во время которой собаки заметно выросли в глазах Ивана Петровитча. А робкое предположение, что они любят чай с бубликами, бесповоротно улетучилось. И когда раздался звонок, Иван Петровитч непроизвольно расхохотался...

Но это сработала не пожарная сигнализация.

– Та-та-та-там! – и на полтона ниже: – Та-та-та-там!

«Очень знакомая мелодия, – подумал Иван Петровитч. – Похожа на приход мобильного телефона».

Женщина выразительно посмотрела на Ивана Петровитча и стала рыться в холщовой сумке... «Да сколько же можно?! – донеслось оттуда. – И скребет, и скребет! И ворочает, и ворочает!..»

– А в глазик? – предложила женщина и наконец-то достала из сумки телефонную трубку... – ГЕКАТА У АППАРАТА! – заявила она басом, ну может быть – баритоном.

А Иван Петровитч вылупился на этот странный мобильный агрегат, потому как раньше не видел ничего подобного.

– Телефункен! – специально для Ивана Петровитча пояснила так называемая Геката и продолжила разговор, на разные лады повторяя «ага», «ого» и «угу!».

Скорее всего, эту трубку отодрали от таксофона, что называется – с мясом, и оголенные провода теперь болтались вместо антенны. И, как показалось Ивану Петровитчу, весь разговор Гекаты с неизвестным абонентом смахивал на надувательство.

– Отбой! – сказала Геката и забросила трубку назад в сумку.

Оттуда слышались нецензурные выражения...

– А в другой глазик?! – предложила Геката, и выражения прекратились. – Через пять минут меня ждут в Смольном, – сообщила Геката ошалевшему Ивану Петровитчу. – С апрельскими тезисами... Поэтому раздевайтесь без волокиты, то есть – до трусов.

– Зачем? – обомлел Иван Петровитч.

– Некая дамочка жаловалась мне на мужчин. Что независимо от времени года ей попадаются экземпляры все хуже и хуже. Иначе говоря, не разбиралась в собственных электромагнитных приспособлениях. Ведь если у тебя на одном месте плюс, то он неизменно притягивает минус... – отвечала Геката.

– И что?.. – растерялся Иван Петровитч.

С ним требовалось разговаривать без околичностей, то есть по-армейски.

– Вы русский язык понимаете? – спросила Геката.

– Да, – неуверенно отвечал Иван Петровитч.

– А ну-ка скажите: «Мама мыла раму!», – предложила Геката.

А Иван Петровитч неожиданно закобенился, как в первом классе.

– Не понимает, – решила Геката. – Тогда повторяю по-гречески...
Раздевайся до трусов, гадина-сволочь!

И если Иван Петровитч мог запросто отказать даме, то с собаками спорить было бессмысленно и бесполезно. Поэтому Иван Петровитч пришел к выводу, что лучше раздеться, чем – освежаться. За сорок пять секунд он скинул форменную одежду и замер по стойке смирно, краснея за свои гражданские трусы в крупный горошек.

– Оленька сшила! – доложил Иван Петровитч непонятно за каким хреном.

– Мне нравится, – сказала Геката и распорядилась: – Два наряда вне очереди вашей Оленьке! Один свадебный, другой похоронный!

А гадкие псы, как показалось Ивану Петровитчу, пакостно захихикали.

– ЕЩЕ ТЫ НЕ СНОСИЛА КАБЛУКОВ, А ЗАМУЖ СОБИРАЕШЬСЯ, МЕРЗАВКА?! – басом процитировала Геката. – Или что-то в этом роде... – добавила она обычным голосом. – АВКА!.. АВКА!.. Извините, я сегодня не в голосе...

«Опаньки! Шекспир!» – подумал Иван Петровитч и приготовился к самому страшному...

– Скажите чи-и-и-из! – предложила Ивану Петровитчу неугомонная Геката и потрясла для наглядности холщовой сумкой. – Сейчас отсюда вылетит птичка!

– Чи-и-и-из, – аки болван повторил Иван Петровитч и обеспечил себе путешествие на тот свет с веселым позитивом, как говорят профессиональные фотографы...

Геката, недолго порывшись в сумке, вытащила оттуда, как показалось Ивану Петровитчу, волосатый кочан капусты и сказала: «Ути-пути, какие мы сегодня замурзюканные!» После чего плюнула на кочан, протерла его рукавом и предъявила Ивану Петровитчу для опознания:

– А вот и птичка!

«Оленька!» – решил Иван Петровитч и почти не ошибся.

Это была голова Медузы-горгоны.

Иван Петровитч почувствовал, как у него отнимаются руки и ноги, и вспомнил про двести рублей, которые он пропил на прошлой неделе с сослуживцами. «Надо было отдать Оленьке...» – успел подумать Иван Петровитч и застыл в античной позе работы Мирона.

– Чего только не завалается в дамской сумочке... – покачала Геката головой Медузы-горгоны, глядя на окаменевшего Ивана Петровитча.

– Он мраморный? – риторически справилась Медуза. – А почему в трусах?

– Римская копия, – пояснила Геката.

– Тогда – сойдет! – сказала Медуза и с глубоким удовлетворением икнула.

Геката продолжала держать Медузу за волосы, словно Давид голову Голиафа.

– Раньше, – задумчиво сказала Геката, помахивая Медузой, – я думала, что икотка возникает от судорожного сокращения диафрагмы...

– У меня нет диафрагмы, – пробурчала Медуза и снова икнула.

– А мозги у тебя есть? – злоеще поинтересовалась Геката.

– В каком количестве? – осторожно осведомилась Медуза.

– В элементарном! – определила Геката...

И сунула ей в рожу пустой флакончик из-под французских духов. И разгрызенный тюбик губной помады... Медуза, конечно, понимала, что проштрафилась, но решила до конца играть в несознанку.

– А в чем дело, гражданин начальник?! – нахально запричитала Медуза. – Где отпечатки пальцев?!

– Как щас тресну башкой о стенку! – сказала Геката. – Будет отпечаток!

Медуза тактично промолчала. Потому что синяк под глазом напоминал ей о предыдущей размолвке.

– За каким чертом ты это делаешь?! – напирала Геката.

– Из вредности и алкоголизма, – призналась Медуза. – А бить инвалидов Троянской войны – стыдно.

– А жрать парфюмерные принадлежности?! – угрожающе спросила Геката, перебросила Медузу из левой руки в правую и приготовилась к толканию ядра.

– Я сумасшедшая! – на всякий случай предупредила Медуза.

– Сейчас поправишься! – сказала Геката и толкнула снаряд метров на пятнадцать...

Раздался звук битого стекла.

– Дьявол! – выругалась Геката. – Прямо в фару!

В сопровождении собак она направилась к месту падения «метеорита», чтобы оценить степень нанесенного ущерба...

– Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать... – считала шаги Геката ради спортивного интереса.

Медуза лежала рядом с невесть откуда взявшимся здесь мотоциклом, растрепанная, и туманно улыбалась...

– Галогенка? – поинтересовалась Медуза, имея в виду кокнутую фару. – Надо было парковаться на стоянке для служебных машин, а не лезть в Эрмитаж со своим самоваром...

– Пятнадцать, шестнадцать! – закончила считать Геката. – Новый олимпийский рекорд. А в следующий раз буду душить полиэтиленовым пакетом.

– Тоже мне – Аль Капоне! – усмехнулась Медуза, но от дальнейшей дискуссии воздержалась.

Геката вытащила мотоцикл на середину зала и принялась над ним колдовать... «Фары есть?.. Фар – нету! Фары есть?.. Фар – нету! Фары есть?.. Фар – нету!» Минут через десять подобной парапсихологии, телекинеза и сильных выражений из обихода авторемонтных мастерских Гекате все-таки удалось заменить фару на своем мотоцикле.

– Проще было бы летать на помеле, – съязвила Медуза. – Но мы же девушки современные... «Пупой» красимся...

Геката не стала спорить, поскольку «пупой» Медуза называла всю косметику, а не товар определенной фирмы.

– *Domus propria, domus optima!* – сказала Геката. – Что в переводе с латыни означает... Слушать дуру – себе дороже!

Из шеренги античных бюстов Геката выбрала третий с краю и принялась кантовать его к мотоциклу.

– Когда-то я значилась в первых красавицах, – продолжала трепаться Медуза, глядя в потолок. – И вот как все обернулось... Ни ума, ни тела...

Геката поднатужилась и водрузила античный бюст на багажник, после чего стала крепить его веревками.

– А главное, мыслей добропорядочных нету, – не унималась Медуза. – О чем мечтает романтически настроенная женщина? Выйти замуж, родить ребенка и вышивать крестиком. А мне мерещится сцена на балконе... Когда Ромео ползет к Джульетте, забирается по стене на третий этаж, цепляется за балюстраду, а ты ему – по пальцам, по пальцам, по пальцам!

Геката закончила возиться с веревками и, придерживая мотоцикл, чтобы тот не завалился набок, сказала собакам:

– Несите сюда эту романтически настроенную кочерыжку... Пора ехать...

Как следовало из милицейского протокола, в ноль часов тридцать восемь минут по Санкт-Петербургскому времени на территории объекта «Государственный Эрмитаж» произошло следующее... По коридору со стороны отдела античной культуры на пост военизированной охраны выехал мотоциклист, который при беглом осмотре оказался дамой в странной шляпке. Словесного портрета шляпки никто из сотрудников охраны составить не смог... Перебивая друг друга, сотрудники описывали сей головной убор следующим образом: «Пипетка!», «Ливретка!» и «Планшетка!». Внешность дамы на всех свидетелей произвела такое же тройственное впечатление: блондинка, брюнетка и рыженькая. Нос: греческий, римский, вздернутый. Глаза: карие, голубые, миндалевидные... И так далее, и тому подобное, *et cetera*... Мужчины-свидетели не сомневались, что дама на мотоцикле была без юбки. А единственная женщина-эксперт утверждала, что в юбке, но раку по сраку и воробью по колено...

Даму сопровождали две собаки неизвестной породы и без намордников. Ее мотоцикл фирмы «Harley Davidson», судя по номеру, был зарегистрирован в штате Огайо, отчего начальник караула отдал

честь, думая, что приехала супруга президента Соединенных Штатов. Но, медленно соображая и быстро бегая, начальник караула заинтересовался – почему сам господин президент привязан веревками к багажнику мотоцикла. Сопоставляя эти факты с неожиданным визитом, начальник караула сделал два вывода. Первый: что Билла Клинтона похитила Моника Левински. Второй: что Билл Клинтон не сможет больше играть на саксофоне, потому что – не дышит. «Хеңде хох, госпожа Левински! – выразился начальник караула. – Расставьте ноги на ширину плеч и храните молчание!» После чего он так и не смог объяснить, почему думал и поступал подобным образом. Даже на солидной психиатрической комиссии... «Ох уж эта Моника! Ох уж эта Левински! – на разные лады повторял начальник караула. – Теперь я понимаю Билла! Ох, по-ни-ма-ю!» И охотно рассказывал докторам, как Моника Левински на своем мотоцикле высадила оконное стекло, что на Дворцовую набережную, и унеслась по проезжей части вместе с собаками...

В античных залах ничего подозрительного обнаружено не было. В порядке вещей – бюст ушел на реставрацию, а вместо него появилась статуя. Кое-кто даже защитил диссертацию на эту тему: «Элементы варварской одежды в римской скульптуре второй половины первого века». И только Оленька не верила в добровольное исчезновение Ивана Петровитча. Не верила – без полученного на руки выходного пособия. Она ждала, как может ждать (судя по справочной литературе) только русская женщина: тупо и самозабвенно. И каждый вечер караулила у служебных ворот, рассчитывая, что Ивана Петровитча назначили заместителем директора по научной работе. «А вдруг?..» – думала Оленька.

Геката покидает здание Эрмитажа

II

Профессор Андрей Степанович Радзивилл являлся автором научного труда, имя которому – «Аналогии». Эта монография состояла из двух частей, талантливо поддерживающих друг дружку. Поскольку первая хромала на правую ногу, а вторая получила ранение в ягодицу на заседании ученого совета. Но Андрей Степанович считал, и вполне обоснованно, что сам Тацит не покраснел бы от его «Аналогий». Ну разве что – окочурился бы.

В первой части «Аналогий» профессор Радзивилл сравнивал русскую мифологию с греческой. Например, Микула Селянинович и калидонский вепрь, Василиса Премудрая и лернейская гидра. «Так, в поэме слепого Гомера, – писал профессор, – можно встретить распространенный мотив, когда долго отсутствующий Одиссей возвращается накануне свадьбы, чтобы помешать Пенелопе совершить мезальянс. Совсем как в русской былине о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче». Или: «Воспользовавшись долголетним отсутствием Агамемнона, некий урод соблазнил Клитемнестру... Мы видим здесь цепь трагических совпадений, как в русской народной сказке про Ивана-дурака и щуку...»

Такие сравнительные жизнеописания охватывали период с десятого по двадцатый век нашей эры. Зато во второй «аналогии» Андрей Степанович утверждал, что с первого по десятый век мировой истории попросту не существовало. А все события происходили на тысячу лет позже. Восстание гладиаторов под руководством Спартака – не что иное, как поход Стеньки Разина «за зипунами». А утопленная атаманом княжна существенным образом напоминает египетскую царицу Клеопатру. «Как изначально гласит народная песня, – писал профессор Радзивилл, – вниз по батюшке по Нилу на простор большой волны выплывали расписные Клеопатровы челны!» После чего, по мнению профессора Радзивилла, вся эта бодяга слегка подзабылась, и непривычное русскому человеку слово «Нил» заменили «Волгой», «батюшку» – «матушкой», а Марк Антоний превратился в Стеньку Разина, что, в принципе, одна малина.

«И за борт ее бросает в набежавшую волну!!!» – любил напевать профессор Радзивилл, имея в виду тысячелетнюю историю. «Около девятьсот одиннадцатого года, – писал профессор, – на обильные русские земли из греков приперлись варяги и начали переименовывать все подряд. Воеводу Хельгу стали называть княжной Ольгой, а письма Цицерона – „прелестными письмами“...» И если вспомнить первую часть «Аналогий» и натянуть ее на вторую, то в целом получалась картина Репина «Бурлаки на Волге пишут письмо турецкому султану». С целью опротестовать претензии султана на Константинополь и Византию. «Отсюда, – дребезжал профессор, – возникает идея Третьего Рима... Ибо на самом деле Первым Римом был Рим, Вторым Римом – Москва, а Третьим – Санкт-Петербург...»

Шестнадцатого июня профессор Радзивилл, как обычно, прогуливался перед работой. Навещая по ходу движения книжные лавки и магазины. Он рассчитывал полюбоваться своими трудами на полках, а также – испытать гордость автора, скромно бытующего среди людей. Однако нигде его книг не было и нигде не стояло. Андрей Степанович даже нарушил инкогнито и поинтересовался: «Почему, извините, сей замечательный труд не выставлен для продажи?» И: «Где, пардон, Радзивилловы „Аналогии“?!» Но в первом случае вертлявая продавщица ответила, что ничего подобного к ним не поступало, а во-втором – «идите отсюда, гражданин хороший!».

«Раскупили! – ужаснулся Андрей Степанович. – Сожрали вместе с обложками!»

Он тут же решил позвонить в издательство на предмет увеличения гонорара и побежал вприпрыжку по набережной Красного Флота. Потом одумался и перешел на галоп.

«Меньше двух тысяч долларов не возьму! – думал профессор Радзивилл. – Будут предлагать, а я руки в карманы спрячу!»

На площади Труда обезумевший профессор подрезал «мерседес», номер 444-ЕМ, и ускакал от него по «Киссес-бридж», вихляя тощим задом.

– Что это было? – озадачился хозяин «мерседеса». – Подстава или наезд?!

А профессор Радзивилл, чуя запах наживы, продолжал набирать обороты, используя проезжую часть и тротуары.

«За две тысячи долларов пусть пишут сами! – думал Андрей Степанович. – Меньше чем за десять руки из кармана не вытащу! И никому не подам!»

Здесь профессор Радзивилл пришел к финишу раньше, чем сумма претензий к издательству перевалила за пятьдесят тысяч долларов. Он заскочил в подъезд своего научного заведения совершенно обессиленный и – пал на высокую грудь вахтерши:

– Мария Симеоновна!.. Мария Симе-Оновна!..

– Тянь-Шаньская! – подчеркнула вахтерша.

Но профессора Радзивилла сейчас не волновали такие подробности из жизни возвышенностей.

– Меня не спрашивали?! – запыхавшийся Андрей Степанович непроизвольно сучил руками, рискуя сорвать с Эвереста бюстгальтер. – Издательства – не спрашивали?!!

– Интересовались, – степенно отвечала вахтерша, снимая профессора со своей груди. – Сидят у вас в кабинете.

– Ы-ы-ы-ы! – изрек профессор Радзивилл и погнал вверх по лестнице.

Сшибая по пути младших научных сотрудников, он вихрем промчался извилистыми коридорами и на последнем издыхании уперся в дверь своего кабинета.

– Обогреватель забыли выключить?! – спросил у профессора подвернувшийся некстати аспирант, и Радзивилл замахал на него руками, мол, убирайся с глаз моих в жопу.

Он приоткрыл дверь своего кабинета...

– Ы-ы-ы-ы! – снова изрек Андрей Степанович, и на этот раз от растерянности.

Кабинет был завален «Аналогиями». И не то чтобы полностью, но повсюду лежали книги, знакомые до боли и наслаждения. А главное – в профессорском кресле сидела молодая красотка в кокошнике, с тугой косой – девичьей красой, и трепалась по громкоговорящей связи...

– Алло! Это Петербургский дом книги?! Сокращенно – ПеДиК?! – верещала она, не обращая внимания на Андрея Степановича.

– Не надо нас сокращать! – предупреждали из Дома книги.

– Ну как же?! Ну как же?! – явно веселилась красотка в кокошнике. – Дворец культуры имени Мирона Кирова – сокращенно ДеКаМирон! Библиотека Академии наук – сокращенно БАНя!

Общественный туалет на Большой Конюшенной – сокращенно тубзик...

– Других сокращайте, а нас не надо! – настаивали из Дома книги.

– Ладно-ладно! – соглашалась красotka. – Если вы скажете, сколько будет шестью восемь за пять упаковок!

– Две тысячи четыреста рублей ноль-ноль копеек! – раздавалось в ответ.

– Они давно на вашем счету в банке! – продолжала верещать красotka в кокошнике, закидывая ноги на профессорский стол. – И сколько можно ждать?! До второго пришествия Нерона?!

«А ноги-то голые», – машинально отметил Андрей Степанович, будучи в том интересном возрасте, когда энтузиазм подавляется интеллектом, но время от времени выходит из-под контроля.

– Здравствуйте, Андрей Степанович! – красotka отключила громкоголосую связь, но позы не изменила. – Как поживает ваш почечуй?!

– Кто? – опешил профессор Радзивилл.

– Надо хоть изредка открывать толковый словарь Даля! – красotka укоризненно покачала головой в кокошнике. – Почечуй – это заднеинтеллигентное заболевание! Том третий, страница триста семидесятая!

Андрей Степанович хотел достойно ответить зарвавшейся интеллигентке из новых русских, но тут в его кабинет доставили еще пять пачек «Аналогий». И отодвинули профессора Радзивилла к вешалке.

– Из Петербургского дома книги! – сказал посыльный, больше смахивающий на горную гориллу. – Распишитесь в получении!

– Легко! – согласилась красotka и запустила воздушным поцелуем, отчего на щеке посыльного отпечаталась губная помада.

– Здесь, здесь и здесь! – настаивал посыльный из Петербургского дома книги.

– Развратный бюрократ! – возмутилась красotka в кокошнике и добавила два недостающих воздушных поцелуя.

Посыльный придиричиво оглядел свою морду в зеркале, остался удовлетворен и на прощанье хлопнул дверью. Стекла в кабинете затряслись и задрожали, а со стола звезданул профессорский стакан с недопитым чаем.

– Чтоб тебе вечно на маршрутном такси ездить! – благословила гориллу красотка. – И дверцами хлопать!

Очутившись на улице, посыльный из Петербургского дома книги плюнул на свой грузовичок, остановил маршрутное такси номер 29 и стал пререкаться с водителем. «До Магадана идет?!» – «Только до Кантемировского моста!» – «А в Нижнекамск я не попаду?» – «Только в Нижневартовск!» Недовольный таким ответом, посыльный из Петербургского дома книги разбежался, как баран, и что есть силы треснулся головой о дверцу маршрутного такси. После чего осел на дорогу, многозначительно улыбаясь. То же самое он проделал с номером 30; номером 31; номером 32, номером 33 и так далее – до номера 444-ЕМ. Который, после встречи с профессором Радзивиллом, укрепил свою дверцу прокатным листом нержавеющей стали. «Наезд!» – определился хозяин «мерседеса» и почему-то вспомнил рекламный буклет со словами: «Эмиграция в Канаду – без проблем! Проблемы – в Канаде!» Но так или иначе, номер 444-ЕМ тоже сошел с дистанции, а посыльный из Петербургского дома книги получил легкое сотрясение мозга. Что значительно продвинуло институт имени Бехтерева в области изучения психоневрологической деятельности посыльных. Ибо раньше предполагалось, что мозга у этой категории граждан – нет...

А в кабинете профессора Радзивилла тем временем продолжался научный симпозиум. Андрей Степанович как-то незаметно переместился от вешалки на диванчик, не уставая таращиться на красотку в кокошнике и поражаться.

– Андрей Степанович! – красотка смодулировала официальную интонацию и скинула ноги со стола. – Дорогой Андрей Степанович!..

«Да в чем же дело?!» – лихорадочно соображал профессор. У него было предчувствие, что сейчас он попадет на вручение ордена «За заслуги перед Отечеством».

– Многоуважаемый Андрей Степанович!.. – наяривала красотка, вышибая слезу из камня. – Достопочтенный Андрей Степанович!..

Радзивилл встал по стойке смирно, затем снова дал осадку... И был готов встретиться с сыном, которого потерял на станции Узловая в тысяча девятьсот шестидесятом году. Ну, на худой конец – с дочерью...

– Многопочтивый Андрей Степанович! – с дрожью в голосе говорила красотка. – Я уполномочена сообщить, что годы,

проведенные вами за письменным столом, не прошли даром! И невзирая на застарелый геморрой – доллар нашел героя!..

Тут у красотки, по всей вероятности, перехватило дыхание, и долгожданная встреча увязла в бюрократических проволочках.

– Посмотрим-посмотрим, – сказала красотка и заговорщически подмигнула Андрею Степановичу. – Посмотрим-посмотрим, сколько издательство вам недоплатило...

Она моментально напялила солнцезащитные очки – «Ослепительная сумма!» – и вытащила из-под попы официальную бумагу с печатями.

– Так-так-так! – сказала красотка, рассматривая этот документ. – Семью восемь, восемь на семь... Вам полагается – тридцать тысяч долларов!

Андрея Степановича едва не хватил Кондратий Кондратьевич.

– Впрочем, – заметила красотка, приподнимая очки, – это не вам, а за «Гарри Поттера». – И снова засунула документ себе под попу. Чтобы вытащить оттуда другую официальную бумагу. – Издательский договор! – торжественно зачитала она. – С Радзивиллом Андреем Степановичем!.. Тут сказано, что в типографии на Черной речке отпечатано шестьсот экземпляров первого тома и шестьсот экземпляров второго тома...

– На Черной речке?! – удивился профессор Радзивилл, потому что, как было ему известно, истинные «Аналогии» штамповали в типографии у Гостиного Двора.

– Тиснули-тиснули! – засвидетельствовала красотка, размахивая бумагой. – Можно сказать – отпендюрили! На святом, извините, месте! Где Микула Селянинович стрелялся с Добрыней Никитичем!

– Ах они суки! – возмутился Андрей Степанович, сваливая всех в одну кучу – типографию на Черной речке, типографию у Гостиного Двора и глубоко почитаемого Микулу Селяниновича.

– Самые что ни на есть! – подтвердила красотка в кокошнике и указала профессору на разные пачки. – Вот эти, синенькие экземпляры, печатались у Гостинки, а эти, голубенькие, – бознать где! Извольте недосчитаться авторского гонорару!

– Грабят, – констатировал Андрей Степанович. – Интеллигенцию грабят.

– Обдирают как липу! – поддакнула красотка.

- Расхищают мозги, – посетовал Андрей Степановитч.
- Тырят на паперти! – согласилась красотка.
- Наживаются на православных, – вздохнул Андрей Степановитч.
- Снимают нательные кресты в лифтах! – дождала красотка.

Здесь Андрей Степановитч замешкался с ответом, потому что креста не носил и в лифтах не ездил. А проживал на первом этаже в пятикомнатной квартире, которую получил от государства – по совокупности научных достижений. К примеру, статья Андрея Степановитча «Этногенез и деревообработка» наделала много шума еще в незапамятные годы... «По мнению западных аналитиков, – писал профессор, – Россия обладает огромными стратегическими запасами березы. Скопление этих деревьев на одном пригорке олицетворяет для русского человека малую родину. Как для немецкого бургера – три сосиски. То есть при виде пригорка или березы русский человек начинает рыдать, и можно пытаться русского человека этими образами...» Как применялись его теории на практике, Андрей Степановитч предпочитал не знать...

Вдобавок раньше Андрей Степановитч состоял на учете в Литературном фонде как член Союза писателей и публицистов. И свободно мог получить дачу – или в Перестройкино, или в Комарово. Да не сподобился, потому что – пisał на малину председателя фонда от недержания пива. То есть не с публицистическими настроениями, а с общечеловеческими... Но Андрею Степановитчу предъявили обвинение в охульной критике, потому что малина повяла и только воспоминания о ней сохранились в памяти современников. Ах, какая это была малина!.. Какая малина!!!

– А теперь, – приободрилась красотка, – когда мы выяснили, что всякий издатель предрасположен «тиснуть и свистнуть», вернемся к предмету интеллектуальной собственности! Вам не стыдно, Андрей Степановитч?!

– За что?! – удивился профессор.

– За свой предмет, – пояснила красотка, стреляя глазками.

Профессор Радзивилл на всякий случай прикрылся «Аналогиями», как Адам в Эдеме, и заявил, что не собирается «обсуждать эту проблему с лицами ненаучной степени, без конкретного указания на предмет...».

– Сейчас укажу, – заверила Андрея Степановитча красотка, поправляя кокошник. – Не извольте беспокоиться! Кстати, вас не смущает мой головной убор?..

– Смущает, – признался профессор. – Но я думал, что вы от издательства.

– И напрасно, – сказала красотка. – А в заведении, где вам отпускали мозги, творилась страшная сумятица...

– А вы там были?! – съехидничал профессор по старой привычке кухаркиного сына – резать гипотезы, как морковь.

Собственно говоря, Андрей Степановитч славился как Цицерон-полюемист и Платон-скептик. Он убивал доклады и лекции, семинары и конференции, коллоквиумы и конгрессы, имея в запасе только один выстрел... «Во втором веке до нашей эры Карфаген захватили римляне!» «А вы там были?!» – интересовался профессор Радзивилл. «Юлий Цезарь погиб в результате заговора!» «А вы там были?!» – подъебуривал профессор Радзивилл, и докладчик не знал, что ответить. А профессор гордо покидал аудиторию на кривой кобыле. «Actum est, ilicent!» – как говорили древние. «Дело сделано, можно расходиться!»

Но в данном случае ядовитая пуля, которую отлил Андрей Степановитч, отрикошетила и угодила ему же в голову. То есть... Андрей Степановитч неожиданно для себя поднялся с диванчика и направился к платяному шкафу, в котором до революции висел мундир действительного статского советника, а после – свирепствовали моль и продрозверстка.

– Избушка-избушка, – пробормотал Андрей Степановитч, – повернись к лесу задом, а ко мне передом!

Что никак не говорило о его сексуальной ориентации. А только о том, что профессор Радзивилл неумышленно сбрендил. Однако шкаф сошел с ума еще раньше, после истории с дворником и балериной. Которые с двадцать четвертого года наслаждались друг другом за его дверцами. Поэтому на любезные слова Андрея Степановитча шкаф ответил пространной цитатой из Экклесиаста, где особо подчеркивалось, что «всему есть свое время! Время рвать и время метать! Время смеяться и получать по лбу! Время поворачиваться задом и время передом. И сейчас – не время...»

– Ах ты мерзкое стекло!.. – воскликнул Андрей Степанович, угрожая расколотить непокорному шкафу зеркальное оформление. И если раньше Андрей Степанович отражался там неказисто, то теперь выглядел как английский фабрикант начала двадцатого века – в цилиндре и с тросточкой.

– Извините, барин! Сразу не признали! – расшаркался шкаф. – Добро пожаловать в родные пенделя!

И распахнул настежь дверцы...

Насвистывая канкан, профессор забрался в платяной шкаф.

– Пардон, сударыня! – молвил Андрей Степанович. – Я несколько отдал вам пуанты...

– И метлу мне помяли! – заявил дворник, а балерина только улыбнулась Андрею Степановичу в тесном помещении. Дверцы закрылись, шкаф окончательно тронулся...

– Что дают? – осведомился Андрей Степанович у балерины.

– У нас два репертуара, – вмешался дворник. – Или «Лебединое озеро», или по морде!..

И высморкался на пол...

– Вы слышали, что с пятнадцатого июня и по первое сентября отключат горячую воду? – спросила балерина.

– Вонючая профилактика! – посетовал Андрей Степанович.

– Я, граждане, в стиральной машине моюсь! – доверительно сообщил дворник.

– Как это? – удивился балерина.

– Обыкновенно, – ухмыльнулся дворник. – Ставлю на шерсть в режиме кипячения. А как вода нагреется – сливаю в корыто!

– И как шерсть? – поинтересовался Андрей Степанович. – Не свалялась?

– Блестит! – похвастался дворник и основательно похлопал себя по груди.

– Не приведи господи! – ужаснулась балерина. – А разве трудно купить водогрей?!

Дворник звучно почесался, поскребся и побряхтел.

– Водогрей предназначен для балерин и вшивой интеллигенции, – пояснил дворник. – А нам достаточно – в унитаз попадать...

– Хам! – оскорбилась балерина. – Как можно про унитаз при даме?!

– Ну так давайте споем Девятую симфонию Бетховена! – предложил дворник.

Андрей Степанович интеллигентно воздержался, а дворник загорланил «Оду к радости»:

Кто презрел в земной юдоли!
Теплоту душевных уз!..

– Помогите! – воскликнула балерина. – Я тут с двадцать четвертого года езжу! – Но тем не менее поддержала:

Тот в слезах, по доброй воле!
Пусть покинет наш Союз!!!

Последнюю музыкальную фразу дворник и балерина повторили трижды, словно заезженная пластинка:

– Пусть покинет, пусть покинет, пусть покинет – наш Союз!!!

И если Андрей Степанович прежде не помышлял об эмиграции, то теперь вынужден был призадуматься.

– Я, вероятно, воспользуюсь вашим предложением, – прогундявил профессор, раскланялся с балериной, вышел из шкафа...

И не узнал своего кабинета.

Исчезла репродукция «Гумно» с картины Венецианова Алексея Гавриловича. Зато появилось изображение «Лев Николаевич Толстой на воркутинской пашне». Чуть поодаль расположилась доска объявлений «Их бин разыскивает Дзержинский», где фотороботы отчаянно напоминали Александра Сергеевича с няней, няню с кружкой и Александра Филипповича, по фамилии Македонский, верхом на Фру-Фру.

– Присаживайтесь, Андрей Степанович, – очень вежливо сказала красотка.

Теперь она выглядела как выглядела. С короткой стрижкой и в офицерском мундире – на голое тело. То есть от лацкана до лацкана рассматривать красотку было интереснее, чем от уха до уха.

– Куда уставился, гадина-сволочь?! – цыкнула красотка на Андрея Степановича. – В глаза смотреть, в глаза!!!

От резкого окрика профессор вздрогнул и стал таращиться, как положено, рискуя надорвать себе зрительные нервы.

– Вы обвиняетесь в распространении заведомо ложных сведений, – сообщила красотка профессору Радзивиллу. – Статья пятьдесят восьмая, часть прим! Антиантичная пропаганда!

– Какая-какая? – переспросил ошалевший Андрей Степанович и осторожно присел на краешек стула как подмоченный.

– Такая-такая! – передразнила профессора красотка и снова заорала: – Встать, гадина-сволочь, когда с тобою старший по званию разговаривает!!!

Перепуганный профессор вскочил со стула и вытянулся во фронт, хотя никогда не служил и тем более – не привлекался.

– Это, между прочим, от восьми до пятнадцати, – пояснила красотка содержание «антиантичной» статьи. – Садитесь, пожалуйста.

Андрей Степанович покосился на доску объявлений, где «их бин Дзержинский» уже разыскивал профессора Радзивилла.

– Присаживайтесь, – повторила красотка. – Что вы болтаетесь, как спектральный анализ?..

– Какой-какой? – не понял Андрей Степанович, как будто у него заело.

– Вот заладил! – вздохнула красотка, а профессор на всякий случай присел – и таким образом оседлал случай.

– Мы тут собрали вещественные доказательства, – продолжала красотка, – и готовы приобщить их к делу... А еще раз переспросишь, гадина-сволочь, «какие-какие вещественные доказательства» – получишь по морде! Это понятно?!

– Так точно! – прогавкал Андрей Степанович и опять подскочил как урод тряпочный.

Красотка вытащила из пачки оба тома профессорских «Аналогий» и для начала – поплевала на пальцы.

– Покурить-оправиться не желаете? – спросила она. – До обвинительного приговора?

– Никак нет! – отвечал профессор, хотя многие на его месте воспользовались бы этим предложением: покурить, оправиться, откупорить шампанского бутылку, перечитать «Женитьбу Фигаро»...

– Одобряю! – сказала красотка. – К чему тянуть время?.. – И моментально огласила решение суда: – Расстрелять Радзивилла

Андрея Степановича! Как личность, несовместимую с протоколом!

– За что, люди добрые?! – развопился профессор. – У меня научная статья! От восьми до пятнадцати!

– Ага, – сказала красотка. – Значит, все-таки желаете оправиться?

И, снова поплевав на пальцы, пролистнула первый том «Аналогий» до нужного места.

– Страница семьдесят пятая! – сообщила она. – Здесь у вас странное мнение о богине Гекате. И вообще – о загробной жизни.

Андрей Степанович стал припоминать античные источники, где богиня Геката представлялась трехликой и слыла покровительницей всякой нечисти и колдовства. К несчастью, он сравнивал ее с Бабой-Ягой из русского народного эпоса...

– А какое это к вам имеет отношение?! – попробовал выкрутиться Андрей Степанович.

Но красотка посмотрела на профессора столь выразительно, что Андрей Степанович возблагодарил Господа, что не полез в научные дебри и не стал уточнять – сколько Бабе лет относительно прототипа.

– Я Геката Триодитис, богиня перекрестков, матюжница и приколист, – представилась красотка. – Скитаюсь в сопровождении собак и призраков. Правда, в последнее время предпочитаю «Harley Davidson», потому что на собаках далеко не уедешь... А вы пишете о каком-то «Видении святой Феодоры» и яйцах Кощея Бессмертного... Но главное, позвольте заметить, моими атрибутами считаются факел, бич и змея – а не кокошник...

«А у меня – композитор Глюк!» – подумал Андрей Степанович и радостно заулыбался. Потому что ощутил необычайную легкость, как будто его накачали гелием.

– Надолго к нам пожаловали? – бодренько осведомился профессор. – С мужем или с детками? А может, путешествуете в романтическом одиночестве?

Геката расхохоталась.

– А вы совсем распоясались, Андрей Степанович! – определила она. – И надо бы за вами приглядывать, да думаю, что Мария Симеоновна с этим справится лучше...

Профессор Радзивилл живенько представил себя в инвалидном кресле и Марию Симеоновну в халатике сестры милосердия. Видение наполовину приятное – по части халатика и отвратительное – по части

слюнявых пузырей, которые ненамеренно выдувал Андрей Степанович.

– Засим позвольте откланяться! – несколько церемонно сказала Геката. – Не будем торопить события. Приговор объявлен, и милосердие не за горами... А книженции ваши – я ликвидирую! К чему людям голову морочить?!

Она присвистнула, и кабинет моментально очистился от книжных пачек, а вдыхать и выдыхать стало свободнее. «К дождю!» – подумал Андрей Степанович и не заметил, как следом за «Аналогиями» исчезла и сама Геката.

Еще побродив какое-то время по кабинету, Андрей Степанович учудил следующее... Присел возле шкафа и осторожно постучался в дверцу.

– Эй, дворник! – позвал профессор. – Дво-о-о-о-о-орник!!!

Но никто ему не ответил... Андрей Степанович попробовал открыть шкаф, но дверцы словно заклинило.

– Балерина! – позвал профессор. – Балери-и-и-и-ина!!!

И тоже – безрезультатно.

Тогда Андрей Степанович принялся что есть силы барабанить по шкафу, пинать его ногами и бодать головой, да только набил себе шишек и ободрал колени.

– Пустите меня обратно! – надрывался Андрей Степанович. – В светлое прошлое!!!

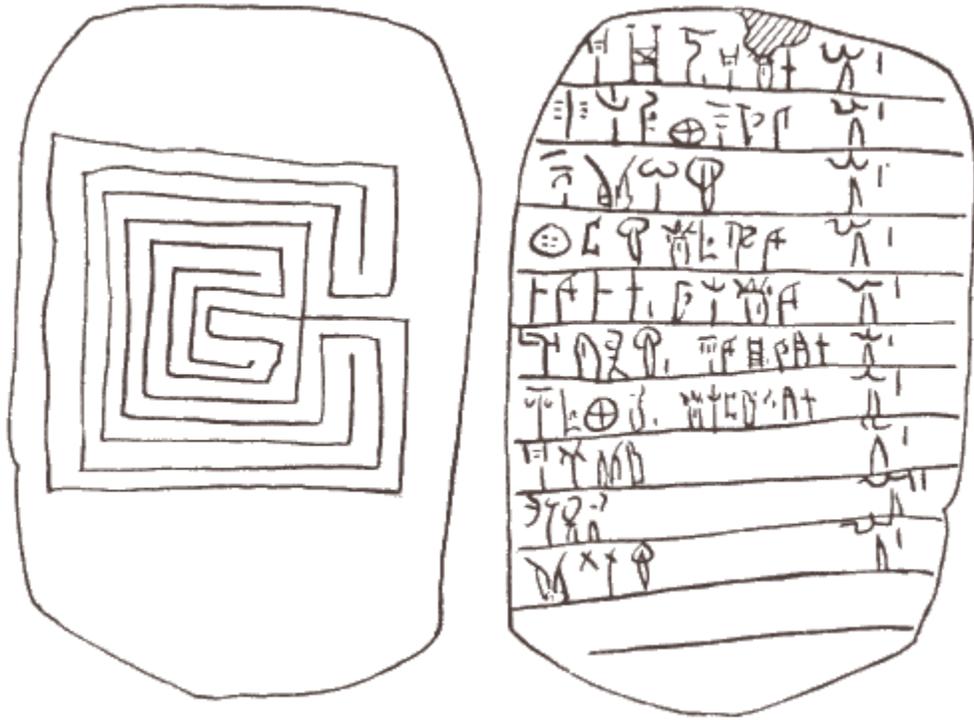
Однако на шум и крики сбежались только сотрудники научного института и сгрудились в кабинете Андрея Степановича, постанывая от возбуждения. Ведь не каждый же день случается видеть солидного человека в таком безобразном состоянии. А профессор, не обращая на них внимания, пытался опрокинуть платяной шкаф навзничь...

– Что случилось? – спрашивали опоздавшие к началу представления.

– У профессора ключ потерялся от шкапа...

– А что у него там?!

– Да бес его знает, но очень расстраивается...

Двухтомник профессора Радзивилла «Аналогии и патологии»

III

Джо и Джеймс путешествовали по методике «бэд-энд-брекфаст», где каждому гостю положена постель и два куриных яйца всмятку. Но Джо и Джеймс слыли английскими коммунистами, поэтому за завтраком съедали по одному куриному яйцу, а второе оставляли детям Поволжья... Семнадцатого июня Джо и Джеймс прибыли в Санкт-Петербург рейсом из Лондона и остановились «в русской семье с коммунистическими традициями». Они заранее оговорили этот факт, мечтая попасть на фамилию, где дедушка в свое время форсировал Сиваш, а бабушка зажигала в коннице Буденного. Но предоставленный сервис сразу же захромал, в виде коммунистического интернационала, который предположил, что ему принесли пенсию. «Грендмазер-большевик» отказывался брать английские фунты стерлингов и требовал свои кровные шестьсот рублей прожиточного минимума. «Да что я – дура?! – возмущался „грендмазер“. – На какие шиши я стану яички покупать?!» И категорически отпихивал разноцветные бумажки с английской королевой. За эти действия, несовместимые с туристическим бизнесом, «грендмазер-большевик» был изолирован от иностранцев вместе со своим партийным билетом.

Далее в коммунистической семье произошел «брекфаст», после которого все повалились на «бэд» и дрыхли до позднего вечера. Потому как добрые русские люди убедили английских путешественников, что континентальный завтрак состоит из водки и кильки. По четыреста граммов на брата. И только сестра ограничивается меньшим количеством... Зачем добрые русские люди каждый раз проделывают это с иностранцами – никому доподлинно не известно. Но пить из матрешек за здоровье английской королевы считается особым шиком...

Начинают, как правило, с предпоследней и двигаются по возрастающей. Каждую матрешку аккуратно разламывают пополам, кроме самой маленькой. Которая не разламывается и не закусывается. А называется «Марфой Васильевной» и служит русскому человеку спиртометром. Если «Марфа Васильевна» спокойно плавает на поверхности, то крепость напитка составляет ровно сорок градусов. И

другое положение не приветствуется. Тридцать девять считается национальным оскорблением, а сорок один – интервенцией...

После того как матрешка располовинена – она подвергается тщательному осмотру и наполняется до краев по мере необходимости: «чекушка», «поллитрушка» и «а капелла». Что соответствует немецкому стандарту: «полдупля», «дупель» и «дятель». За английскую королеву выпивают «поллитрушку», за тех, кто в море, – «а капеллу». После чего ищут медведя и дышат на него перегаром. Если медведь падает – справляют по медведю поминки, если медведь начинает плясать – празднуют Масленицу. Вот главные особенности русского континентального завтрака, который продолжается с утра до вечера, покуда не треснут матрешки...

Джо и Джеймс в первый же день ознакомились с этими нехитрыми правилами и отказались от «брекфаста». Не напрочь, а хотя бы до часу дня. С англичанами не стали спорить, а только отрядили провожатого, который время от времени запугивал Джо и Джеймса довольно странными фразами. Например: «Как щас брошу на помойке... И прощай Соединенное Королевство!» Однако романтически настроенные путешественники верили, что ничего плохого с ними не случится на земле, где читают «Преступление и наказание» в подлиннике. Ибо английский парламентаризм есть крайне запутанная штука, а за логикой лондонского коммуниста и вовсе не уследишь.

Бóрис – так звали своего провожатого англичане – отличался крайне левацкими взглядами, и, дабы в действительности не оказаться «на помойке», Джо и Джеймс предпочитали с ним не дискутировать на политические темы. Тем более что словарный запас был ограничен тридцатью выражениями с одной стороны и тридцатью – с другой. Конечно, в распоряжении собеседников имелись и неправильные английские глаголы, которые Бóрис периодически принимался склонять: «ту би, вос, веа, бин!» или «андестуд, андестуд, андестенд!». Но что с ними делать дальше и как приспособить для разговора – никто не знал. Можно сказать, это сообщество зиждилось на мужском менталитете, для которого пиво и женщины одинаково интересны при разных политических формациях...

Итак, поздним вечером семнадцатого июня, после континентального завтрака, наши друзья решили освежиться и

отправились поглазеть на памятники. Они погрузились в пучину Санкт-Петербурга возле Адмиралтейства и стали поражаться красотам подводного мира, вяло перебирая ногами. На Дворцовой площади их подхватило теплое течение, дважды шмякнуло об Александровскую колонну и вынесло к летнему кафе подле Эрмитажа. Там приходили в себя такие же бедолаги, как Джо и Джеймс, – американцы, японцы и скандинавы...

– Белые ночи! – разводил руками чей-то гид.

Мол, во всем виновата природа. Вишь чего делает?! И правда, утренняя заря тянула ватное одеяло на себя, а вечерняя его не отпускала. Санкт-Петербург погрузился в сумерки, ожидая, когда красотки поделят между собой эту ночь. Или она расползется по стрелке Васильевского острова, как шелковый чулок.

– Город над вольной Невой! Город нашей славы трудовой! – дирижировал японский гид палочками для суши, а вся делегация пыталась ему подпевать. – Веселее, товарищи самураи! Такого явления природы больше нигде не наблюдается!

– Суси Ленингла-а-ад! Йя!.. Тебе спою!.. – старательно выводили японцы.

Американцы потягивали «Ред Булл», демонстрируя свое национальное превосходство над этим эликсиром. Не желая иметь с ними ничего общего, Джо и Джеймс потянули Бóриса к Неве, где заметили плавучую пристань с разными сортами пива. Но пристань отчалила, прежде чем наши друзья успели до нее добраться...

– Сюрприз! – удивились англичане.

А Бóрис только пожал плечами. Мол, фигня какая! Вот в прошлом году триста русских рыбаков дрейфовали на льдине, а когда их попытались обезвредить – сделали «Ту-ту!!!» и по Балтийскому морю на той же льдине ушли к берегам Исландии. Ловить селедку.

– Фиш-фиш! – подытожил свои размышления Бóрис, а Джо и Джеймс только развели руками...

Вскоре они нашли подходящее питейное заведение прямо на набережной и заказали себе по кружке «Heineken»...

– Нету! – сказала официантка.

Тогда наши друзья повторили попытку и заказали по кружке «Holsten». И снова не угадали...

– Нету! – сказала официантка.

И чтобы прекратить бессмысленные заказы, пояснила специально для Бóриса:

– Кружек нету! А «Holsten» и «Heineken» есть!

Джо и Джеймс прислушивались к переговорам с вежливым интересом. Их, по понятным причинам, не посвящали в такие нюансы, о которых в Туманном Альбионе ничего не смыслят.

– Куда же кружки подевались? – спросил Бóрис.

– Уплыли! – вполне конкретно отвечала официантка. – На дебаркадере! Вы что, тоже нерусский?

– Если бы, – сказал Бóрис и поинтересовался: – Из чего пить предлагаете?.

– Вам-то?! – осведомилась официантка у Бóриса. – Могу налить в пивную бутылку... А вот как быть с этими?.. – спросила она и покосилась на Джо и Джеймса.

Англичане доброжелательно заулыбались.

– Зря смеются, – заметила официантка. – Пустые бутылки у меня только из-под пива «Балтика».

– О'кей! – отвечал Бóрис. – Мы попробуем...

– Как хотите! – сказала официантка. – Потому что дебаркадер должен вернуться обратно. Вместе с кружками. Скорее всего.

– Не будем рисковать, – покачал головой Бóрис. – Несите как есть!

Официантка пожала плечами и удалилась, а Бóрис хотел объяснить англичанам самую суть переговоров, дважды пробормотал: «боттел, боттел» – и плюнул...

«Все равно не поймут, – подумал Бóрис. – Вдобавок почему я знаю, куда уплыл дебаркадер? Может, к Петропавловской крепости... А может, еще куда...»

«Heineken» в бутылках из-под «Балтики» вызвал у англичан смешанные чувства. отведав этого пива, Джо удивленно уставился на этикетку, а Джеймс – на официантку...

– «Дом Периньон» одна тысяча девятьсот тридцать шестого года, – пояснила она. – Из собственных виноградников...

– Идите-идите, – попросил Бóрис. – Идите-идите... Вам что, делать больше нечего?

– Иду-иду, – ответила неугомонная официантка. – Иду-иду.

И отошла на десять шагов по меридиану, чтобы наблюдать за посетителями с безопасного расстояния.

– Сиська! – изрек Джеймс.

– Сиська! – подтвердил Джо.

«Надо же!» – подумал Бóрис, после чего сообразил, что Джо и Джеймс имеют в виду не официантку, а футболиста, изображенного на этикетке: «Пиво „Балтика“ – официальный спонсор чемпионата России». И когда англичане в третий раз попытались растолковать Бóрису, чья это «сиська», он обо всем догадался сам.

– Це-эС-Ка? – ласково переспросил Бóрис.

Джо и Джеймс радостно закивали: «Си-ись-ка!»

– Как щас закатаю в лоб! – патриотично заявил Бóрис. – И будет «Манчестер Юнайтед»!

Официантка выронила поднос, и тот покатился со смеху. А Джо и Джеймс принялись употреблять «Heineken», весьма довольные собой и обстоятельствами. Потому что не каждый английский болельщик знает про Це-эС-Ка и может об этом поговорить, не прибегая к услугам психоаналитика...

Да разве дадут человеку спокойно выпить пива в белую ночь?!

– Я извиняюсь, – обратился к нашим друзьям некий господин... До сей поры он мирно уживался за соседним столиком.

– Бутылки нам еще нужны! – моментально отреагировал Бóрис, думая, что господин промышляет утилитарным бизнесом. То есть собирает стеклянную тару с целью последующей перепродажи.

– Нет, нет и нет, – категорически возразил этот господин. – Я не покушаюсь на вашу собственность. Я просто интересуюсь, откуда пожаловали иностранные гости.

– А вам-то какое дело? – насупился Бóрис, не желая разговаривать с подозрительными личностями.

Поскольку господин был одет и выглядел весьма оригинально. В лаптях и фраке. Возможно, английскому джентльмену, посетившему Россию после перестройки и дефолта, не покажется это странным. И вероятно, английский джентльмен подумает, что это русский национальный смокинг. Но опытный Бóрис, наладив отношения с Россией тридцать четыре года назад, мог отличить придурка от человека в сандалиях, невзирая на фокусы отечественной обувной промышленности. Конечно, лапти еще допустимы по сельской

местности, но фрак не лез ни в какие ворота. А когда господин поднялся со своего места – даже англичанам стало очевидно, что фалды не должны волочиться по земле за джентльменом.

Внешность господина мало сказать – гармонировала с гардеробом. До невозможности выразить – как! Это была не физиономия, а какие-то огородно-луковые насаждения. Нос – картошкой; глаза – словно бусинки черной смородины; вместо бровей – заросли укропа; и всё – перепахано, перепахано, перепахано глубокими морщинами. Эти «шпинаты» сопровождала козлиная бородка, а сам господин улыбался, как бы подтрунивая над собственной внешностью.

Он беспардонно взял и переместился к нашим друзьям за столик.

– Дело в том, – стал разглагольствовать господин, – что я тоже прибыл издалека и, как надеюсь, на историческую родину.

Бóрис помялся-помялся, поерзал-поерзал и спросил:

– Так вы, получается, иудей?

– Здравствуйте! – откликнулся господин. – Почему так получается?

– Ну как же... – промямлил Бóрис и покрутил носом. – Устойчивое словосочетание: историческая родина...

– А у вас ее нет? – спросил господин.

– Кого?! – сразу не понял Бóрис.

– Исторической родины, – пояснил господин, тщательно выговаривая оба слова.

– Есть! – заявил Бóрис и для наглядности потопал по земле ногами. – А вы из Комитета государственной безопасности? Здравствуйте-здравствуйте!

– До свидания! – не растерялся загадочный господин. – И как мне помнится, Комитет государственной безопасности недавно упразднили...

– Переименовали! – возразил Бóрис.

А Джо и Джеймс радостно заверещали «Кей Джи Би! Кей Джи Би!», как будто служили в органах до самой пенсии.

– Родина там, где тепло и много, – туманно заявил Бóрис, не вдаваясь в подробности – насколько тепло и чего много.

– У вас странное отношение к родине, – сообщил господин Бóрису. – Инкубаторное.

– Да бросьте трепаться! – разозлился Бóрис, потому что недолюбливал, когда русскому человеку лезли в душу. – Отвечайте прямо: вы еврей или нет?

– Я грек, – скромно отвечал господин.

– А зачем тогда людям голову морочите?! – спросил Бóрис и постучал указательным пальцем по столику – целых три раза.

А господин постучал четыре раза, да по тому же месту. Не желая ни в чем уступать, Бóрис отбил пять раз. А Джо и Джеймс недоумевали – почему это русские с евреями перешли на азбуку Морзе?

– Прибыл издалека... Меняю историческую родину... – передразнил Бóрис. – А сам в лаптях и во фраке... Вы что – Иван Сусанин?!

Господин отрицательно покачал головой: «Э-а!» – и представился:

– Пан!

– Пан?.. – тут же переспросил Бóрис, ожидая, что за «паном» последует и фамилия пана.

Однако господин посчитал, что вопрос исчерпан.

Он подмигнул Джо и Джеймсу, взял свою бутылочку из-под «Балтики» и выхлебал половину.

– И все-таки?.. – не унимался Бóрис по поводу «пана».

– Без лишних церемоний! – отмахнулся несуразный господин. – Просто Пан!

– Пан, пропан... – пробурчал Бóрис. – Фамилия у вас какая-нибудь есть?!

– Ну, если вы настаиваете... – пожал плечами господин. – Можете называть меня «пан Пенелопский».

– Это еще почему? – нахмурился Бóрис.

– Потому что мать моя Пенелопа, – пояснил господин. – И как говорят некоторые... – тут господин вытащил из-под полы своего фрака записную книжку и процитировал: – «Пенелопа родила Пана от всех женихов сразу, которые ухаживали за ней в отсутствие Одиссея...»

– Иди ты! – не поверил Бóрис.

– Роберт Грейвс, «Мифы Древней Греции», – подтвердил пан Пенелопский.

Бóрис откинулся на спинку стула, пробормотал «Грейвс, Грейвс» и обратился к англичанам:

– Вы что-нибудь слышали о Роберте Грейвсе? – но без особой надежды на ответ, а так, чтобы Джо и Джеймс не выпадали из компании.

– Народ безмолвствует, – заметил пан Пенелопский.

– Да, – подтвердил Бóрис, – скорее пингвин заговорит на суахили...

И дружелюбно похлопал Джо по плечу, а затем и Джеймса...

Употребивши внимание себе во благо, Джо и Джеймс выставили напоказ пустые бутылки из-под пива. И выразительными жестами попросили их наполнить.

– Итальянцы? – осведомился пан Пенелопский.

– Английские коммунисты, – вздохнул Бóрис. – Экспорт-импорт горюче-смазочных материалов! Набираются у нас опыта, но, кажется, еще не набрались...

И похожими жестами стал подманивать официантку... Однако заблудшую дочь ресторанного бизнеса волновали другие предметы – кораблики на Неве, пуговики на блузке – и совсем не тревожил Бóрис.

– Звали? – спросила она, чудом оказавшись у столика.

– Полчаса назад, – заявил Бóрис.

– Ваше счастье, – сообщила официантка, – что сегодня у нас вечер быстрого обслуживания.

– Да ладно-ладно, – отмахнулся Бóрис. – Да ладно-ладно. Не будем спорить...

– Если хотите повторить, – намекнула официантка, – спорить не советую. А если хотите продолжить... Собака лает, а караван стоит.

– Кто собака?! – возмутился Бóрис.

– Древняя бедуинская поговорка, – пояснила официантка. – Я бедуин! – сообщила она, собрала пустые бутылки и отправилась в экспедицию за пивом.

– Сиська! – изрек Джеймс.

– Сиська! – подтвердил Джо.

Официантка притормозила на полдороге...

– И пиво, пожалуйста, в бутылках с футболистами! – пояснил Бóрис.

– Да ладно-ладно, – согласилась официантка. – Да ладно-ладно. – И скрылась из поля зрения...

– С женщиной труднее договориться, чем с ослом! – заметил пан Пенелопский. – Потому что никогда не знаешь наверняка, о чем ты с ней договорился... Вы помните историю про яблоко раздора, когда Парис подписал соглашение с Афродитой? И что из этого получилось?!

– После пива, – сказал Бóрис, – обязательно вспомню.

Тогда Пенелопский пан вытащил из-под полы своего необъятного фрака четыре бутылки холодного пива торговой марки «Heineken» и, к удивлению Бóриса, с английскими футболистами...

– Бекхэм! – изрек Джеймс.

– Бекхэм! – подтвердил Джо...

– А настроение народных масс и вовсе непредсказуемо, – заметил пан Пенелопский. И безо всякого предупреждения продолжал: – Однажды в Риме случилось падение нравов. Вдруг передохли священные гуси, а благородные матроны позабыли и стыд, и мораль. Завидя врага, никто не гоготал, и вдовы ошарашивали своими неумными эротическими фантазиями. В прежние времена стоило только взглянуть на городские стены, как благородные гуси начинали шипеть, а священные дамы кричали: «Нет, нет, нет, нет, нет!» А ныне все десять ворот остались без присмотра, и посягнуть на супружескую верность оказалось проще пареной репы.

Попробовали приспособить для охраны границ Сфингу, но она задавала один и тот же вопрос: «Кто это шляется мимо меня каждый вечер на четвереньках?.. Кто это шляется мимо меня каждый вечер на четвереньках?..» Покуда сенаторам не надоела эта оголтелая критика и Сфингу не убрали за излишний формализм. Зачем же комментировать, когда человек немножечко выпил и возвращается домой на запасном комплекте конечностей?!

Вдобавок из-за свободного хождения туда-сюда, туда-сюда в Риме расплодилось кентавры, что совершенно естественно, когда не возбраняется шастать – на двух, на трех и на пяти ногах. А кентавры – известные пьяницы, дебоширы и потаскуны. Особой прыткостью среди них отличалась парнокопытная сволочь по имени Хирон. Которая при малейшей опасности изображала Медного всадника. Напьется, надебоширится и рвет копыта по направлению к главной

площади. А там – попробуй его отличи от конной статуи Марка Аврелия. И трижды таскали этот монумент в полицейский участок, где Марк Аврелий во всем признавался. Что – взял и обрюхатил супругу Тразеи Пета, когда страдающая близорукостью супруга зашла подоить корову, да перепутала вымя с конной статуей... Что – катал без лицензии интуриста вокруг Капитолия и сожрал все запасы морковки, предназначенные для гужевого транспорта. «Шнапс закусывал!» – казнил Марк Аврелий и норовил расписаться в полицейском протоколе – левым копытом...

Словом, творились в Вечном городе безобразия ни с чем не сопоставимые... И вот как-то раз по старой Аппиевой дороге, что между Римом и Капуей, пришел в город Стражник. История не сохранила его черты для потомков, а только отметила сапоги желтого цвета, которые буквально лоснились от неги. И каждые десять минут Стражник протирал их тряпочкой, а каждые полчаса смазывал жиром. История умалчивает, как часто Стражник чесывал за ухом, но с сапогами он никогда не расставался – это точно. Как заступил на пост возле Северных ворот, да так и остался в памяти современников. Словно ангел-хранитель, ниспосланный Ромулом для поддержания нравственности. Аки щит и меч Вечного города! Ну чисто геморрой для всяких мошенников и проходимцев...

И так горожане полюбили своего Стражника, что стали слагать легенды о его неподкупности и высокодуховности. О том, что, покуда есть у Вечного города Стражник, – не захватят Рима враги и весталки не забеременеют. Практически изо всех городов Италии съезжались люди посмотреть на Стражника. Полюбопытствовать – в чем сила его двужильности и где источник его неподкупности. А все городские дамы в девическом исступлении грезили о Стражнике, хоть в эротическом контексте, но – в сапогах...

Год стоял Стражник, два стоял Стражник, а на третий – сомлел под южным солнцем и брякнулся в обморок. «Ой-ти! Ой-ти!» – воскликнули жители и бросились к своему Стражнику. Поднялся невообразимый переполох, где каждый стремился помочь бедолаге: окропить холодной водой, подуть на светлый облик вместо кондиционера. Даже Хирон примчался, дабы помахать хвостом, что в древнее время отлично заменяло нашатырный спирт...

«Освободите Стражника от мундира! – советовали окружающие. – Дайте ему вздохнуть полной грудью!» «Снимайте исподнее... – подзуживали дамы. – Снимайте исподнее...» И как только сердобольные граждане стащили со Стражника сапоги – оттуда посыпались разнокалиберные монеты. Сестерции, тугрики и динары. Которые неподкупный Стражник собирал в свободное от неподкупности время. Со всех контрабандистов и проходимцев. И год собирал, и два, и три!..

Как я уже говорил, – напомнил пан Пенелопский, – настроение толпы меняется резко-континентально. И вчерашний кумир может сегодня недосчитаться вставной челюсти. А может и чего посущественней... Собственно, Стражника проводили по той же самой Аппиевой дороге – пинками и зуботычинами. Но больше всего возмущало граждан, что Стражник оказался не хуже и не лучше любого среднестатистического жителя. Который в месяц ворует не менее двухсот сестерциев, прелюбодействует не реже одного раза в квартал и регулярно думает – как поживиться за счет соседа. «Вот проходимец! Вот сволота! – негодовали среднестатистические жители по поводу Стражника. – Прямо в душу наплевал, паразит! Как теперь жить?!»

– Аналогичный случай, – заметил Бóрис, – произошел в Санкт-Петербурге. Только на общем собрании инспекторов патрульно-постовой службы...

– Так выпьем за связь времен и братство народов! – провозгласил пан Пенелопский и поднял над головой бутылку с пивом...

– Внимание! Внимание! – вдруг развопился громкоговоритель голосом официантки. – Наш дебаркадер отправляется через пять минут! Просим алкоголиков собраться на верхней палубе! А то нижней палубы нету!

– Ну что? Собираемся? – спросил Пенелопский пан.

– А то! – поддержал идею Бóрис, и наша компания направилась к дебаркадеру...

Дебаркадер с кружками на Малой Невке (V–IV в. до н. э.)

IV

Однажды Бог создал Адама, а дьявол изобрел коммунальную квартиру. То есть обе стороны изрядно потрудились, чтобы этот поденок расплодился и чувствовал себя комфортно. Известные русские генетики – большевики – продвинулись еще дальше в области благоустройства и человеческих отношений. Они внимательно перечитали Библию и обнаружили интересные тезисы. Ну, например: «Всякой твари – по паре!» По этому принципу большевики сгруппировались и стали думать над остальными удобствами.

Однако о санитарных нормах в Библии не упоминалось, и пришлось выводить их самостоятельно. Ну, например – на восемь тварей один туалет, не считая цветочных горшков и остальных емкостей... Или на четыре чумазы пары – отдельная ванная комната, но совмещенная с универсальным тазом, чтобы твари подолгу там не засиживались в позе роденовского мыслителя. Ибо всякая туалетная философия имеет вредную тенденцию – сливать воду. А в принципах коммунального общежития этого не заложено. Как только тварь начинает сливать за собой воду, она переходит на новый уровень развития и пересматривает санитарные нормы. После чего чешет репу и возникает: «Тварь ли я дрожащая или право имею?!»

Сергей Павлович прав не имел, и условных рефлексов тоже. Конечно, позывы какие-то были и даже реализовывались, но дернуть за ручку и запустить сливной механизм желания не возникало. Ну просто беда академика Павлова, а не человек! С одной стороны – методично бегаешь по звонку к телефонному аппарату, а с другой стороны – все физиологические процессы происходят с нарушениями. И какую тут докторскую диссертацию можно защитить?!

В коммунальной квартире, где проживал Сергей Павлович, имелось три комнаты по правую руку и столько же – по левую. Если смотреть от входной двери в сторону кухни. А если под другим углом зрения, то по левую руку комнаты не хватало. Зато имелся встроенный шкаф с лилипутом, который исправно платил за эту щель как за комнату. И время от времени делал там ремонт и перепланировку. Лилипута звали Вениамин Кондратьевич Кондрашов. Он трудился в

часовой мастерской и слыл отчаянным педантом. Ровно в полночь Вениамин Кондратьевич выскакивал из своего шкафа и верещал: «Угомонитесь, твари! Мне завтра на работу!» Ну форменным образом – часы с кукушкой.

За встроенным шкафом жила балерина. Если у вас в детстве не было ёжика или, хуже того, не было детства, то вы никогда не поймете, каково это – быть балериной. Потому что ёжики бегают как сволочи и цокают по паркету лапами. А балерина марширует, как па-де-де из балета «Лебединое озеро» или два эскадрона ёжиков на пуантах. «Обожаю балерин! Дын-дын-дын-дын-дын-дын-дын!» Теперь о детстве... Балерина готовила себе похлебку в кукольных кастрюлечках. У нее был целый кухонный набор из ассортимента Барби. Но по правде говоря, некоторых приборов не хватало, потому что их стырил лилипут, Вениамин Кондратьевич, и не признавался.

Напротив балерины, как положено, обретался дворник. Который однажды нашел на помойке Канта и с тех пор находился под впечатлением от этой книги. «Есть две непостижимые вещи, – любил повторять дворник. – Бездонное небо над головой и категорический аперитив – внутри меня!» После чего выпивал две бутылки портвейна, и разговаривать с ним становилось неинтересно. Потому что дворник падал на спину и в полной прострации смотрел на небо. «Опять посреди коридора медитируете?!» – возмущалась балерина и прыгала через дворника, словно Эсмеральда, по дороге на кухню и обратно.

Следующим номером проживала Оленька. Вначале с Иваном Петровитчем, а позже – в двусмысленном положении. И хотя она часто повторяла, что муж у нее только для обстановки, но смириться с исчезновением «шифоньера» так и не смогла. В первый же день после пропажи Ивана Петровитча его Оленька внимательно просмотрела все мебельные каталоги, которые удалось достать. На второй день побывала в Эрмитаже и прошлась по антикварным магазинам. Однако Иван Петровитч как в воду канул... На третий день Оленьке показалось, что балерина зашкандыбала. А па-де-де из «Лебединого озера» сменилось на па-де-труа. «Ах ты коза!» – подумала Оленька и стала тщательней следить за репертуаром Мариинки, предполагая застукать Ивана Петровитча у балерины...

И наконец, в самой дальней комнате коммунальной квартиры обитал непонятный гражданин, к которому мы еще вернемся...

Восемнадцатого июня, в шестом часу вечера, как только Вениамин Кондратьевич откуковал пятый раз, в квартире раздался телефонный звонок. Сергей Павлович ломанулся из комнаты в коридор, где был установлен общественный аппарат, и ухватился за трубку. Ему нравилось отвечать на звонки в духе пролетарского интернационала, то есть – без сантиментов. Чаще всего спрашивали балерину и начинали, по вшивой привычке, издали: «Простите, пожалуйста, за беспокойство...» или «Здравствуйте!...». Эти интеллигентские предисловия выводили Сергея Павловича из себя. «Ее нету дома!» – гавкал Сергей Павлович и бросал телефонную трубку с остервенением...

Лилипута, Вениамина Кондратьевича, спрашивали реже. «Пи-пи-пи-пи-пи! – передразнивал Сергей Павлович. – Выньте трубочку из попочки!» И радовался, аки дитя, своему природному остроумию. После чего отправлялся на кухню, чтобы проинформировать общественность о содержании телефонного разговора.

– Он мне: пи-пи-пи-пи-пи! – пересказывал Сергей Павлович. – А я ему: выньте трубочку из попочки!

– Ну ты юморист! – до слез хохотал дворник. – А дальше что было?

Сергей Павлович многозначительно ухмылялся, подмигивал дворнику и обстоятельно закусывал.

– Дальше-то?! – переспрашивал Сергей Павлович. – Он снова: пи-пи-пи-пи-пи!

– Ну, а ты?! – интересовался дворник.

– А я говорю, – сообщал Сергей Павлович, – выньте трубочку из попочки!

– Ха-ха-ха-ха! – надрывался дворник. – А он что?..

Эта содержательная беседа продолжалась на кухне часами, покуда не кончался портвейн. А лично Сергею Павловичу никто не звонил, и можно сказать, он бегал к телефонному аппарату по той же причине, что и деревенские собаки, – погавкать на колесо...

Однако восемнадцатого июня Сергея Павловича ожидал сюрприз. Как только он поднял телефонную трубку – оттуда грянула музыка ленинградских композиторов и вокал следующего содержания:

Новые песни
Придумала жизнь!
Не надо, ребята,
О песне тужить,
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
«Бригада», «Бригада»,
«Бригада» моя!!!

Вышеобозначенная «песня» исполнялась на два голоса – мужской и женский. По окончании женский голос осведомился:

– Это Сергей Павлович?!

– Да, – в смятении отозвался он.

– Вас беспокоят из Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина! – заявила женщина.

– Ее нету дома! – прогавкал Сергей Павлович, полагая, что спрашивают балерину, и приготовился бросить телефонную трубку...

– А с кем же я, мать твою, разговариваю?! – наяривала странная библиотека. – С прачечной, что ли?!

– Нет, – промямлил Сергей Павлович в полном обалдении.

– У вас на руках «Очерки античного символизма и мифологии», – продолжала женщина. – Когда вы намерены ликвидировать задолженность?

– Вы что-то путаете! – отвечал Сергей Павлович, впервые за долгие годы обращаясь к даме на «вы».

– Ты, падла, не юли! – посоветовали Сергею Павловичу. – А то Радзивилла на тебя повешу!

– Какого Радзивилла? – пролепетал Сергей Павлович.

– Андрея Степановича! – пояснила женщина. – У нас «Патологии» с «Аналогиями» куда-то пропали! Прямо из читального зала!

– Я вашего Радзивилла не брал! – поклялся Сергей Павлович.

– Еще скажи, что читать не умеешь! – заметила женщина. – В общем, до понедельника «Очерки» не вернешь – включаю счетчик!

– Это как? – не понял Сергей Павлович.

– Тик-так, тик-так, тик-так! – пояснила женщина. – А к пятнице будешь должен Большую советскую энциклопедию!

– Да нет у меня никаких книг! – испугался Сергей Павлович. – И в библиотеке я отродясь не был!

– Тогда открывай входную дверь, не то вышибу! – предупредила женщина и повесила трубку.

«Ненормальная!» – подумал Сергей Павлович и принял важное для себя решение – больше к телефонному аппарату не бегать, а библиотеки обходить за два квартала. Он было собрался пойти на кухню и съесть от расстройства четыре кильки, но тут во входную дверь позвонили. Как раз по числу вождеденных рыбок.

«Съем – пять! – подумал Сергей Павлович. – А двери пусть лилипут открывает!»

– Вениамин Кондратьевич! – позвал Сергей Павлович. – К вам пришли!

Однако педантично настроенный Вениамин Кондратьевич даже не выглянул из-за дверцы.

– Вы что же думаете?! – отозвался часовых дел мастер. – Я считать не умею?!

В коммунальной квартире каждый жилец имел свои позывные. Например, чтобы попасть к Вениамину Кондратьевичу, следовало прозвониться пять раз, а к балерине – только дважды. О чем сообщалось в цидуле, вывешенной на всенародное обозрение. И не дай тебе боже лишний раз надавить на пупочку. Тут же выскакивал дворник и принимался отчитывать провинившегося, словно тот потревожил покой английской королевы.

– Четыре звонка – это к Сергею Павловичу! – подтвердила балерина из мест общего пользования.

– К нему! К нему! – донеслось из дальней комнаты.

Сергей Павлович тяжело повздыхал и направился ко входной двери.

– Кто там? – осторожно поинтересовался он, помня о телефонной террористке.

– Клод Ван Дамм! – отвечали Сергею Павловичу. – Я же предупреждала, что дверь вышибу!

Сергей Павлович оглянулся, призывая соратников по борьбе сплотиться в трудную годину, но в длинном коридоре гуляли

сквозняки, подмигивала общественная лампочка на двадцать пять ватт, висел эмалированный таз, и никакая тварь не спешила на выручку. А только босоногий мальчик из далекого детства подошел к Сергею Павловитчу, подергал его за штанину и поинтересовался: «Дядя, ну почему ты такой дурак?!» «Не знаю, мальчик! – ответил Сергей Павловитч. – Так получилось!» – и смахнул видение вместе со слезой.

– Прощайте, подруги! Прощайте, друзья! – пролепетал Сергей Павловитч. – Бригада, бригада, бригада моя...

И если раньше Сергей Павловитч был поклонником «бандитского» сериала и считал его «жизненным», то теперь ему резко разонравилось это кино – за поганый натурализм и сомнительные художественные достоинства. Поэтому входную дверь он открывал без зрительских симпатий...

– Господа! – с места в карьер заявил Сергей Павловитч, размахивая руками и защищаясь. – Мне кажется, что кассовый бандитизм убивает подлинное киноискусство!

Однако никто не собирался с ним полемизировать и тем более – бить, извините, морду. А на пороге стояла парочка, как говорится – гусь и цесарочка. То есть мужчина во фраке и дама в вечернем платье.

– Вы правы, – согласился мужчина во фраке с Сергеем Павловитчем. – Кино задумано для эстетического удовольствия, а служит для размножения идиотов. Во всяком случае, на телеэкране. От серии к серии их становится все больше и больше. Как будто открыли новый институт – дебилизма и кинематографии.

– Смело! – подытожила дама. – Очень смело! Но, кажется, наш визави настроен куда решительней...

– Ах, простите! – смутился Сергей Павловитч. – Вы стали невольными свидетелями моего душевного расстройства... С кем имею честь познакомиться?

– Пан Пенелопский! – расшаркался мужчина, снимая цилиндр. – Позвольте представить свою спутницу...

– Геката Триодитис! – улыбнулась женщина. – Из Публичной библиотеки...

– Очень приятно! – аналогично раскланялся Сергей Павловитч. – Да вы проходите-проходите! Извините за беспорядок, но прислугу мы отпустили на выходные. Так что попрошу без сантиментов.

Большая передняя напоминала теперь о времени, когда коммуналка не была таковой, а выглядела как городская квартира. То есть зажиточно и без перегородок. На месте эмалированного таза висело зеркало, лампочку заменили на бра, и сквозняки не разгуливали по коридору с молодецкими посвистами... Даже тараканы куда-то попрятались.

– Я думаю, что мы оказались в двусмысленном положении, – между тем продолжал разглагольствовать пан Пенелопский. – С одной стороны, только птички чирикают даром, а с другой стороны – режиссеры стараются угодить как можно большему числу зрителей. Касса, господа, касса! Вот бич современного киноискусства!

– Как вам, кстати, «Очерки античного символизма и мифологии»? – поинтересовалась Геката.

– Весьма-весьма! – отозвался Сергей Павлович. – Точка зрения на античность, положенная в основу этих очерков, выработана совершенно эмпирически!

– Чувственные опыты надо контролировать, – возразил пан Пенелопский. – Ну, например... Все писатели произошли от слепого Гомера! Который пренебрегал контрацепцией. После чего писатели стали множиться, как мухи дрозофилы! Эзоп родил Лафонтена, Лафонтен родил Крылова... А в результате получился Союз писателей, который не может родить ничего путного. За тридцать веков этих чувственных опытов мы только разбазарили весь генофонд! Да разве Гомер в зрячем состоянии зачал бы Союз писателей?! Иначе говоря, «Одиссею» растащили по буквам, разбрызгали по углам, и теперь повсеместно лужицы, а горячей воды нет!

– Как?! – воскликнул Сергей Павлович. – У вас тоже – нет?!

– Представьте себе, – кивнул пан Пенелопский. – Тёпло! Энерго! Централь! Она, зараза, не выбирает!

– Да что же мы топчемся в передней?! – всплеснул руками Сергей Павлович. – Пожалуйте, господа, в гостиную!

– Последнюю попытку воссоздать Гомера предпринял Джойс, – попутно излагал пан Пенелопский. – Но его хитроумный «Улисс» так и не добрался до каждого дома, не сделался настольной книгой. Потому что читатели измельчали вместе с писателями. А скоро и вообще разобьются парами. Каждому автору выделяют по читателю, и пойдет у них литература – из уст в уста, из уст в уста, из уст в уста...

Геката притормозила возле зеркала, сделала книксен и поправила на плече свою сумочку, которая превосходила все виденные Сергеем Павловичем дамские аксессуары. Включая интендантский чемодан «Великая Германия».

– Арбузами балуетесь? – осведомился Сергей Павлович, поскольку из «сумочки» выпирало что-то округлое, вроде пудовой гири.

– Да, – подтвердила Геката. – Мы с паном Пенелопским заскочили по дороге на Некрасовский колхозный рынок. Отоварились.

Гостиная была декорирована в стиле ампир – с опорой на художественное наследие императорского Рима и древнегреческой архаики. По углам возвышались античные бюсты на пьедесталах, потолок украшала замысловатая лепнина, а во главе длинного стола сидел лилипут и жрал кильку. Брал двумя пальчиками за хвостик, откусывал ей голову и выплевывал в супницу.

– Вениамин Кондратьевич! – воскликнул Сергей Павлович. – Что вы такое делаете?!

– Закусываю, – невозмутимо отвечал Вениамин Кондратьевич и вытирал руки о скатерть.

– Ох уж эти новые русские! – покачал головой Сергей Павлович. – Хуже тюленей. И коттеджей им понастроили, и круглый год на Канарах отдыхают... А как только увидят кильку – сами не свои! Все буржуазное воспитание побоку, глаза горят, слюни текут, руки трясутся... Газету на столе разложат и... – разговляются! Очень они этот продукт предпочитают...

– Предпочитала Маша кашу, а напоролась на Кондрашу! – ухмыльнулся лилипут и облизал пальцы.

– Вениамин Кондратьевич у нас поэт, – пояснил Сергей Павлович. – Цепляется за каждое последнее слово.

– Цеплялась Маша за Кондрашу, а я пою про жизнь нашу! – возразил Вениамин Кондратьевич.

– Это, конечно, господа, не Пушкин, – извинился Сергей Павлович, – но тоже старается... Однако позвольте вас пригласить в туалетную комнату!

– Это еще зачем? – поинтересовалась Геката, а пан Пенелопский подозрительно хмыкнул.

– Там я продемонстрирую, чем человек отличается от обезьяны! – важно заявил Сергей Павлович и жестами предложил следовать за собой. – Пожалуйста, господа, пожалуйста!

Он вразвалочку подошел к заветной комнате и потянул на себя дверь, но она почему-то не поддавалась. «Сейчас-сейчас!» – пообещал Сергей Павлович, поднатужился и удалил препятствие вместе с косяком. После чего шагнул в помещение и принялся дергать за ручку унитаза...

– Гегель – сливал, Кант – сливал, и я – сливать буду! – приговаривал Сергей Павлович, налегая на спусковой механизм. – Потому что одни гамадрилы воду за собой не сливают. Они не знают «Критики чистого разума»!

– Ты что же, паразит, вытворяешь?! – заорали на Сергея Павловича, да так истошно, как могут завывать только оперные дивы в минуту высочайшего душевного подъема.

Сергей Павлович моментально обернулся и оторопел... В общественной ванне сидела голая балерина – кожа да кости – и не стеснялась в выражениях...

– Ты разве не видишь, тварь такая, что санитарный узел занят?! – не унималась балерина. – Зачем шпингалет оторвал, извращенец?!

Тут балерина от слов перешла к делу и стала кидаться в Сергея Павловича хозяйственным мылом. Несчастный и ничего не соображающий Сергей Павлович вынужден был отступить в коридор под напором подобной критики.

– Вот видите, господа! – произнес Сергей Павлович, разводя руками. – В каких условиях проживает русская интеллигенция...

Однако в коридоре никого не наблюдалось, а только потрескивала засиженная мухами электрическая лампочка на двадцать пять ватт. Приятные собеседники как сквозь землю провалились.

– Было бы на что смотреть! – крикнул тогда Сергей Павлович по поводу балерины и хлопнул дверью общественного заведения.

Да с такой нечеловеческой силой, что со стены брякнулся эмалированный таз, а ветер погнал тараканов в обратном направлении.

«И какая собака меня укусила? – тем временем терялся в догадках Сергей Павлович. – Господа... Киноискусство... Гомер... Пан Пенелопский...»

Он подошел ко входной двери и не обнаружил признаков насильственного проникновения в квартиру. И цепочка, и собачка были на месте. Но все-таки Сергей Павлович решил разобраться во всех обстоятельствах этого странного происшествия.

– Вениамин Кондратьевич! – постучался в шкаф Сергей Павлович. – Вы для чего мою кильку кушали?!

– Когда? – насторожился за дверцей Вениамин Кондратьевич.

– Не далее как полчаса назад! В гостиной! – пояснил Сергей Павлович и догадался самостоятельно, что отчебучил несусветную чушь.

А лилипут только уточнил – по какому адресу отправляться Сергею Павловичу... Это философское направление не имело конкретной цели, во всяком случае – с килькой. И потому Сергей Павлович просто отошел от шкафа.

Но тут в коридоре послышался женский смех, как будто здесь находился великосветский салон, а не занюханная коммунальная квартира. «Что за безобразие?» – подумал Сергей Павлович. Оленька смеяться так не могла, а балерина в данный момент – не расположена. Одной рукой балерина держала дверь, а другой предполагала домыслиться. И пребывала не в радостном настроении. Тогда Сергей Павлович покрутил головой и вскоре установил, что смех доносился из комнаты непонятного гражданина...

Надо сказать, что об этом жильце в коммунальной квартире имелись разнообразные гипотезы. Ну например, непонятного гражданина подозревали в шпионаже, поскольку тот не пил портвейна, не калякал на кухне о политике, не разгуливал в трусах по коридору, не хлопал дверями, не плевался в местах наибольшего скопления народа, не пел про камыш и вообще – непонятно чем занимался. А вдобавок никто достоверно не знал, когда он дома, а когда отсутствует. Время от времени Сергей Павлович прикладывался к замочной скважине, чтобы уяснить, чем занимается гражданин в своей комнате, но видел только – фигу. Балерине мерещился там Большой театр, дворнику – бездонное небо, Оленьке – Иван Петрович... Эти странные тесты Роршаха не поддавались никакому психоанализу.

А посему Сергей Павлович стал подкрадываться к отдаленной комнате в радостном предвкушении, что карта к нему пошла и сейчас он непременно сорвет банк. Или, на худой конец, застучает

непонятого гражданина с дамой, отчего тот моментально прояснится как бабник, пьяница и казнокрад. И жить станет всем значительно легче.

Дверь в комнату непонятого гражданина была приоткрыта. Тогда Сергей Павлович распахнул ее как следует и со словами: «Да вы, однако, проказник!» – ввалился в помещение. И замер, не в силах больше ничего вразумительного произнести... Потому что в комнате находилась прелюбопытнейшая компания. Во-первых, дама и полдамы; а во-вторых, мужчина во фраке и непонятный гражданин в домашнем халате. «Боже мой!» – подумал Сергей Павлович. Он, разумеется, узнал и Гекату, и Пенелопского пана, но голова Медузы произвела на Сергея Павловича наибольшее впечатление. «Полдамы» раскуривало сигару с видом Уинстона Черчилля в генеральской папаше и зависало под потолком, словно воздушный шарик.

– Чего уставился?! – спросила Медуза у Сергея Павловича. – Ну, летаю... Ну, без корсета... Эка невидаль! А вот знала бы мама, что я курю...

И тогда Сергей Павлович грохнулся на колени и произнес речь:

– Господи, прости, что мы такими уродились!!!

«Labyrinthus. Нис habitat Minotaurus». Коммунальная квартира.
Здесь живет Неизвестный автор

Двенадцатый уполномоченный курировал театральные афиши и поздравительные открытки. Но энергично скакал по служебной лестнице, играя в классики и современники. К январю будущего года он рассчитывал попасть на ступеньку Одиннадцатого уполномоченного, который занимался журналами и газетами, или вскарабкаться по перилам, рискуя сломать себе шею. «Лишь бы не в Котел! Лишь бы не в Котел!» – думал Двенадцатый уполномоченный, пиная перед собой портфель и прыгая на одной ножке...

Девятнадцатого июня Двенадцатый уполномоченный, как обычно, находился в своем кабинете и занимался подсиживанием. То есть перлюстрировал газеты и журналы, надеясь обнаружить вопиющее нарушение, которое ускользнуло от Одиннадцатого. В подобном случае Двенадцатый уполномоченный имел моральное право перескочить через голову и оказаться в кабинете Десятого. А там донести, что имеется служебное несоответствие: Одиннадцатого – Одиннадцатому, а Двенадцатого – Двенадцатому. И, собственно говоря, надо поменять их местами: Одиннадцатого спустить на поздравительные открытки, а Двенадцатого бросить на усиление, чтобы Десятый успел доложить Девятому о вовремя замеченных недостатках и переставил Двенадцатого на должность начальника журналов и газет. И когда Восьмой подпишет подобное назначение, а Седьмой завизирует, то можно рассчитывать на благосклонность Шестого, который направит официальную бумагу Пятому, что Двенадцатого надо употребить, как Одиннадцатого, а последнего – разжаловать до самого низкого уровня, благо Четвертый не возражает. А посему – Пятый непременно позвонит Третьему с целью предупредить Второго о важных изменениях в аппарате Первого. И дельце выгорит! Если Второго не замещает на этот момент Первая секретарша, которая не в ладах с Четвертым и, чтобы насолить Третьему, вышеупомянутая стерва может Пятого отослать к Десятому, а телефон Седьмого соединить с Девятым. И тогда все покатится в

обратном направлении, и Двенадцатого уполномоченного ожидает не повышение, а Котел...

Однако сегодняшнее число оказалось удачным для Двенадцатого уполномоченного. И, просматривая очередной журнал, он обнаружил статью, которая называлась «От Моне до Матисса на мотоцикле». По лихости эта статья превосходила все написанное и вместе взятое за девятнадцатое июня, но содержала интересные факты из жизни Эрмитажа: «Шикарный, как шариковский галстук, мотоцикл Харлея-Дэвидсона проскочил словно бы по воздушному коридору из отдела античной культуры на выход, где развернулась мощнейшая плотская катавасия. Столицей разврата, патентованным логовом кровосмесителей, содомитов, распутников и матереубийц наш Эрмитаж становится в силу эротической фантазии нескольких помешавшихся на античности охранников!!!»

Двенадцатый уполномоченный давно научился читать между строк, не обращая внимания на стилистические обороты. Поэтому он дважды подчеркнул фамилии Харлея и Дэвидсона и отложил в сторонку журнал, чтобы хирургически разобраться с другими печатными органами, предчувствуя, что вышел на ягодные места и сейчас насобирает клюквы. Полное лукошко...

Вторая подозрительная статейка называлась «Патологии с Аналогиями». «Чуть больше года тому назад, – писал некий корреспондент, – питерское издательство „Алфавит“ запустило на рынок весьма остроумную фальсификацию. О двухтомнике „Аналогии“ так называемого профессора Радзивилла писали все. Но еще больше мучились критики над загадкой – гад этот профессор или не гад?! И на какой предмет он сравнивает русскую мифологию с греческой?! И не просто сравнивает, а буквально роется в грязном белье и по-хозяйски распахивает шкапы со скелетами!..» После чего автор статьи подытоживал, что «так называемый» Радзивилл сошел с ума от неразделенного комплекса Эдипа.

– Интересно-интересно, – заметил Двенадцатый уполномоченный.

Третья статейка – «Кто крышует черные дебаркадеры?!» – начиналась подобным образом: «Вчера от Дворцовой набережной отвалился дебаркадер и уплыл в неизвестном направлении... Обрыв?! Обломов?! Или обыкновенная история?! Речники божатся, что Дебаркадер – это немецкий писатель и кинорежиссер типа

Фассбиндера. По слухам, однако, черный дебаркадер торговал контрабандным пивом, а Фассбиндер хоть и талантливый режиссер, но вымышленный!» И заканчивалась третья статья предложением: «Ждите скандального разоблачения Дебаркадера; этот фальшивый Фассбиндер – главная бомба серии репортажей!!!»

– Хе-хе-хе-хе-хе, – сказал Двенадцатый уполномоченный, вырезал эти статейки и стал их разглядывать, словно банковские купюры... На наличие водяных знаков и прочей чертовщины. И вскоре обнаружил, что между строчками «От Моне до Матисса» просвечивается порнография. В самом непристойном виде – «амоР апаП». Как будто здесь не печатные органы, а пляж для nudистов! Такую же порнографию Двенадцатый уполномоченный усмотрел в «Патологии с Аналогиями» и, что самое интересное, – среди Фассбиндеров!

– Вот тебе, бабушка, и день Вооруженных сил! – воскликнул Двенадцатый уполномоченный, который любил приударить по русским поговоркам.

Он подошел к карте города и, приговаривая «амоР апаП, амоР апаП», отметил красным карандашом место, где Дебаркадера видели в последний раз, Государственный Эрмитаж и научное заведение профессора Радзивилла... В центре разностороннего треугольника оказался кабаk под названием «Папа Рома».

– Вот где собака зарыта! – ухмыльнулся Двенадцатый уполномоченный и убедительно постучал карандашом по треугольнику...

Все пути вели в «Папу Рому», а предпосылки – к выводам, что вокруг «Папы Ромы» концентрируются безобразия, словно намагниченные... Двенадцатый уполномоченный тут же собрался посетить аномальный кабаk и позвонил в гараж.

– Машину мне, машину! – прикрикнул Двенадцатый уполномоченный в телефонную трубку.

– Щас на ведровере у меня покатаешься! – спокойно ответил начальник гаража. – Ишь чего выдумал!

Стыдно сказать, но Двенадцатому уполномоченному не полагалась машина по первому же требованию. А надлежало проскакать одиннадцать раз по разным инстанциям и, топая ногами и рассыпаясь в любезностях, оставить заявку на двенадцатое число

следующего месяца. Тогда Десятый – завизирует, Девятый – переадресует, Восьмой – подпишет, а Седьмой...

Двенадцатый уполномоченный аккуратно положил телефонную трубку на аппарат и отправился на место преступления – старым дедовским способом. Для этого он покинул свой кабинет, поднялся на последний этаж, а дальше по служебной лестнице забрался на чердак, нашел подходящее слуховое окно и высунулся наружу... Конечно, здесь были свои неудобства, но локаторы у Двенадцатого уполномоченного по-прежнему работали исправно, как во времена комсомольской юности... Даже слегка оттопырились!

– «Родина слышит! Родина знает!.. – настроился на волну Двенадцатый уполномоченный. – Что ее сын потихоньку болтает!..»

После чего стал принимать сообщения...

– До каких же пор будет продолжаться это безобразие?! – возмущался какой-то интеллигент на коммунальной кухне. – Они что там, в правительстве, бузины объелись?!

– Ась?! – переспросил Двенадцатый уполномоченный и похлопал интеллигенцию по плечу...

Если кому-то покажется неправдоподобным, что уполномоченные легко перемещаются в пространстве, пусть повторяет: «Я знаю, кто дурак в правительстве!.. Я знаю, кто дурак в правительстве!» Покуда не выяснится – кто на самом деле дурак...

– Батюшки святы! – перекрестился работник умственного труда, увидев Двенадцатого уполномоченного. – Силы небесные!

– Дом какой?! Дом какой, спрашиваю!!! – брызжа слюной, заорал Двенадцатый уполномоченный.

– Улица Решетникова, двадцать пять, квартира тридцать шестая! – отозвался интеллигент и подобрал брюхо.

– «Папа Рома» отсюда далеко?! – не унимался Двенадцатый уполномоченный.

– И папа Рома, и мама Софа – в Краснодаре! – докладывала интеллигенция.

– А чего зря треплешься?! – разозлился Двенадцатый уполномоченный, потому как и сам догадался, что пролетел полгорода в неправильном направлении. – Прави-и-тельство! Бузины-ы объелось!.. Как щас дам в ухо!

– Не велите казнить, гражданин начальник! – запричитала интеллигенция. – Велите слово молвить!

– Молви! – разрешил Двенадцатый уполномоченный. – Да чтобы поближе к центру!

– Садовая, восемнадцать, квартира четырнадцать, Голеностопкина Анна Олеговна! – донесла вшивая интеллигенция. – Постоянно клеветает на Министерство здравоохранения!

– Сейчас послушаем! – кивнул Двенадцатый уполномоченный и приложился к батарее центрального отопления...

– Почему это в нашей аптеке нет аспирина, а в Министерстве здравоохранения никто не кашляет?! – тем временем удивлялась Анна Олеговна...

– Ась?! – откликнулся Двенадцатый уполномоченный и похлопал Анну Олеговну по плечу...

– Ниже! – потребовала гражданка Голеностопкина.

– В смысле? – не понял Двенадцатый уполномоченный. – Это Садовая, восемнадцать?

– Еще ниже, – пояснила гражданка Голеностопкина и даже встала на цыпочки, чтобы Двенадцатому уполномоченному было удобнее хлопать.

– Извращенка! – плюнул Двенадцатый уполномоченный.

– А растереть? – предложила Анна Олеговна.

– Как есть извращенка! – определил Двенадцатый уполномоченный и покинул квартиру номер четырнадцать через входную дверь.

– А кто одинокой женщине сделает бесплатный массаж?! – пожалала плечами Анна Олеговна. – Только уполномоченный или участковый!

И стала чесаться спиной о дверной косяк, проклиная Министерство здравоохранения...

Двенадцатый уполномоченный вышел из парадной на улицу буквально в двух шагах от «Папы Ромы» и пеходралом осилил это расстояние за три минуты...

«Папа Рома» оккупировал весь первый этаж жилого дома. Двенадцатый уполномоченный быстро проник в помещение бара и огляделся. У гардероба был припаркован мотоцикл Харлея

и Дэвидсона, за столиками находились странные посетители, а в самом дальнем углу зала сидел господин с лавровым венком на голове!

Двенадцатого уполномоченного обучали, что массовые безобразия не возникают беспричинно и надо искать источник вдохновения этой «иппокрены». А тут и раздумывать было не о чем! Господин в лаврушке смахивал на вождя по всем параметрам: экстерьер, интерьер и специи. Но подойдя поближе, Двенадцатый уполномоченный вовремя сориентировался, что это не господин, а мраморный бюст наподобие древнеримского. Только наряженный в затрапезный халат. «Вот это да!» – подумал Двенадцатый уполномоченный. А мог бы сдуру и разгрохать произведение искусства...

– Добро пожаловать!

Двенадцатого уполномоченного аккуратно похлопали по плечу, и тот обернулся в полном недоумении. Перед ним пританцовывала ну вылитая классная дама, от которой не грех получить указкой и в более разумном возрасте, чем пятнадцать-шестнадцать лет. В строгом костюме она смотрелась прямо-таки алгебраически, где всякие округлости выражаются через коэффициент.

– Входные билеты у кассира, – сказала дама. – А кассир – вот он!

И предъявила Двенадцатому уполномоченному некоего господина во фраке, придерживая господина за шкирку.

– Пан Пенелопский! – представился фрачный господин, не сетуя на суровое обращение. – Прикажете получить сто пятьдесят рубликов?

Он тут же достал из кармана химический карандаш, как следует его обмуслякал и принялся что-то рисовать на входном билете.

– Тут ошибочно напечатано, – пояснил пан Пенелопский, – что билетик стоит семь рублей. Но это для проезда на городском транспорте, а у нас, как вы сами понимаете, не трамвай! Пришлось исправить!

– Проходимец! – квалифицировала дама действия пана. – А зачем ты накарякал «двести рублей» взамен ста пятидесяти?

– Инфляция! – развел руками пан Пенелопский. – Чистый дефолт! А я что могу поделаться?!

Тогда Двенадцатый уполномоченный, с целью прекратить этот балаган, показал кассиру свое служебное удостоверение.

– Контрольная закупка! – сурово заявил Двенадцатый уполномоченный.

– Ошибочка вышла! – не растерялся пан Пенелопский. – Вот если бы я обманывал каждого посетителя – это криминал. А если мухлюю через одного посетителя – это ошибочка! Так записано в Уголовном кодексе! Вам просто не повезло, товарищ!

– Исчезни! – посоветовала дама Пенелопскому пану.

– Одну минуточку, одну минуточку... – воспротивился неугомонный кассир. – Все должно быть по правилам!

Он вытащил из пачки не менее замусляканную бумажку, написал на ней: «контрамарка» – и торжественно вручил Двенадцатому уполномоченному.

– А предыдущий билетик я выкуплю сам, – добавил пан Пенелопский. – Пойду, что ли, внесу деньги в кассу...

И направился к стойке бара, волоча за собой фалды.

– Ну и что тут у вас? – осведомился Двенадцатый уполномоченный, заметив, как похорошела дама в присутствии его официального лица.

И если раньше дама выглядела несколько консервативно, то теперь вся как-то растрепалась, растрепалась, растрепалась, и даже бюст увеличился на полтора размера.

– Бар со стриптизом? – не к месту осведомился Двенадцатый уполномоченный.

– А то как же! – подтвердила дама и расстегнула верхнюю пуговку своего пиджака. – Желаете обшарить?

– Что?!

– Помещение...

– Непременно! – выразил желание Двенадцатый уполномоченный.

Он грозно огляделся вокруг, мол, «Я тут всех прижучу!», но никто не обращал на него внимания, даже пан Пенелопский, который за стойкой бара преспокойненько употреблял спиртные напитки. Не помышляя внести двести рублей в кассу.

– Тогда начнем по порядку... – предложила дама и откашлялась. – Бар-музей «Папа Рома» был открыт пятнадцатого июня в честь Неизвестного автора! Все экспонаты являются подлинными, а действующие лица отвратительными. Поэтому лучше их не лапать, иначе можно схлопотать по морде!

– Позвольте-позвольте! – воскликнул Двенадцатый уполномоченный. – За всю свою службу я не встречал ничего

подобного!

– Есть много, друг Горацио, на свете... чего не выпить и не откусить! – пояснила дама. – А для остальных после небольшой паузы сообщаю... Что пора поднять свою жопу и приступить к демонстрации кинофильма!..

Пенелопского пана как ветром сдуло.

– Присаживайтесь, – сказала дама Двенадцатому уполномоченному. – Вы любите живые картинки? Я просто сама не своя от Сереги Эйзенштейна! Помните мыльную оперу «Броненосец Потемкин»?!

– В общих чертах, – признался Двенадцатый уполномоченный и за каким-то чертом сел в кресло.

– Сейчас постараюсь рассказать поподробнее... – продолжала верещать дама, устраиваясь по соседству. – «Бронетемкин Поносец» – это драма о раздельном питании. Матросы заказали себе макароны по-флотски. А кок приготовил гуляш из китайской кухни. На первое – маринованные кузнечики, на второе – гусеницы в собственном соку, а на третье – червячки с рисом. Наши матросики плотно покушали и желудочно взбунтовались! Они устроили диарею в Одессе! И стали бегать по Потемкинской лестнице – вверх-вниз, вверх-вниз! А тут некстати коляска с ребяточком – покатила! Ой покатила! И катится, катится, катится, катится... А Эйзенштейн – снимает, снимает, снимает, снимает... Так трогательно, так душещипательно...

– Носовой платочек брать будете? – возник Пенелопский пан подле Двенадцатого уполномоченного.

– Берите-берите! – посоветовала дама. – Сейчас обрыдаетесь!

– Двести рубликов – за бумажный, триста рубликов – за хлопчатобумажный! – назначил цену пан Пенелопский.

Двенадцатый уполномоченный раз мечтался, что, когда представится случай, он расстреляет этого пана собственноручно.

– Я просто сама не своя от братьев Люмьер! – не унималась дама. – Помните триллер «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота»?! Какой паровоз, какие колеса! А нынче что снимают?! Сплошная дребедень! Так и хочется лечь на рельсы и отдаться настоящему кинематографу...

– ...А также имеются в продаже гигиенические пакетики, – бубнил Пенелопский пан. – На десять, пятнадцать и тридцать литров.

Берите недорого! Всякое может в кинотеатре случиться...

– Да отстаньте вы от меня, бога ради! – не выдержал Двенадцатый уполномоченный.

Пенелопский пан огорченно вздохнул и испарился...

– Третий звонок! – объявила дама. – Фильм называется «Чего же ты медлишь, сволочь?!».

– Сейчас-сейчас! – отозвался невесть откуда пан Пенелопский. – Только вот кинопроектор налажу!.. Он все время ленту зажевывает!..

Послышался звон пустых бутылок и женский визг, как будто на коммунальной кухне происходила семейная драма.

«А кто сожрал „Броненосца“?!» – разорвался муж голосом Пенелопского пана.

«И-и-и-и-и-и-и!!!» – доносилось в ответ, словно жену таскали за волосы.

Тут на коммунальную кухню, видимо, подоспел Майкл Джордан и стал тренироваться с баскетбольным мячом. Он мутузил его по всему периметру, демонстрируя феноменальный дриблинг, отчего в зрительном зале посыпалась штукатурка.

– Соседи, – пожаловалась дама Двенадцатому уполномоченному. – Алкоголики.

– Сейчас-сейчас! – успокаивал зрителей пан Пенелопский. – Почти все готово!

И в результате – открылся занавес и отвратительно застрекотал кинопроектор. В зале погас свет, а по экрану поползли начальные титры: «„МЕДУЗА СИСТЕРС“ ПРЕДСТАВЛЯЕТ». Затем появилась красочная заставка – женская голова с косматой гривой из киноленты. А дальше замелькали крестики, нолики и куски из научно-популярной киноленты «Как трахаются амебы в озерах Ленинградской области». После чего – кинопроектор сдох...

– Сапожник! Сапожник! – завопили зрители, а дама пронзительно засвистела.

Прямо Двенадцатому уполномоченному в ухо, отчего тот едва не оконфузился.

– Кина не будет! – громогласно объявил пан Пенелопский. – Кинщик спился!

Двенадцатый уполномоченный облегченно вздохнул, потому что не ожидал увидеть ничего жизнеутверждающего.

– Я этому кинцику, – заметила дама, – волосенки-то повыдергиваю... Ну что же, – сказала она. – Посмотрим стриптиз!

И тут же рассыпалась барабанная дробь, зажглись разноцветные софиты, а по пилонам стали съезжать красотки – одна обнаженнее другой. Невидимый оркестр под управлением квартета балалаечников ударил по струнам, и на подиуме появился пан Пенелопский. Он подхватил свои фалды, соорудил уморительную рожу и принялся отплясывать канкан. При этом пан Пенелопский ухитрился петь что-то совсем непотребное даже для русских увеселительных заведений:

Вдруг из гардеро-ПА выглянула жо-ПА!
А?! Что?! Да ничего! Желтые ботинки!

Запыхавшись, пан Пенелопский взмахнул руками – мол, квартет балалаечников отдыхает – и перешел к разговорному жанру.

– Фуга о Неизвестном авторе! – объявил Пенелопский пан. – Первым номером выступает любимица нашего стриптиза, заезженная актриса федерации малышка Фи-Фи! Поприветствуем, пожалуйста!

Зрители отозвались дружными аплодисментами, а на подиум вышла красотка из тех, что называются «длиннобудылые», и ухватилась за пилон...

Фуга о неизвестном авторе

Последовательное исполнение одной музыкальной темы несколькими голосами

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Малышка Фи-Фи, в перспективном возрасте;
Классная дама, с высоким содержанием феромонов;
Двенадцатый уполномоченный, без аккредитации;
Пан Пенелопский, не без умысла;
Античный бюст Неизвестного автора, в лаврушке;
Потемкинские зрители.

ОБСТАНОВКА: Самая разнузданная.

Малышка Фи-Фи держится за пилон. Она в полном казенном обмундировании для стриптиза. Нижняя одежда: трусики и бусики.

Верхняя одежда: юбка, чулки и черный топ с надписью «Шерон Стоун – коза».

Малышка Фи-Фи (в процессе поэтапного обнажения). Я познакомилась с Неизвестным автором в три часа пополудни...

Потемкинские зрители (хором). Что говорить, когда не о чем говорить?!

Малышка Фи-Фи. Я готовилась к поступлению в Институт благородных девиц, а Неизвестный автор сидел на своем месте...

Звучит барабанная дробь. Луч прожектора шарит по залу и находит античный бюст в затрапезном домашнем халате.

Античный бюст. О донна Анна! Сволочь продажная, донна Анна!

Малышка Фи-Фи (снимает правый чулок). Неизвестный автор, как обычно, разрисовывал бумажные салфетки и накачивался

текилой...

Потемкинские зрители (хором). Что выпивать, когда нечего выпивать?!

Малышка Фи-Фи (бросает правый чулок зрителям). Через неделю мы надирались вдвоем и ехали за город, где Неизвестный автор поэтично рассказывал о грандиозных авторских гонорарах, опираясь на памятник Пушкина...

Пан Пенелопский. Ай да!.. Ай да!.. Кому-то – Пушкин, а кому-то – и сукин сын!

Малышка Фи-Фи (соглашается с паном). Вот именно!.. (Принимается за левый чулок.) Через месяц я фигурально забеременела. То есть у меня зародилась мысль, что можно прожить на эти самые гонорары, не думая о завтрашнем дне. Поэтому я отдалась Неизвестному автору в поэтическом заблуждении...

Потемкинские зрители (хором). Трахать кого, если некого трахать?!

Малышка Фи-Фи (бросает левый чулок зрителям). Мне показалось, что благороднее всего зарабатывать на черную икру с маслом литературными трудами. Он пишет – я отдаюсь! А птички щебечут и стучат клювиками в наше окно. И что ни птичка, то в клювике десять баксиков! Но Неизвестный автор меня обокрал! Я отдавалась четырежды за день, а романа как не было, так и нет!

Музыкальная пауза.

Саксофон: «Пу-пу-пу-пу!» Тарелки: «Блямс!»

Пан Пенелопский. Где ваша роза, друзья мои? Увяла роза, дитя зари!

Малышка Фи-Фи (соглашается с паном). И не говори!..

Срывает юбку, снимает топ и трусики. На ней остаются только бусики.

Малышка Фи-Фи (патетически). Вот разорение! В чем была, в том и осталась!

Античный бюст. О донна Анна! Почему ты не приходишь к моему мемориальному памятнику?!

Малышка Фи-Фи (*античному бюсту*). Замолчи, гадина-сволочь!
А то всю лаврушку оборву!

Потемкинские зрители (*хором*). Что обрывать, когда нечего обрывать?!

Малышка Фи-Фи (*соглашается с хором*). Вот именно!..
(*Античному бюсту.*) Импотент несчастный!!!

Пан Пенелопский. Вы прослушали поучительную историю о том, как не надо доверять неизвестным авторам, покуда они не добьются известности!

Малышка Фи-Фи (*презрительно*). Фи!

Делает книксен, собирает одежду, убегает на цыпочках.

Классная дама (*Двенадцатому уполномоченному*). Вам понравилось, гражданин начальник?

Двенадцатый уполномоченный. Сажать надо за такие пьесы!

ЗАНАВЕСКА:

тюль, крепдешин, портьеры и т. п.

Тут грянул квартет балалаечников, а пан Пенелопский снова подхватил свои фалды и стал отплясывать польку-бабочку. Во всяком случае, Двенадцатый уполномоченный подумал, что этот танец называется именно так.

Шел трамвай по Фридрихштрассе,
В магазинах нету мяса!
Где пельмени, где маца?!
Лапца-дрица-а-ца-ца! —

наяривал пан Пенелопский, подпрыгивая на коротеньких ножках.

Он к вам придет в семь сорок,
Он к вам придет в семь сорок!!!

А зрители яростно аплодировали и подпевали, невзирая на обстоятельства – кто придет, когда придет и по какой причине.

– А сейчас вы услышите голос Неизвестного автора! – возвестил пан Пенелопский, как только закончил разогревать зрителей. – Попрошу всех встать!

Зрители поднялись со своих мест, и Двенадцатый уполномоченный тоже, поддавшись на провокацию. Пан Пенелопский поставил заезженную пластинку и накрутил хвоста граммофону. Вначале этот механический аппарат яростно захрипел, потом дважды вжикнул, и по залу прокатились ругательства:

– Недоумки! Бездари! Паразиты! Графоманы!

– Вы прослушали речь Неизвестного автора, сказанную о Девятом съезде писателей и публицистов! – важно пояснил Пенелопский пан. – Прошу садиться!

«Пора вызывать группу захвата», – подумал Двенадцатый уполномоченный, но ровным счетом ничегошеньки не предпринял. Он лишний раз подивился своему поведению и рухнул в кресло.

– Вы совершенно обессилели, – заметила дама.

– И даже не знаю почему, – пожаловался Двенадцатый уполномоченный. – В прежние времена я бы...

– Дело в том, – стала рассказывать дама, – что все на свете происходит по воле Неизвестного автора. В пять часов он усаживается за письменный стол и начинает диктовать – как нам обустроиться в России.

– Кому это – «вам»? – неприязненно осведомился Двенадцатый уполномоченный.

А дама развела руками и заявила:

– Мы все Его персонажи, и этот Роман еще не закончен...

– Да что вы мне голову морочите?! – возмутился Двенадцатый уполномоченный.

– Голову? – переспросила дама. – Невероятное везение, что вам предписана голова! Взгляните-ка на тех уродов. Они называются Джо и Джеймс! Наши гости из Великобритании. На них же лица нету!

Двенадцатый уполномоченный посмотрел в указанном направлении и оторопел. У так называемого Джо на месте присутствовал только рот, куда он лихо заливал спиртные напитки. Все остальное – напрочь отсутствовало, впрочем как и у Джеймса.

– Недоделанные персонажи, – пояснила дама. – Можно сказать, недоношенные. Из полноценных здесь только я да пан Пенелопский.

– Вот в этом я сомневаюсь! – изрек Двенадцатый уполномоченный.

– Дело вкуса, – пожала плечами дама. – А рок, судьба и фортуна не имеют к нам ни малейшего отношения. Мы живем, как предписано Неизвестным автором. Рождаемся и умираем, влюбляемся и негодуем, насмехаемся и рыдаем – все вершится по воле Его литературного замысла. Вы можете возмущаться: «Ну почему я появился на свет в России?!» Но оглянитесь вокруг! Сколько безликих персонажей, как будто у них вообще нет родины! Ходят, жуют и понемногу размножаются. Слегка простужаются каждую зиму, невыразительно трудятся и формируют своих детей, как им кажется, по образу и подобию. А на самом же деле – их не коснулось перо Неизвестного автора...

– А знаете, что я думаю? – усмехнулся Двенадцатый уполномоченный. – У меня с вами разные романы!

– Так не бывает, батенька! – возник Пенелопский пан. – Восседаете здесь, а распотякиваете об «Анне Карениной»!

– А я вот сейчас позвоню куда следует! – хотел проявить независимость Двенадцатый уполномоченный...

Но!.. Тут отстукало пять часов, и Двенадцатый уполномоченный был вынужден прекратить свои речи...

15 июня – 1 сентября 2004 года,

Санкт-Петербург,

пять часов пополудни

notes

Примечания

– Чем вы тут занимаетесь? – спросил Папа Рома. – Быстренько поясните!

«Убиваем писателя!» – в общих чертах пояснил я. «И для чего?» – не унимался Папа Рома. «Он изжил себя как персонаж! – нахально отвечал я. – Спи спокойно, дорогой N. N., ты рассказал о себе все, что требовалось!» «Это по прейскуранту?!» – уточнил Папа Рома. «А то как же! – ухмыльнулся я и принялся загибать пальцы. – „Фриштык на кладбище“ – раз! „Реставрация фриштыка“ – два! „Файф без О-клока“ – три!» «Садомазохизм! – важно определил Папа Рома. – Это по прейскуранту!» И снова исчез в недрах своего заведения.

На самом деле примечаний никто не читает. И можно писать всякую чушь в собственное удовольствие. Ну, съездил я как-то на Крит, а затем, извините, в Прагу. С разными составляющими. И что же теперь, диссертацию защищать?! На тему «Влияние бессодержательных экскурсий на бессознательные процессы»? Рассказывать, что наврал с три короба и на этом не успокоюсь. Ибо какая Анна без Маша́, а Файф без О-клока?! Что же касается персонажа под литерами N. N. – он умер. Его расчленил редактор электропилой. Дважды переехал на автомобиле. Зарезал прямо в издательстве. И сказал, вытирая руки: «Тоже мне – литературная мистификация!» О, как я завидую редакторам, которые оттягиваются на примечаниях!

Фацеция (от *лат.* *facetia* – шутка) – жанр короткого смешного рассказа типа анекдота; возник в городской западноевропейской литературе в XII–XIII вв.; популярен в эпоху Возрождения. – Примеч. авт.

«С реализмом у нас не сложились отношения! – посетовал Н. Н. – Я умираю!»

5

Так начинался «Фриштык на кладбище».

6

Так продолжалась «Реставрация фриштыка».